

Василий БЕЛОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

(автобиографические заметки о жизни в Бокситогорском районе
Ленинградской области в 1930-1960-х годах)

2005

Санкт-Петербург, Пушкин

Содержание:

Детство

Родился я в небольшой деревушке Табаша Дрегельского района.
Наша деревня стояла на высокой горе.
Бабушки жили отдельно.
Колхозы были маленькие, в каждой деревне – свой.
Отец и мать были очень трудолюбивыми.
В сорок первом мужики уходили на фронт.
В школу я пошел в сорок третьем году.
Время летело, а мы быстро выросли.

Педучилище

С осени 1950 года стал я студентом.
О культурной работе преподаватели тоже не забывали.
Партийная, комсомольская организация действовали активно.
Летом я приезжал на каникулы домой.

Армия

Провожали меня на службу в конце октября 1954 г.
Учебные корпуса располагались в километре от казарм.
Через год обучение в радиошколе закончилось.

Школа

После демобилизации вернулся я домой в родную Глину.
Парень я в то время считался видный.
В начале декабря 1958 года справили скромную свадьбу.
В первую свою квартиру сделал я немудрёную мебель, хотя и не столярничал никогда.
Учитель в деревне обычно нагружен общественной работой.

Бокситогорский райком партии

19 марта 1961 года приступил я к работе в Бокситогорском райкоме КПСС.
Бокситогорский район расположен на востоке Ленинградской области.
Главная задача райкома – мобилизация тружеников района.
Недостатка в лозунгах, призывах не было.
Постепенно с партийными заданиями побывал я во всех точках района.
Вскоре Бокситогорский район увеличился вдвое.

Райисполком

Летом 1964 года избрали меня зампредом Бокситогорского райисполкома.
Совхозы – государственные сельхозпредприятия – были намного крупнее колхозов.
Заседания Исполкома проводились 2 раза в месяц.
Важной частью работы исполкома было распределение жилплощади.
Запомнился день снятия с поста генсека Хрущева – 14 октября 1964 года.
В 1965 году мы активно готовились к двадцатилетию Победы.

Культурная жизнь Бокситогорска

Центром культурной жизни города был Дворец Культуры.

В начале 60-х выстроили в Бокситогорске новенький кинотеатр «Спутник».

Большое внимание уделялось физкультуре и спорту.

Футбол следует отметить особо.

В середине июня 67 года побывали мы в Таллине.

Население Бокситогорска в большинстве своем составляли русские.

Не было в районе ни одной церкви.

В 1967 году советской стране исполнялось пятьдесят лет.

Вторая Родина

Родители жены переехали в деревню Великий Двор.

Вокруг деревни на многие километры тянулись леса.

Жила деревня полнокровной жизнью.

Всего два раза в эти годы провел я отпуск в других краях.

Конец золотого века.

Постскриптум

Детство

Родился я в небольшой деревушке Табаша Дрегельского района.

В этом месте сходятся границы Новгородской, Вологодской и Ленинградской областей. С 1955 г. наша деревня и вся окрестная Мозолёвская волость была передана в подчинение от Новгорода Ленинграду.

Родители мои – отец Антон Платонович и мать Мария Степановна – местные русичи. Родом они из деревни Глина, из крестьянских семей. Немного помню деда Платона. По имени он прямо философ, только не афинский, а «глинский». Дед умер в войну. Ездил он по деревням и что-то менял, чаще всего, как говаривали, шило на мыло. За это и звали его менялой. Уже старенький приходил к нам, посидеть с внуками и порассказывать баек. Один раз вылечил мне ногу, которая от царапины долго гноилась и никак не заживала. Йода и бинтов у нас не бывало, так он нарвал березовых листьев, распарил и привязал к ноге. Через три дня все и прошло. Деда по матери звали Степаном. Лет в шестьдесят пять он укладывал ржаные снопы в скирду, да и упал с нее, головой о камень. Так и погиб на трудовом фронте.

Отцу фамилия была Михайлов, но в двадцать восьмом году он пошел в армию и записался Беловым. Новую фамилию то ли сам придумал, то ли услышал где, то ли захотел выделиться из толпы родственников-однофамильцев. Короче, как душа пожелала, так и назвался. Тогда это было просто.

Появился я на свет в январскую лютую стужу в маленькой холодной избушке, купленной родителями как временное жильё. Потому, наверное, мои

первые детские воспоминания связаны именно с сильными морозами. Помнится, за десять километров «со Струнина» мужики возили на лошадях бревна для нашего нового дома, забегали к нам в избушку погреться, стуча перемерзшими рукавицами. Брёвна длинные, уложены на сани и подсанки.

В новый дом мы переехали в сороковом году, за год до войны. Отец едва успел собрать сруб, еще и коридора не приладил. Однажды, было мне лет пять, взял он меня за мхом для прокладки бревен. Возвращались мы обратно, я сидел на возу, а отец остановил телегу и пошёл поискать грибов. И тут, лошадь вдруг взбрыкнула и понеслась – видно овод ее укусил. Я, конечно, в рев, отец еле догнал.

Годы спустя я часто забегал в этот лесок и всегда набирал там грибов. Называлось это место «ржища». Раньше там сеяли озимую рожь по горелому лесу. Таким подсечно-огневым земледелием занимались еще древние славяне. Вот и у меня в памяти осталось, как в конце войны зимой спилили участок леса, в апреле сожгли и получилось огромное пепелище. Летом посеяли рожь, расцарапав землю деревянными бородами. Один раз и уродился хлеб, а затем получилось пастбище, называлось «сучьё».

Наша деревня стояла на высокой горе.

С нее хорошо просматривалась округа на несколько километров – сёла Ярцево, Фоминское, Овинец, Пареево, Плёсо и дальше – Мозолёво, Пупово, Дрочилово. Особенно красиво было в половодье, когда вся пойма речки Воложбы заливалась водой, от горы до горы, как море. Когда вода спадала, мы шли на рыбалку. Ставили крючки, сами их гнули из проволоки и точили. Вырубали удилища, тут же в берегу копали вьюнов на наживку. Дней пять хорошо ловился налим. Утром часов в шесть, по холодку, шли проверять крючки. С замиранием сердца смотрели на вытаскиваемые из воды удилища, и радостно было, когда там болталась рыбешка. Невеликий свой улов нацепляли на прут. Замёрзшие руки отмывали теплой водой из еще не высохших заливчиков, нагретых майским солнцем и не остывших за короткую ночь.

В конце мая, когда зацветала черёмуха, в речке Табашке четыре-пять дней ставили крючки на форель, на червя. Попадала мелкота, но иногда много. Табашка – каменистая, мелководная, с холодной водой. Летом в жаркую погоду форель там ловили руками. Она ведь делает норки под камнями, так возьмешься за камень с обеих сторон, нащупаешь норку и выгатишь небольшую рыбёшку. А за крупной форелью ходили километра за три-четыре на речку Финашку.

Основной нашей едой была картошка – варёная, жареная, печёная, иногда тушёная в русской печке с мясом. Последняя, конечно, самая вкусная. Картошки сажали много, огород в двадцать пять соток. Картошкой подкармливали и скотину. Почва для нее пригодная – суглинок, да и удобрялась хорошо. Весь навоз, накопленный за год от скота, вносился весной

под картошку. Урожай всегда был отменный, подвал, бывало, забивали под завязку. Сажали её поздно, в начале июня, как освободятся лошади от посевной в колхозе. Поэтому и копать начинали только со второй половины сентября, когда уже пойдут дожди и земля размокнет. Для нас, школьников, это была самая тяжёлая работа, всё вручную, лопатой. Приходили из школы и до темноты ковырялись в грязи, в воскресенье – целый день. И так месяц до Покрова, то есть до середины октября. Иногда засыпал снег, таял и снова копали. А уж когда заканчивали уборку, мы были на седьмом небе от радости, ведь сразу появлялось хоть немного времени побаловаться, побегать.

Хорошим подспорьем были грибы и ягоды. Грибы росли прямо за деревней, на окатах к Табашке, «на Белом дворе», как тогда говорили. Бывало после дождя в небольшом осиннике просто красно от подосиновиков. А позже, уже в сентябре, собирали волнушки, которые солили на зиму. На большое болото километрах в четырёх ходили за клюквой, брусникой. Ох и вкусно же было зимой поесть овсяных блинов с моченой брусникой! Хлеб пекли сами, раз в неделю, каждая семья (в магазинах хлеб и сахар появились только в середине пятидесятых). К престольному празднику Ильину дню приносили черники на ватрушку. Ходили мы с бабушкой Машей на черничник, и как ни пойдём, так всегда было заблудимся. Однажды ушли совсем далеко и заблудились сильно, вышли в места, о которых только слышали – «за долгую ниву». Мне было лет десять, сам босиком, конечно, ещё и дождь пошёл. Насилу докричались до пастуха, деда Прохора, он показал нам тропинку домой.

С ранней весны ели всякую зелень – пestyши, щавель, кислицы, дудки, а потом и ягоды – черемуху, смородину. Яблок и вообще фруктов в наших северных краях не водилось. Росло несколько дичков, но яблоки родились мелкие и кислые – не умели за ними ухаживать. В огородах сажали картошку да капусту, редко когда огурцы или морковь. Эти овощи выращивали в колхозе. Там был сторож, но мы все равно умудрялись воровать. Особенно любили забраться в горох, набить стручками рубаху и убежать прочь.

Главной заботой родителей было одеть и обуть нас, детей. Летом, с мая по ноябрь, с обувью можно перебиться, как бы умели плести лапти, да этот секрет оказался утерян. К тому же в нашей деревне липа (из нее получают лыко для лаптей), росла очень далеко – за той же «долгой нивой», километрах в десяти. Всё же и туда ходили, за лыком для мочалок. Технология была нехитрая, но времени и сил уходило немало: с молодых лип драли кору, собирали в вязанки, несли домой и недели на две замачивали в тёплую воду, в заводи, например. Лыко отслаивалось, его мыли, сушили и вязали мочалки. Одного похода хватало на несколько лет. Про лапти мне запомнились две частушки. Спел их дед Всеволод, когда в подпитии неожиданно пустился в пляс:

Лапти мои
Лапоточки мои
Две корявые плясали
Это дочки мои.

Продолжил дед так:

Пляши Матвей
Не жалея лаптей
Пляши Устя
Рукава спустя.

Устя, или Устинья – имя древнее, русское, красивое. В нашей деревне жили Устинья Петрова, Прасковья и Олимпиада Широковы, Фёкла Смирнова. Жаль, что теперь такими именами не называют детей. Правда, Фёкла Толстая иногда мелькает на телевидении.

Одежонка была никудышная, перешитая из старья. Редко сошьют новые штаны из хлопчатобумажной «чертовой кожи». Полотно, в основном, ткали сами, изо льна, на самодельных станках. Было оно грубое, но очень плотное. Из него шили брюки, портки, рукавицы, постели. Обуви было мало, непромокаемой не имелось совсем. С начала мая и до октября везде ходили босиком. Сейчас трудно представить, как можно осень-весну обойтись в деревне без резиновых сапог. А тогда из кожи делали «смазные сапоги», но раз в три года, и только в школу. Они быстро рвались, текли. Однажды в середине октября пошли на занятия, а на лужах уже был ледок и ноги так замерзли, что вернулись с полдороги домой. Пришлось родителям «сколотить» нам какие-то опорки. С зимней обувью было получше. Держали овец, стригли шерсть. Отец возил ее за тридцать километров в деревню Фомкино, где родственник-каталь катал нам валенки. Так что зимой мы бед не знали.

Бабушки жили отдельно.

Мы, дети, а нас было четверо, росли и нянчили друг друга сами. Нянчил я третьего брата Петю – ему полгода, и мне три с половиной. Помню, в одной рубашонке ползал он на крыльце, и кусали его нещадно комары да мухи. Как-то раз сбодала меня корова. Просто шла в хлев по палисаду да и откинула рогами в сторону. В 45-м году, за неделю до окончания войны, родился младший брат Толя. Мне было уже целых десять лет, и я стал настоящим нянькой. Не давали ведь тогда женщинам ни декретных, ни других отпусков. Случалось, рожали прямо в поле. Мать через неделю уже ходила на работу, а я носил грудного братишку к ней в поле, кормить. Именно носил, колясок ведь не знали. Ходили втроем: впереди я, десяти лет от роду, на руках тащил грудного Толю, сзади семилетний Петя нес соску. Соска, ясное дело, самодельная: в тряпочку от какой-нибудь старой рубахи нажевано хлеба, перевязано да и засунуто в рот младенцу. Он доволен, сосет, молчит. Так и жили, и ведь, в общем-то, серьезно не болели. Во всей деревне, не такой уж

малой, умер в детстве только один ребенок. Да и тот расковырял какую-то мину, оставленную солдатами в 41-м году.

Играли мы в то, что выдумаем сами. Очень любили прятки – и пятилетние, и пятнадцатилетние ребяташки. Лазали в заброшенных сараях, их много было на задних дворах, особенно у семьи Зеленовых. Кстати, сам Зеленев в тридцатые годы был признан кулаком, за то, что имел две избы с общим коридором, два сарая и амбар. Причем все построил своими руками, был очень трудолюбивым человеком. Одну избу отобрали под организованный колхоз «Освобождение». В другой избе через коридор жили трое ребят Зеленовых с матерью. А самого хозяина сослали куда-то, где он и сгинул.

Любили мы городки-рюхи, биты и вешки делали сами. Играли в лапту, мячик шили из тряпок. Да и просто много баловались, брызгались водой, грязью. Была еще такая игра, «красным клином»: посадим одного парнишку на четвереньках на землю, сложим на него все шапки, кепки, сколько есть, и начнем перепрыгивать. Кто сколько свалит шапок, того столько раз и накажем. А наказывали просто: брали пацана за руки-за ноги и били его задницей в попу тому, через которого прыгали. С фантазией у нас, конечно, было не богато.

Всегда стремились «слинять» из дома, чтобы не заставили что-нибудь делать. Любо было «уйти в кручи» – так назывались длинные, поросшие орешником окаты к реке Воложке. Бегали, лазали по кустам, а попадавшиеся орехи съедали еще в молочной спелости. Старшие ребяташки с младшими не церемонились. Бывало, учили младших плавать – не так, как теперь в школах плавания. Хватали и швыряли голого мальчишку с берега в реку. Жить захочешь – поплывешь. Так и учились, никто не тонул.

Вода в нашей Воложке всегда была холодная, ключевая, но разве этим пацанов остановишь! В жаркий рабочий день деревенская ватага моментально спускалась с кручи и начинала плескаться. Так же быстро, бегом, поднимались обратно в гору – надо было и согреться, и на работу успеть, ведь на обед отводился час.

Зимой тоже было прекрасно, хотя часов с четырех вечера все делалось в темноте. Привыкали и видели в ней как кошки. Керосина не хватало, лампа зажигалась только поужинать и сделать уроки. А мы, ребяташки, наносив дров, уходили на гору, кататься на самодельных санках и лыжах. Позже надо было проскочить домой в заулочек за печку, чтоб не попасться на глаза родителям, иначе – брань. Ведь старая одежонка, перешитая со старья, промокала насквозь, быстро рвалась, и новой взять было негде. После обеда или ужина любили забраться на печку. Она всегда была теплой, в ней сохраняли еду весь день, чтобы и не разогревать (не на чем!), и не есть холодного. Щи, суп, мать варила каждое утро, и все же, случалось, к вечеру варево чуть прокисло. Это называлось «Афоня в суп забрался».

Конечно, бывало и старших мы не слушались, и баловались много, и

кости ломали. У меня была сломана рука, у младшего брата – нога. Все же ребенок, хотел прыгнуть с трамплина в пёховской круче дальше всех.

Мы вчетвером спали на полу, на одной соломенной постели. Вечером, как водится, допоздна баловались, хохотали, кормили друг друга «рыковкой» – пукали, значит, во весь дух под одеяло и накрывали кого-нибудь с головой. Отец сквозь сон сначала предупреждал устно, затем шел с ремнем и оттягивал по нашему спанью. Да пока доходил, мы уж скатывались по сторонам и не найти. Темно же, свет не включишь.

Тараканы и клопы в избе водились в несметном количестве. Была у нас такая шалость: лежа на печке брали тараканов целыми горстями и бросались друг в друга. На потолке тараканы копошились полчищами, большие, черные, многие с сумками. В такой сумке – несколько сотен тараканят. Боролись с тараканами простым крестьянским способом. В январе-феврале уходили всей семьей на неделю к соседке, бабе Варе, благо у нее дом был большой, и жила она одна. В тридцатиградусный мороз отворяли двери настежь. Печи, естественно, не топили. И тараканы вымерзали почти все, их потом веником сметали с печки и пола целыми кучами. Хватало на два-три года, потом плодились опять. Клопы тоже утихали, правда совсем ненадолго. Жили они глубоко в щелях единственной деревянной родительской кровати и не боялись ничего, поскольку, как говаривал Аркадий Райкин, «не высовывались».

С санитарией, конечно, было совсем туго. Досаждали вши, по нынешнему педикулёз. Нас мальчишек всегда стригли наголо, чтоб вши не цеплялись. А каково-то было женщинам? Недаром ведь бытовала поговорка: «Приходи, кума, чайку попьём, поищемся» – вшей то есть поищем. В бане мылись раз в неделю, но без мыла, его не знали. Стирали щёлоком – настоящей золой. И все же, тяжелых болезней, эпидемий, по тем временам не было.

За два километра от нас, в деревне Мозолёво жил фельдшер Куйбышев. К нему обращались редко. Царапины, порезы, ушибы проходили и так. А если сильно захрипит в горле, мать сажала к чугунку только что сваренной картошки, чем-нибудь накрывала и заставляла подышать горячим паром минут пять. И проходило, хотя и не всегда. Году в сорок первом мы со старшим братом чем-то заболели, не определить, температура никак не спадала. Отправили нас зимой на лошади с оказией в райцентр, за сорок километров. Пролежали мы дней десять в больнице и снова с попутной подводой вернулись домой. Так и не узнали, чем болели. Помню как поразило меня белое постельное бельё. Увидел я его в первый раз и запомнил на всю жизнь, как на чистые белые простыни положили нас, маленьких деревенских пацанят. А через полвека, в 96-м году, попал я в больницу Семашко в Пушкине и лежал там на бумаге, белья не было, сказали – все изорвалось. Такие вот оказались ельцинские реформы, выходит, пострашней войны.

Зимой в 44-м году, у меня, девятилетнего мальчишки, сильно разболелись зубы. Пришлось впервые самому выбраться из деревни и

отправиться в поселок Бокситы, к зубному врачу. От дома в темноте по заметенной тропинке прошел я семь километров на рудник, затем час проехал на рабочем поезде, и в поселке еще походил. Все нашел, подлечился, вышел из больницы и отправился на местный рынок. На детские копейки купил три конфетки-подушечки, каждому брату по конфетке, зажал в ладони в варежку и принес домой один склеенный комочек. А на станции какой-то солдат на костылях дал мне буханку хлеба, просто подошел и дал, я всю дорогу отламывал по кусочку. Такие в те времена были солдаты. О них остались самые добрые воспоминания.

Через три года весной, когда тают снега, лазал я по ручьям и сильно простудился. Опять разболелись зубы, нарвало флюс. Никто внимания не обращал, родители были заняты работой. Когда терпеть стало нельзя, меня отправили в зубную поликлинику, сначала в Бокситогорск, потом в Тихвин. Там ничего уже сделать не могли, требовалась операция. Пришлось-таки отцу бросить свой колхоз и свести меня в Ленинград, в больницу Эрисмана. В ней все еще лежали тяжелораненные с войны. Там и мне сделали операцию, две недели подлечили и выписали. Помню, как прошел по Невскому от Площади Восстания до Адмиралтейства и обратно. Никуда не сворачивал, чтобы не заблудиться. Удивлялся красивым и высоким домам. Некоторые были разрушены и еще не восстановлены, шел ведь сорок седьмой год. Тогда же впервые прочитал в начале Невского знаменитую сейчас табличку «Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна». Зашел переночевать к тетушке Полине, в ее комнату на углу Невского и Маяковской, а оттуда на перекладных добрался домой.

Колхозы были маленькие, в каждой деревне – свой.

Наша деревня называлась Глина. Здесь глину и добывали, делали кирпич, а у реки были устроены ямы-глинники (говорили – «гнильники»). В деревне и всего-то тридцать дворов, но народ работающий, дружный. В тридцатые годы, перед войной, в нашем колхозе устроился даже небольшой садик для детей. Самая важная работа – сенокос. С высокой горы от колхозного двора открывалась пойма реки, заливные луга с исконными русскими травами – иван-чаем, ромашками, васильками. В погожий день вся деревня копошилась, как муравьи – косили, кучили, сушили сено, метали стога. Обед готовили там же, чтобы не тратить время на ходьбу домой. Варили кашу, кипятили чай на всех. Это место у реки так и прозвали – кашеварня. Зайдет было разговор, где завтра косить, а в ответ – у кашеварни. Куда пойдем крючки ставить – опять к кашеварне.

Перед войной было какое-то радостное, веселое время, жизнь налаживалась, даже в колхозе. Пьяниц не водилось, они единицами появились много позже, уже в пятидесятые годы. Трудились сообща, и праздновали вместе. Помню, как в окончание весеннего сева прямо на улице вдоль дороги

наставили столов, еды, водки, и усадили всех колхозников до единого (а не колхозников и не было). Детей, правда, за столы не сажали, мы только смотрели. Трудовые споры, случалось, вспыхивали не только на собраниях, но и на таких вот застольях. Однажды, заспорив, бригадир Шабанов Степан хватил бутылкой по голове счетовода Петрова Мефодия. У того здоровье от удара не пошатнулось, но милиционер все же приехал, хотя и за сорок километров. Шабанова осудили на два года, и в колхоз он уже не вернулся.

И не мудрено. Ведь изматывала людей ежедневная, тяжелая колхозная работа. А затем вторая смена дома, где надо обиходить скот, обработать участок, накормить семью. И не платили в колхозе почти ничего, особенно деньгами. Этакая трудовая колония с проживанием на дому. Паспортов не давали, а кому удавалось получить, так искали, где лучше. Не возвращались ни отслужившие в армии, ни окончившие техникум, ни отбывшие наказание.

А люди и в колхозе жили, веселились в меру сил. Праздновали престольные праздники – Троицу, Ивановскую, Казанскую, Илью, Успенье, Покров. У каждой деревни был свой праздник. Ходили друг к другу в гости. Варили нехмельное пиво и брагу. Под пиво проращивали молодую рожь, сушили солод, варили в бочках – каждая семья в своей – за деревней у ручья. Занятно было посмотреть на костры, хлопоты стариков вокруг этих пивоварен. Сначала готовилось сладкое сусло, мы любили его пить. Потом туда добавляли хмель, давали побродить дня два, так и получалось деревенское пиво. А для браги добывали несколько кило сахара, пачку дрожжей, ставили дней на десять. Крепость была градусов пятнадцать, но иногда доходила и до тридцати. Водку покупать себе дороже, денег ведь не давали.

Однажды вечером, в Ильин день у нас в Глине собралось много молодежи из окрестных деревень – Заполья, Мозолёва, Мощенки, Рудной горки, Ярцева, Дорогощей. Мы ждали этого праздника как чуда, так хотелось посмотреть. Ведь не то что телевизора, даже и радио не было. А уж Ильин день – развлечение отменное. Веселились просто: ходили группами по деревне, пели песни под гармошку, плясали. И так до утра.

Частушек много озорных пели, не для детских ушей, но на это никто не обращал внимания. Сейчас, правда, по телевизору можно услышать и похлеще. Вот что гудели пьяные мужики под гармошку у нас в Глине:

Сударушка дружку
Дала проехать по брюшку
Молоду мальчишечку
Оскоромить шишечку.

«Оскоромить» – значит сделать запретное, съесть скромное после окончания православного поста, т.е. после Пасхи.

Или:

Хорошо любить свинью
Тихую скотину
Люди спросят, что ты делаешь
Дергаю щетину.

А еще так:

Я ходил и уговаривал
Колхозного быка
Огуляй мою корову
Не оставь без молока.

Или так:

Село солнышко за тучу
Выходи колхозник с-ать
Ты такую насе-ешь кучу
Что колхоза не видать.

А затем:

Обниматься – не работать
Голова не заболит
Не у каждого колхозника
С картошки х-р стоит.

Ели-то ведь одну картошку.

Вообще-то в те времена чувства стыда у людей имелось больше, чем теперь, народ был совестливый. Хотя жила поговорка о том, что стыд не дым, глаза не ест. Так или иначе, но в клубе, к примеру, озорных частушек не пели. Зато на деревне было полное раздолье:

Тыну-тыну, портки скину
И на лавку положу
А чтоб кто-нибудь не стибрил
Я веревкой привяжу.

И так без конца.

Особенно любили частушки девушки лет по 20-25. Парни-одногодки служили в армии, а девочкам только и оставалось, как сочинять любовную поэзию о колхозной жизненной прозе. Например:

Бригадиру посулила
Председателю дала
Четыре года не работала
Ударницей была.

И еще:

Мы опять пошли гулять
Смотрите председатели
Нам не надо трудодней
Пошли к едреной матери.

Выходил плясать вернувшийся с фронта по ранению солдат, пел

девушке-форсунье:

Ничего, что ты красива
И галоши на ногах
Я любить тебя не стану
И во рваных сапогах.

Калоши-галоши в то время бедное – шик!

Мать, Мария Степановна, была малограмотная, но пела «По военной дороге шел в борьбе и тревоге», «Катюшу». Рассуждала о политике и знала, что правительство – это «Совнарком». Выскакивало у нее такое выражение: «У тебя что, Совнарком-то совсем не варит?» (Совнарком, значит, башка). Поругивала и Сталина, но только дома, у печки, и чтобы посторонних никого не было. Отец был коммунистом, председателем колхоза, надо было подавать пример.

Страсть, как любили мы послушать деда Прохора и деда Всеволода (или «Сиволода» по-нашему). Добрее они были к ребятишкам, чем остальные, знали множество частушек и побасёнок. Про жадного человека говаривали: «Да он лучше с крыши на борону скочит» (чем что-то даст). Про крепкого, сытого мужика: «У него рожа, что пьяной бабе не обос-ать». Про работу: «Работой не прокормишься, был бы хлеб», «Работать надо, манна небесная не упадет», «От работы кони дохнут». Дед Прохор, с большой окладистой бородой, бывало сажал нас на телегу и брал с собой возить обмолоченный лен, ржаные снопы, сено.

Колхозное добро охранялось строго. Даже за небольшое воровство заводили уголовные дела. В нашем колхозе таких случаев не было, в деревне ведь все на виду, ничего не утаишь. А у соседей одна женщина, когда ребятишки голодали, забила колхозную корову. Угнали её в Сибирь на три года, дети остались одни. Впоследствии вернулась, прожила почти до девяноста лет. «Колхозное – не тронь», а из колхоза все увозили, считалось, что сдавали государству. Государство за это никаких копеек не давало. Наоборот, добавляло еще и большие налоги, не деньгами (не было денег), а продуктами, вроде оброка. С нашей коровы сдавали мы в год триста литров молока. Относили за километр на небольшой молокозавод, стоявший на речке Табашке. Говорят, делали там сливочное масло. С теленка, овцы, поросенка и кур сдавали мясо и яички. Даже на наши дикие яблоньки с кислыми яблоками полагался налог. Объяснялось просто: «Все для фронта, все для Победы», а позже: «Для восстановления разрушенного войной хозяйства». И ведь не протестовали, разве что роптали про себя, и все. Только при Хрущеве эти налоги отменили.

После Победы народ зажил веселее, хотя тяготы в колхозе не уменьшились. Так же и трудились вручную, до надрыва, бесплатно. Только к началу пятидесятых годов к колхозу появился трактор-колесник ЧТЗ, и это было громадное облегчение. Сейчас диву даешься, как совершенно

бесправные люди безропотно исполняли приказы. Никто не спрашивал, чего ради. Не было ни газет, ни радио, да и были бы – немного оттуда узнаешь.

Много пришлось пережить, но сейчас, с высоты прожитых семидесяти лет думается, что в то время колхозный строй был благом для нашей маленькой деревни Глины, а может и для всего государства. Колхозы помогли выжить всем, а не отдельным людям, позволили избежать массового голода. Помощь фронту была просто неоценима. Да, из колхозов выгребали всё, но в военное время это было необходимо. Взамен государство бесплатно лечило и учило, воспитывало и охраняло. На каких бы весах взвесить все эти приходы-расходы!

В колхозе работали не только трудолюбивые, но и лентяи, пьяницы, неумехи – а таких ведь половина. Эти люди без принуждения и контроля немного могут сделать. За примером не надо далеко ходить: в двадцатые годы в наших краях в бывших барских усадьбах организовались две коммуны. Крестьяне из соседских деревень по желанию заселились в господские дома, получили землю, скот, инвентарь – работайте, хозяйничайте, только налог платите. И что же? А через три года обе коммуны развалились. Одни работали, другие пьянствовали. Начались распри, все имущество промотали и разбежались. А в колхозе – жесткая централизованная дисциплина, контроль государства. Плохо работаешь, запил – оставайся без хлеба, а то и во вредители угодишь. За годы революции и гражданской войны развалилась в российской деревне трудовая мораль, вот и пришлось ее восстанавливать с помощью колхозного строя.

Отец и мать были очень трудолюбивыми.

Нас с детства приучали к труду и нравственности. Летом в сенокос отец вставал в четыре часа утра и шел косить до восьми, затем занимался колхозными делами, а к полудню уже вместе со всеми убирал сено. И так тридцать лет подряд. Мы подрастали, лет с двенадцати ходили на покос вместе с ним, хотя и трудно бывало встать так рано. На свою коровенку давали самые плохие участки – опушки, лесные полянки, канавы. Косить разрешали только в конце лета, когда обеспечено колхозное стадо и выполнен план сдачи сена государству. Потом придумали такой порядок: из всего накошенного сена семье выделяли десять процентов. Выходит, надо было поставить пятнадцать-двадцать стогов сена по семьдесят-сто пудов, чтобы обеспечить свою корову. В общем, несладко было в колхозе, недаром вся молодежь постепенно правдами и неправдами из него разбежалась. Но жизнь летела, и мы, дети, не задумывались над ее тяготами.

По дому делали все, что скажет мать. Помогали, как могли. Посуда была не ахти какая, а начнем мыть, и ту всю перебьем. Трудно приходилось с ножом – один был в доме, и картошку чистить, и хлеб резать. А нам ведь хотелось и ветки построгать на улице, и свисток сделать. Запропаستится нож

куда-нибудь, тут труба дело. Попадало и от отца, и от матери. Полностью на нас были дрова – напилить и наносить на следующий день. Осенью таскали березовые клячи из кручи на себе. Зимой отец рубил их сам и возил из леса на лошади. Топили две печки – большую русскую и круглую. Носили воду метров за сто из колодца. Наносить надо было целую кадку, на дворе ведь кроме коровы еще и теленок, поросенок, овцы. Летом загоняли домой скот, косили и таскали траву корове, пололи в огороде. И все это вечером, поскольку уже с восьми лет мы со старшим братом ежедневно работали.

Школьники помогали в колхозе все лето, начиная с двадцатого мая. Велся учет, кто сколько заработал трудодней. Ученики с восьми до тринадцати лет, всего человек пятнадцать, в трудовой бригаде под руководством какой-нибудь бабы Дуни каждый день пололи картошку, вязали лён, собирали колоски. С тринадцати лет подростки косили и работали на лошадях наравне со взрослыми. Лошадей было мало, для тягла использовались и быки. Однажды мне велели подвозить сено к стогу на дровнях, на быке. И оказалось очень трудно одеть на него хомут. Бык-то большой, с рогами, а я маленький, лет десять-двенадцать. Кое-как завел быка в канаву, только так хомут и набросил, да не той стороной. Взрослые потом долго потешались. Никто не то что не помог, а и не показал, как надо. Такая была суровая жизнь – барахтайся сам, как хочешь.

Машин в колхозе имелось три – ручная веялка и конные молотилка с косилкой. Молотилка для обмолота зерна стояла на гумне, вал был выведен наружу и приделан к кругу. Вращался он двумя лошадьми. Мне тоже приходилось водить лошадь и бродить по этому кругу до одурения. Остатки домолачивали вручную. В риге сушили снопы, потом их на деревянном полу шваркали приузами (короткая палка, притороченная ремнем к длинной рукоятке). Пылища стояла невообразимая. Пот с женщин лил градом, молотили же только они, родимые, иногда подростки с 16 лет. Работа тяжёлая. Именно про молотьбу сложилась знаменитая присказка: «Тит, иди молотить – брюхо болит. Тит, иди кашу есть – где моя большая ложка».

Воду на скотный колхозный двор носили тоже женщины, на плечах, в темноте. А мы любили на сеновале этого длинного скотного двора играть в прятки и баловаться в сене. Темно, спрячешься бывало так, что самому себя не найти. Забирались и на конюшню, но там строгий одноглазый конюх Николай Петрович гнал нас матом. Скоту возили сено с поймы реки. Вроде бы всего километр, да глубоко под горой. Дорога шла серпантинном, лошади надрывались, скользили. Мы тоже помогали возить это сено, и у нас воз не раз опрокидывался.

В сенокос пароконной косилкой скашивали гладкие участки, а кручи и кочки обходили косой вручную. Косилкой в войну заведовал Валька Лебедев. Подросток 16-17 лет, золотые руки, не было ему цены. А ведь повзрослел, пристрастился к бутылке и в пьяном угаре свёл счёты с жизнью – повесился.

Меланхолия получается, но так и было – половина ребят деревенских пропала из-за распространившийся к 70-м годам заразы-пьянки. Кто вместе с трактором утонул в реке, кого плитой придавило, кто просто спился. Ну а во время войны пьяниц не водилось.

Некоторые работы в колхозе мне особенно нравились. Например, ставить вешки когда сеют зерно. Сеяли вручную. Заправлял, обычно, какой-нибудь старичок. Висела у него на плече торба с зерном, он шел и разбрасывал зерно по коридору из зелёных веток. Их-то я и любил расставлять. В конце мая сеяли яровые, в конце августа – озимую рожь. Наломашь, помню, зелёных веток ходишь по тёплой пашне босиком, выставляешь коридор 2-3 метра. Дед кидает зерно, не торопится, надо чтобы без проплешин взошли всходы. Урожаи были отменные, рожь стеной.

Любил я объезжать картошку в колхозе, особенно с тётушкой Дарьей. Сидишь, было, на лошади и правишь по борозде, а Дарья за плугом идёт. Тётушка весёлая, добрая, никогда не бранилась. Поработав, отдыхали на меже, ели землянику. А вот дома объезжать картошку с батей была пытка, в этот день норовил куда-нибудь смыться. Особенно тяжело разворачивалась лошадь на узкой меже перед изгородью. Отец ругается, что не доехали борозду, иногда дрыном оттянет и лошадь, и меня. Объезжали вечером, конь наработается за день в колхозе, да и отец тоже, а я отвечай.

Очень хорошая работа летом теребить лён. В июле он цветёт, поле переливается голубыми волнами, красота неопиcуемая. В начале августа начинали его теребить, или таскать, как у нас называлось. Вязали по 10 снопов и ставили головками кверху, делали суслон, вроде домика. Таких домиков наставим уйму. И стимул имелся – кто сколько натаскает суслонов. Дней 10 лён просыхал, потом в жаркий день всем колхозом, и стар и млад, шли его колотить. Расстилали рядно, садились вокруг и барабанили деревянными колотушками снопы на доске. Обмолоченную массу провеивали, оставалось семя. Как-то отец с соседом на самодельном деревянном станке нажимкали из этого семени льняное масло. Картошку жарить на нём оказалось обалденно вкусно – да нам все было вкусно. Льняную тресту (снопы без головок) вывозили на покосы, расстилали. Недели три лежала она на дождях, потом ее трепали. В большом сарае стояли деревянные станки-мялки. В них засовывали лён-тресту и жимкали ручкой, делали куделю, из которой и полотно ткали, и на порох, говорят, шла. Работали в пыли и в темноте, только женщины, всё вручную. Сейчас вот трепать, таскать, жимкать и колотить не надо, всё делает машина. А ведь поди ж ты – почти не возделывают исконный русский лён.

Летом 49-го года мне поручили и вовсе взрослую работу – пасти в лесу телят. Пастухом работал вернувшийся с фронта хромой Миша Смирнов, а я при нем ходил в подпасах. Провели мы с ним три месяца с 20 мая до 1 сентября, пока в школе не закончились каникулы. Нога у Миши не сгибалась, но ходил он шустро, мы звали его «Миша-Ладыша». До чего же он был

добрый, весёлый, всегда с улыбкой. Много он за лето мне порассказывал и про фронтную жизнь, и про взрослую. Слов «инвалид» и «льготы» тогда не знали, не то что теперь. В колхозе все работали – без ноги, без руки, без глаза. Каждому находилась посильное дело – косы направлять, хомуты чинить – все нужно. Миша вот так и пас коров до пенсии.

Лес у нас дремучий, на десятки километров и жилья нет, леса да болота. Держались мы ближе к деревне, километрах в двух-трех, у полянок с травой. Телят и овец кусали слепни, бежали они в чашу, а мы искали. Бывало целый день мокли под дождём. Плащей не было и в помине. Я, конечно, босиком, но ноги не мёрзли и змеи ни разу не укусили. К вечеру измеряли ступнями свою тень от солнца, определяли время и гнали стадо домой. Часов не было (только дома настенные ходики с гирей – бате-председателю без них нельзя), но не помню, чтобы намного ошибались.

Поили телят и сами пили всегда в одном месте. Там из-под горы бьет не ручеек-родничок, а мощный источник с прекрасной чистой ключевой водой. Наша Глина разделялась на две части – Жилая и Пустая. Сейчас от Жилой Глины уже ничего не осталось – одно большое поле с некошеной травой и под горой журчит этот родник. В Пустой Глине ещё сохранилось несколько домишек, правда ни одного коренного жителя уже нет. А мы, четверо братьев, полвека спустя начали в Троицу приезжать в родные места. Каждый год стараемся выбраться и «прильнуть к истокам». Получится, так обязательно посидим у этого родника, попьем водички. Из недр мчится такой же мощный неиссякаемый поток. Сидишь и подумаешь, сколько же целебной воды здесь унеслось за эти десятки лет, хватило бы для целого города, А её уже никто не берет, деревня исчезла. Однажды подумалось мне, что какую-то связь этот родник имеет со мной и теперь. Вот поток воды из него льётся в речку Воложбу, она впадает в Сясь, Сясь прямо в Ладожское озеро, из Ладоги вытекает Нева, из Невы идёт по водоводу в Пушкинский водопровод. Значит какие-то капли и мне иногда достаются. Такая вот философия.

Неужели у этого родника и жить больше никогда никто не будет?

В сорок первом мужики уходили на фронт.

23 июня 1941 г. в наш колхоз «Освобождение» позвонили из райцентра Неболочи: «Война. Завтра прибыть в военкомат – Иванов, Петров, Белов, Сидоров...». И пошли человек десять в июньскую жару за сорок километров, не было ни машины, ни подводы. Вернулись единицы – все израненные. Отец ушел 24 июня, воевал две недели под Ораниенбаумом и был ранен пулей навывлет в кисть левой руки. Лечился пять месяцев в госпитале в Омске, а в начале сорок второго года прибыл домой. На раненой руке носил повязку и чехол. Со временем рука подрабаталась, да война уже и закончилась. Наверное он сильно и не жалел, что мало повоевал. В деревне без мужиков быстро стал бригадиром, а затем председателем колхоза и проработал им

много лет. В военные годы вступил в члены ВКП (б).

Нашим краям повезло, мы не попали под немецкую оккупацию. Немцев удалось остановить около Тихвина, в пятидесяти километрах от нас, но дыхание войны ощущалось явственно. В ноябре сорок первого года над нашей деревней на малой высоте пролетела большая группа самолетов с черными крестами. Наверняка, летали они не раз, но тогда хлестанули пулеметной очередью по крышам домов, потому ноябрьский пролет и врезался мне в память. Немцы разбрасывали с воздуха листовки, мы находили их за болотом, километрах в четырех от жилья, когда ходили за брусникой.

В декабре 41-го недели две в нашей деревне располагалась на отдых воинская часть. В нашем небольшом доме помещалось четырнадцать человек, спали вповалку на полу. Запомнилось, какими приветливыми и добрыми были солдаты. Посреди деревни во дворе дедушки Степана была устроена солдатская кухня. Морозы стояли лютые, но суп варился на улице, и до чего же вкусный запах поднимался от него! Лучше запаха тогда и не знали. Мы, ребятишки, постоянно толклись во дворе, и нас не прогоняли, а угощали хлебом и супом. Казалось, ничего нет вкуснее на свете.

Среди взрослых ходили разговоры, что постояльцы похаживали к незамужним женщинам. Сложилась даже такая частушка на этот счет:

Под юбкой ларёк
На юбке замок
Приходите лейтенанты
Отovarивать паёк.

И приходили, например, к нашей тёте Даше – молодой, здоровой, незамужней девушке двадцати двух лет. Смысл этой частушки я понял много позже. К замужним, да еще с ребятишками, солдаты не приставали. Помнили, видать, об оставленных дома семьях.

На второй год войны глухой осенью мы, ватага ребятишек, заметили у реки странного чужого человека. Окружили его и привели в правление колхоза. Тогда ведь везде нужно было проявлять бдительность (или подозрительность). Человек сидел притихший, бежать никуда не думал, а только просил есть. Приехал милиционер, увез его. Оказалось, это заключенный, сбежал из лагеря в поселке Бокситы.

Военные годы запомнились постоянным трудом и взрослых, кто не ушёл на фронт, и детей. Помнится, женщины и старики весной копали лопатами поле под картошку, пониже деревушки Пёхово. Склон, гектара два, сплошная глина. Колхозная работа – чудовищная, непосильная, бесплатно. Начислялись какие-то трудодни, осенью оплачивались зерном, да совсем мало. Выдадут мешка два за всё, и семья должна жить целый год. Копеек никаких не давали вовсе.

В войну деревня жила натуральным хозяйством. Спичек и соли не было, не говоря уж о чем другом. Чтобы прикурить, брали металлическую

пластинку и били ею о кремень, высекали искры и поджигали кусок ваты. Зерно мололи и толкли на небольших мельницах в соседней деревне Заполье. Когда решили устроить свою мельницу на речке Табашке, то вручную и на глазок прокопали канал длиной метров двести, местами до трех метров глубиной. Да ошиблись глиняные землекопы, вода не пошла. Прокопали еще раз пониже, чтоб пустить воду на лопасти. И ведь несколько лет работала наша мельница. Хотя молот было особенно нечего, зерна всегда не хватало. Колхозу давался план сдачи хлеба, картошки, мяса, молока. Но уродится получше хлеб – дадут встречный план. Бывало, что и третий раз добавят – Родина требует. Выполняли безропотно, сами оставаясь ни с чем. Часто впроголодь, хотя смертного голода не было. Жили землей да огородом, картошкой да молоком, коровой да овечками. Это было почти в каждой семье. Нам вот только никак не везло с коровой. Была она большая, упитанная как бык, а молока давала мало. Меняли раза два, всё равно попадалась такая же. Так что до масла и творогу дело не доходило, всё съедали молоком.

В школу я пошел в сорок третьем году.

К тому времени уже умел читать газеты. У нас была школа-семилетка, где давали начальное и совсем неплохое по тем временам образование. Учиться было легко и интересно. До пятого класса с нами занималась очень старательная, подвижник своего дела, бывшая гимназистка Екатерина Александровна Богданова. То, что я научился грамотно писать, считать, нормально себя вести – это все благодаря ей, первой учительнице. В школу ходили за три километра, никогда не опаздывали и не пропускали занятий – ни в дождь, ни в мороз и стужу. Бывало, по пути отмораживали нос, щеки, руки. Термометра в деревне не было. Чувствовали, что сильный мороз, а сколько там градусов – тридцать или сорок – никогда не знали. Однажды один наш деревенский паренек, Володя Иванов, в такой жуткий мороз не мог даже снять штаны по большой нужде. Все замерзло камнем, так и принес домой. Кстати, и помер Володя, царство ему небесное, тоже от мороза, лет через пятнадцать. Уже в шестидесятых годах ездили сдавать экзамены на курсы шоферов в Бокситогорск. После сдачи, естественно, крепко выпили и возвращались домой. Высадили Володю на остановке в деревне Пареево, где он жил с женой. Выйдя из машины, он сел на скамью, уснул, и утром его нашли уже замерзшим.

Со школой было строго, выполнялся «всеобуч», даже во время войны. Если кто-то переставал ходить в школу, родителей вызывали для беседы в сельсовет. Однажды мальчишка постарше, Колька Муромцев (он учился в четвертом классе, а я во втором), сговорил меня «забастовать», т.е. прогулять, а вернуться вместе со всеми. Стоял ноябрь, мы промерзли в пустом сарае часов пять, не было ни хлеба, ни спичек развести костер. И я навсегда решил, что в школе интереснее, лучше, чем «бастовать». В довершении всего сестра

учительницы Наталья Александровна вечером того же дня в сельсовете спросила у отца, почему же сын не был в школе. В то время было большое происшествие, если кто-то не пришел на уроки, учительница даже с сестрой это обсуждала. Отец учинил мне допрос, и я больше уже никогда от школы не сачковал.

Из школы возвращались ватагой. По дороге баловались так, что едва приплетались домой. Уставали ужасно, в основном от голода. С половины восьмого утра до четырех часов дня ничего не ели. Лишь иногда мать давала с собой какой-нибудь кусок.

В школу ходили со всех окрестных деревень. Учились по старым учебникам, изданным до войны. В истории портреты Блюхера, Тухачевского, объявленных врагами народа, были зачирканы от руки. Писали перьевыми ручками с чернилами, которые всегда проливались. Писать было не на чем, зато кругом висели портреты Сталина. Учили про него много стихов и песен. Мне было никак не уразуметь как это:

Два сокола ясных
Сидели на дубу
Первый сокол Сталин
Второй сокол Ленин.

Как они, соколики, туда забрались? Или, нараспев:

Слушайте
Дети
Акына
Джамбула!

Непонятное словечко «акын» никак не укладывалось в детской голове, но в памяти сохранилось до сих пор.

В комсомол нас приняли в седьмом классе. Приехала из райцентра инструктор райкома Любовь Степановна Иванова, местная активистка. Несколько десятков лет отработала она в Бокситогорском райкоме партии и обществе «Знание». Была прирожденным пропагандистом, в районе ее очень уважали. А в пионерах мы и не состояли, во всяком случае не было у нас ни галстуков, ни значков, ни горнов с барабанами. Зато были отличные учителя – математик Владимир Андреевич, историк Степан Тимофеевич, вернувшийся с войны, его жена, ботаник и химик Татьяна Алексеевна, преподаватель русского и литературы Евгения Иосифовна. Физкультуру и немецкий язык преподавали нерегулярно, когда лишь появлялись учителя.

Про войну нам тоже рассказывали в школе. Помнится, с каким интересом слушали мы «Повесть о настоящем человеке», был один экземпляр на всех. Хорошо запомнился День Победы, мне уже исполнилось десять лет. Стояло теплое солнечное утро. Всей школой мы пошли в центральное село Мозолёво, куда со всех окрестных деревень спешили радостные люди. Соорудили небольшую трибуну, все заходили на нее и говорили

взволнованные слова. Меня тоже учительница попросила выступить. Не помню, что говорил, но это было мое первое публичное выступление. Все радовались и плакали. Почти в каждой семье кто-то не вернулся с фронта, или пришел инвалидом.

Перед выпуском мы с молодой учительницей Анной Романовной сходили всем классом в поход в райцентр Неболочи, пешком за сорок километров. Устали до изнеможения, но вернулись страшно довольные. Хотя увидели несколько двухэтажных деревянных барачков и услышали работающий на одном из домов радиодинамик. А нам и это было в диковинку. На обратном пути остановилась какая-то машина и подвезла нас километров пятнадцать. Домой добрались уже затемно, едва притащили ноги.

Время летело, а мы быстро выросли.

Ходили в кино в соседнее село Мозолёво. Кино ставили в клубе, устроенном в бывшей церкви. Крест с нее был снят, кинобудка устроена на колокольне. Конечно, киноаппарат и плёнки старые, часто рвались, кино прерывалось. Ничего этого мы не замечали, все было жутко интересно. Только кино и давало наглядное представление, что где-то ещё люди живут, и как живут. Кино привозили даже во время войны. Зимой в клубе очень холодно, печка одна, да и та плохо топилась. Запомнился мне день 25-летия Красной Армии 23 февраля 1943 года. Об этом в клубе был написан плакат на красном полотне. Мы, школьники, давали небольшой спектакль – почему-то по Чехову – «Лошадиную фамилию». Холодина страшная, и на улице, и в самом клубе, но впечатлений масса. В зале битком сидели люди, все смеялись и аплодировали. А у «артистов» зуб на зуб не попадал от холода.

В послевоенные годы раза два снижались цены. Металлическим голосом объявлял об этом Левитан по радио, и в газете «Правда» публиковалось крупным шрифтом (одна газета в колхоз приходила). Народ радовался, но колхозников это не касалось, денег ведь всё равно не давали никаких. А вот учителя, работники сельсовета, медпункта, кто получал хотя бы небольшую зарплату наличными, чувствовали какое-то улучшение.

В июне 1950-го закончил я семилетку на круглые пятёрки. Получил похвальную грамоту, с которой в техникум принимали без экзаменов. Средняя школа была только в Бокситогорске, другие средние школы и техникумы слишком далеко, в Ленинграде. Оставалось одно педучилище в Тихвине. В нем давали небольшую стипендию и общежитие. Так что выбор оказался невелик, сделать его было нетрудно. В училище требовалось послать документы и три фотографии. Фото делали только в посёлке Бокситы, куда ходил рабочий поезд с рудника. Дома едва нашлись какие-то копейки на фотоуслуги, а на дорогу уже не хватило. Пришлось мне пешком по шпалам сходить за тридцать километров, туда и обратно шестьдесят, в жаркий день, без воды и питья. Вспоминаю этот случай и думаю, что ведь именно этим

походом и закончилось мое детство.

Педучилище

С осени 1950 года стал я студентом.

Кое-как собрали для меня немудрёную одежку, совсем немного денег и отправили в самостоятельную жизнь – в город Тихвин, в педучилище, за 50 км от родной деревни. Общежития располагались в бывших помещениях монастыря, первый этаж – полуподвальный. Естественно, печное отопление. Печка-стояк – одна на большую комнату. Дрова всегда почему-то осиновые, гнилые и сырые, никогда не горели, а шипели и сочились пеной. В комнатах всегда стояла прохлада, а зимой замерзала вода и в питьевой бачке, и в умывальниках, умыться было нечем. Канализации и водопровода тоже не было. А мы, студенты, почти все выросли в деревне и были привычны к любым условиям. Быт нас вполне устраивал.

Учились, в основном, девочки, на весь курс в 80 человек только 4 мальчика. Я сразу же подружился с Валею Крыловым, паренёком из деревни Ганьково бывшего Капшинского района. С ним мы проучились все 4 года, затем 3 года прослужили в армии, то есть провели бок о бок 7 лет. Только в 1957 году разошлись дороги. Я пошёл работать в школу и заочно учился в пединституте, а он окончил очно ЛЭТИ и уехал в Свердловск на оборонный завод. Там и жил до своей кончины в начале 90-х годов.

Самая главная проблема была, как прожить месяц на 140 дореформенных рублей. Растянуть их на тридцать дней оказалось непросто. 30 рублей платили за общежитие, остальное тратили на еду, какие-никакие канцелярские принадлежности и прочие необходимые мелочи. Из дому практически не помогали. Это и понятно, ведь денег в колхозах также, как и в войну, не давали. Можно было бы привезти что-то из продуктов, например, картошки. Да где ее сваришь, кухни в общежитии нет. Девочки как-то приспособились, у них была плита на втором этаже. А ребята старались хотя бы пообедать в столовой, съесть суп или борщ пустой без мяса, да две оладьи с повидлом. Утром, как правило, ничего не ели, даже чая не пили. Вечером иногда удавалось перехватить кусок хлеба с маргарином или с сахаром. И так все 4 года. Ни фруктов с овощами, ни мяса с молоком. И это в возрасте от 15 до 19 лет, когда организм быстро растёт. Конечно, такое питание сказывалось на здоровье, выглядели мы худенькими и бледненькими, не то что нынешние дети. Деньги кончались за несколько дней до стипендии. Стреляли пятерочку друг у друга, занимали у учителей. А не получалось, так бывало и ходили голодными, даже хлеба не на что купить. Один паренёк, Вася Павлов, от систематического недоедания заболел туберкулёзом и умер через год. Всем

техникумом собирали ему деньги на пенициллин, который только появился и был очень дорогой, да было уже поздно. Постепенно привыкли мы к постоянному чувству голода. Отъедались дома, в каникулы.

В остальном в училище было неплохо. Учиться интересно – новые люди, новые знания. Образование давалось качественное, всестороннее. Этаким мини-институт. Предметы велись все, какие только можно, даже военное дело. Я любил все науки – и историю с географией, и математику с физикой. Два раза в году, зимой и летом, проходили экзамены. Причём надо было сдать без троек, а то и нашу мизерную стипендию не дадут. Поэтому учились старательно, особенно перед сессией.

О культурной работе преподаватели тоже не забывали.

Каждую субботу в зале училища проводился вечер отдыха. Учили нас бальным танцам: «пад-э-спань», «пад-э-катр» и другим. Тогда ещё не было танцев-скачек, буги-вуги, чарльстон появились позже. Ну а танго, вальс, фокстрот – это мы уже танцевали вовсю. Играл нам на аккордеоне старый немец Каценеленбоген. Зычным голосом объявлял: «Бальный танец паде-патенер, дамы приглашают кавалеров!» А кавалеры стояли маленькие, шупленькие. Только на старших курсах ребята, уже по 18-19 лет, были похожи на кавалеров. И все же, мальчишки на танцах всегда были нарасхват, их ведь единицы. Вальсы, танго исполнялись и на рояле. К тому же, имелся собственный духовой оркестр. Я играл на простейшем инструменте – альтушке. Ведущими инструментами были труба и баритон. Валя Крылов играл на трубе, Валя Богданов на баритоне. А мы – альтушки, бас, барабан, тарелки – подыгрывали. Выступали мы на все вечерах и праздниках, и не только в училище. Навык игры в духовом оркестре пригодился мне позже в армии, музыка неплохо скрашивала армейскую жизнь.

Важное значение придавалось пению, рисованию, физкультуре. Считалось, что учитель должен всё это уметь. В училище я узнал много песен, поднаучился петь, танцевать, играть в шахматы, в волейбол. Жили без родителей, но никто не курил, карты не знали, а выпил я первый раз в 17 лет. Да и какая выпивка, если зачастую поесть не на что. А ведь надо было выделить ещё и на кино. Несколько раз за зиму приезжали артисты Ленинградской филармонии в клуб Лесохимзавода, что находился напротив нашего училища. Мы посещали каждый спектакль, это входило в культурную программу воспитания. Отвечала за нее Ирина Морозовская, преподаватель физики, очень энергичная, деятельная, весёлая учительница.

Запомнилась первая поездка домой на ноябрьские праздники в 1950-м году. Завернул мороз градусов 15, выпал снег. Нас, конечно, отправили на демонстрацию, продержали до обеда. Все промёрзли в лёгкой одежонке. Не отпустили пораньше даже тех, кому ехать не близко. От Тихвина до Бокситогорска 30 км, автобус ещё не ходил, но была полуоткрытая бортовая

машина со скамейками и платой в 10 рублей. Пока народ собирался, пока тряслись по бульжнику, прошло 2 часа. Под конец я заоченел так, что не мог вылезти из машины в Бокситогорске. Благо там меня встретили отец с матерью, вытащили из кузова и накормили борщом у родственников, которые жили в бараке при пожарной части. Отогрелся и никаких признаков простуды, сказывалась деревенская закалка. Её хватило года на два. Впоследствии, на такой кормёжке организм начал сдавать – то зубы, то горло. Хорошо, что нечасто.

Свободного времени хватало – длинные вечера, выходные. Баловались, конечно, выдумывали всякие игры. Однако никакого озорства, хулиганства. Дисциплина поддерживалась строгая, в общежитии постоянно дежурили учителя. Осенью нас отправляли в близлежащие колхозы убирать картошку. Тут мы пекли ее в костре и до отвала наедались. Однажды отправили на бортовых машинах с ночлегом за 30 км. На ногах – растоптанные ботиночки, одни и на занятия, и на картошку. Оба дня шел дождь, мы поковырялись в грязи, промокли и заночевали в клубе. И все равно, сидели, помню, за полночь, шутили и смеялись, «ки чушь прекрасную несли», – ведь было нам по 16-17 лет.

Партийная, комсомольская организация действовали активно.

Запомнился день смерти Сталина 5 марта 1953 года. Некоторые учителя просто рыдали, особенно парторг, учитель математики Варвара Викторовна. А историчка нам говорила на уроке: «Не будем сильно расстраиваться, ведь у Иосифа Виссарионовича есть такой верный помощник и продолжатель его дела – Лаврентий Павлович Берия!» Берия арестовали и расстреляли, а мы сдавали экзамены по этой истории, и учитель уже не могла объяснить такой парадокс. Да и откуда учителям было знать, что там делается в Политбюро, в ЦК.

Помню, изучали Краткий курс истории партии, зубрили съезды, Пленумы. И даже у нас возникал вопрос, а почему это с 1936 года, с последнего XVIII съезда ВКП(б), съездов больше не проводилось? Перед войной и после войны возникали сложнейшие задачи, а высший орган правящей партии не собирался. Взамен того газета «Правда» целые полосы отводила публиковавшейся дискуссии Сталина с академиком Марром по поводу русского языка. Сталин по-русски и говорил-то с акцентом, но вел научную дискуссию с академиком. А страна на боку, особенно сельское хозяйство. И все думали, что так и надо. Мы, подростки, вообще считали Сталина божеством. Когда наконец-то в 1952 году состоялся XIX съезд, слушали речь Сталина по радио. Длинной она была минуты три, на полторы книжных странички, уж не помню о чём. А ведь ловили каждое слово и потом изучали, как великую мудрость.

Той же весной поехал я на практику в Бокситогорск. Две недели отработал учителем 4-го класса средней школы. Очень мне, восемнадцатилетнему парню, понравилась эта роль. В классе сидело 40 человек, но я владел их вниманием. Материал был не сложный и растолковать его детям оказалось не трудно. Учительница осталась довольна, что у неё получился небольшой отпуск в середине года. Я никогда был не замкнутым, вёл себя раскованно, поэтому контакт с ребятами получился. Некоторых из них встречал я в Бокситогорске и через многие годы.

Летом 1953 года (не помню, чтобы оно было «холодное») отправили меня ещё на одну практику в пионерский лагерь Пикалёвского цементного завода в Анисимовской семилетней школе. Чудесный получился месяц, интересная работа пионервожатым. Организовывали мы игры, построения, маршировки под барабан. Часто водили ребят купаться на ближайшее озеро. В лагере более 100 человек, но никаких происшествий не случилось, всё прошло интересно, организованно и весело. За работу прислали мне небольшую зарплату. Это были первые мои деньги, заработанные учительским трудом.

Когда завершилась смена в пионерском лагере, узнал я дорогу и пошёл пешком за 25 км через леса и деревушки домой, в свою родную Глину. В круговую надо бы ехать в Пикалёво, затем в Бокситогорск и только оттуда домой – это два дня и деньги на дорогу. Путь мой лежал по лесной тропинке из Анисимова в Шомкино, там за озером надо было свернуть направо, да я махнул прямо и попал в Вачатино. Расспросив у деда, вернулся километра три, а дальше глухим лесом добрался до деревни Семёновское. Хлынул дождь, и тут скинул я ботинки, забросил их в чемоданишко за спиной и пошёл босиком по грязи. Никаких страхов и опасений, тепло, лето. С тропинки больше не сбивался, попал сначала в Семёновское (это уже наша тогдашняя Новгородская область), затем в Половное, Дмитрово, Рудную Горку и родную деревню.

С осени перешёл на последний 4-й курс. Стипендия стала побольше – 200 рублей, да и сам – повзрослей, посмышленей. Начались первые увлечения девушками, провожания. Тогда модно было ходить на танцы – осенью и летом на танцплощадки в городском парке, зимой в клуб лесохимзавода. Танцы, в основном, под духовой оркестр. Много тогда оркестров имелось, при каждом клубе или предприятии. Играли вальсы «Дунайские волны» и «На сопках Манчжурии», фокстроты «Мишка», «Хороши весной в саду цветочки», «Ландыши»; танго «Руки, вы словно две большие птицы», «Татьяна» и другие. Слушали пластинки в исполнении Петра Лещенко.

В 1953-1954 годах в центре Тихвина открылся кинотеатр «Комсомолец». Располагался он в бывшем соборе, довольно вместительном, но народу всегда было битком. В начале 2000-х этот пятиглавый собор отреставрировали, выглядит он великолепно – настоящая русская соборная архитектура 18 века. Сейчас там проводятся церковные службы, а в те годы

крутили только что появившиеся на экранах зарубежные фильмы: «Возраст любви», «Железная маска», «Приключения Тарзана». От такого кино мы просто млели. Перед началом фильма объявлялось, что он получен из Германии по репарациям.

В эти годы появилось и ещё одно прекрасное развлечение – любительский футбол. Стадион в Тихвине находился на самом берегу реки у Богородицкого Собора, тогда полуразрушенного. Сейчас он восстановлен и летом 2004 года туда возвращена из США икона Тихвинской Божьей матери. Об этом много говорили и писали. А полвека назад около храма гремели футбольные баталии тихвинской команды «Звезда» с приезжими клубами Волхова, Пикалёва и других городов. Мы не пропускали ни одного матча, перелезали через забор или обходили вброд по реке, экономили «стипешку». По всему чувствовалось, что люди стали повеселее, зажили получше. Мрачные военные и послевоенные годы остались позади. А увлечение кино, танцплощадками, футболом в начале пятидесятых и вообще стало повальным.

Летом приезжал я на каникулы домой.

В колхозе работал немного, всё равно ничего не зарабатываешь. Да и был я уже как бы не колхозник, работать не обязан. Зато помогал родителям накосить на корову. Стожок бывало за неделю и поставлю, зимой отец привезёт. Косить уходил за 5 км к гладкому болоту на «картофники». Раньше там сажали картошку, а затем поля превратились в заброшенные сенокосы. Таких заброшенных покосов кругом было несколько. Один был виден из деревни за рекой – хутор Плёсо. Стояло там 3 заброшенных дома. При Столыпине в начале 20 века некоторые крестьяне получили так называемые «отрубы», или заброшенные земли вдали от деревни. Таким отрубом и было Плесо. Чтобы превратить эти глинистые, поросшие кустарником поля в плодородные земли, требовался поистине адский труд. Но на отруба шли самые трудолюбивые сильные люди. И превратили они эти дикие пустыри в цветущий уголок, даже разбили сады. В тридцатые годы в колхоз эти три семьи не захотели. Объявили их кулаками и куда-то сослали, откуда никто не вернулся. Поля запустели, колхоз не мог с ними справиться. Постепенно исчезли и постройки. Выходит, за своё трудолюбие пострадали люди, чехом незаслуженно объявленные на местах кулаками. Благополучная, сытая жизнь считалась проявлением кулачества и буржуизма, а мерилем революционности являлась бедность и нищета. Так считали в тридцатые годы на селе местные и слишком ретивые революционеры.

В каникулы летом я не только работал, но и отдыхал. Вместе с ребятами и девушками постарше, с 16 лет в престольные праздники ходил в другие деревни на ночные гулянки. В Рудную горку 7 июля в Иванов день, в Мозолёво 22 июля в Казанскую, в Дрочилово 28 августа в Успенье, да и в у нас Глине 2 августа был свой праздник, Ильин день.

Расскажу об одной такой гулянке 16 июля 1952 года в селе Овинец, когда в 17-летнем возрасте я впервые напился. Ночью, как обычно, молодежь гуляла группами из конца в конец деревни, пела песни под гармошку. Затем прошлись мы с местной девушкой Шурой Ивановой, тоже учащейся нашего техникума. Пospал я несколько часов у родственников. Наутро дядюшка Иван Степанович стал угощать меня перебродившей брагой (вместо чая с пирогами). Мне лестно, что меня угощают как взрослого – и выпил я 5 стаканов. «Вышел я на улицу, глянул на село, девки гуляют, и мне весело», но весело было только несколько минут. Солнце, красота, как раз Шура подходит. А меня уже минут через 10 повело, всё закружилось. Отправил я Шуру домой, вышел за деревню, лёг на пригорок в ромашки и отключился. Очнулся, когда уже солнце склонилось к вечеру. «Кругом помятая трава», – это метался в я бреду и выворачивало меня наизнанку. И так было противно, и душе, и телу. Вместо того, чтобы погулять с девушкой в прекрасный день, валялся я в пьяном угаре. Когда пошёл домой, меня ещё долго водило и мутило. Зато урок запомнился на всю жизнь. Позже на любых вечеринках, праздниках, застольях я уже старался не перепивать. Даже с той девушкой, Шурой, у нас прервались встречи, настолько мне было стыдно.

Педучилище я закончил летом 1954 года. Однако, как и все мальчишки готовился не в школу, а в армию. В военкомате устраиваться на работу не рекомендовали, а обещали в сентябре-октябре отправить на службу на три года. Призывников с образованием не хватало, не только с высшим, но и со средним. Техника в армии усложнялась, и образованных ребят посылали в различные технические военные школы, потом уже в части. Короче, мы ещё только заканчивали училище, а нас уже Родина ждала. По народной поговорке: «Была бы шея, а хомут найдётся». Ну да с хомутом-то я был знаком не понаслышке. Уже писал, как надевал хомут на быка в детстве и надел другой стороной. Да не я один – недавно во время инаугурации президента Удмуртии на него в шутку, следуя поговорке, надевали хомут и тоже надели не так, как надо.

Пришел и мой черед исполнить долг и отправиться в Армию.

Армия

Провожали меня на службу в конце октября 1954 г.

Перед отправкой, по обычаю, собрали на вечерок-гулянку родственников и знакомых. Отец даже наварил пива. С собой дали потрёпанную одежонку, всё равно выбрасывать. Посидели, пошумели и тем же вечером уехал я в Бокситогорск, а затем с группой в Ленинград.

Сборный пункт располагался на Фонтанке-90. Здесь я впервые увидел столько молодых ребят в одном месте – наверное, тысячу. У нас в техникуме учились одни девчонки, а здесь собралась огромная серая масса парней, гудящая как улей. Кто на нарах лежал, кто бродил группами, и так три дня. Выдали сухой паёк – хлеб, чуток масла, несколько кусочков сахара, принесли кипяток в бачках. Затем построили и колонной повели на Витебский вокзал, посадили в теплушки – неотапливаемые дощатые вагоны с деревянными нарами и небольшим окошком наверху. Помёрзли немного – уже начало ноября – и двинулись в путь. Сухой паёк съели уже при посадке, на станциях бегали за кипятком. Часами стояли в тупиках. Подъезжали к станции, а все ларьки там закрывались, боялись погромов, такие случаи бывали. С нашим эшелонем ничего не случилось и вот суток через двое, в Орше (это уже Витебская область) накормили нас обедом в солдатской столовой. Запомнилась, какой огромной она оказалась. Сколько же еды требовалось, чтобы накормить такую ораву молодых парней! Через сутки притащили наш состав на станцию Горочич Гомельской области, выстроили в пешую колонну и за 5 км привели в воинскую часть. Это и была годичная школа авиационных механиков по радиотехнике для стоявших тогда на вооружении истребителей МИГ-15, МИГ-17, бомбардировщиков ТУ-16, ИЛ-28, и огромных винтомоторных ТУ-4.

Военный городок появился уже после войны и стоял в сосновом лесочке. Десяток двухэтажных домов, котельная, столовая, холодная вода, отопление, учебные корпуса, ангар для учебных самолётов, склады, казармы, жильё для офицеров. Канализации почему-то не сделали и мы бегали за 200 м в дощатый, традиционный русский туалет, каких было много в небольших городках и на станциях. Кстати, такой туалет совсем недавно видел я в Бокситогорске неподалеку от автобусной остановки. Вернее, два туалета – нормальный (без льгот), а пониже в 20 шагах еще один – дощатый, кругом обделанный, для льготников видать. Миша Задорнов про такой сказал: «Трёх досок в задней стенке не хватает». А люди продолжают туда заходить, как и полвека назад.

Распределили нас по ротам, помыли в душе, одели в новое обмундирование. Сразу как-то мы стали все одинаковые. Вечером пришли в столовую, тоже огромную, и меня поразил скудный рацион (как будто до этого был разнообразный). Стол на 10 человек, немного какой-то каши и в кружке кусочки сахара. Я думал для одного, а оказалось на всех, по полтора кусочка каждому. В обед давали щи либо суп, без мяса понятно, но на мясном отваре. Хлеба на день полагалось 900 граммов, всё равно мало. «Не вкусно» – такого понятия в армии не существовало, вкусно всем всегда, только бы побольше. Есть хотели постоянно, особенно в радиошколе, затем попривыкли.

7-я рота и наш 3-й взвод размещались в конце городка напротив столовой. В одной комнате (ну очень большой, называлась почему-то кубрик,

как на флоте) стояло 45 двухъярусных железных кроватей с сетками и проживало, значит, 90 человек. Шумно, но весело. Не помню, были ли форточки, может не открывались, так как уже стояла зима. Воздух ночью был «хоть топор вешай», как говаривали в Глине. Все-таки 90 человек молодых ребят в одной комнате – сколько они напугают! У каждого рядом сапоги, вокруг голенищ обернуты портянки для просыхания. Миазмы от них исходили ещё те. Ведь целый день в сапогах, да и вечер, тапочки не положены. Можно представить, каковы портяночки вылезали из сапог через 16 часов. Если выбегали ночью в туалет на улицу, то вернувшись в казарму, несколько минут не могли адаптироваться. А сказать по-глински, так вонища стояла ужасная. Но мы люди простые, быстро привыкли и спали «без вахля» (тоже глинское), то есть очень крепко, пока дневальный в 6 утра не заорёт «Рота, подъём!» Тогда быстро одевались и в одних гимнастёрках выскакивали на утреннюю пробежку-зарядку, затем на умывание и в 8 часов на завтрак.

Утром на построении осматривал всех старшина Федько. Человек в возрасте, участник войны. Да тогда все старшины и офицеры были фронтовиками, ведь после войны прошел и всего-то десяток лет. Построит нас Федько на улице в одних гимнастёрках и до чего довоспитывает: «как стоишь, куда смотришь, застегни пуговицу, подтяни ремень». Мы уже замерзаем, зима ведь. Столовая рядом, пахнет едой, а он до того нудит и нудит, чёрт бы его побрал. Целый год Федько нас муштровал и на улице и в казарме. Порядок навел отменный, а роту сделал образцовой. Кстати, и в дальнейшем мне попался в старшины украинец Натока. В других ротах тоже в старшинах ходили украинцы. Считалось, что они особо прилежные службисты. Лоб разобьют, но чтоб всё было по уставу.

Учебные корпуса располагались в километре от казарм.

Ходили туда без шинелей несмотря на ветры и мороз. Занятия с 9 часов до 14, затем обед, а с 15 до 16 ещё и тихий час – спали в казармах. Потом самоподготовка в учебных корпусах, ужин с 19, свободное время и отбой в 22 часа. Расписание щадящее, как в детском саду. Учиться было интересно. Я осваивал специальность радиотехника на самолёте. Изучали, причём досконально, радиокompас, радиопереговорные устройства, радиовысотмер, прибор слепого бомбометания. Обучались не просто «кнопки нажимать», а вникали изнутри, куда какие провода и какие по ним электротоки идут. Учились ремонтировать, паять электронику и радиотехнику, многочисленные схемы. Учили доходчиво и понятно. За год сделали неплохими специалистами, многие ребята и после армии пошли работать или учиться в ВУЗах по этой специальности. Мои сослуживцы работали и на знаменитом заводе Козицкого в Ленинграде, и на оборонных предприятиях. Я же не изменил профессии учителя.

Занимались старательно, прилежно. Вообще служили с желанием. Не помню никаких грубых нарушений дисциплины. Сейчас посмотришь телевизор, так в армии почти каждую неделю убегают с оружием из частей, совершают убийства, а я за все три года ничего подобного не слышал. У нас во взводе служили ребята 14 национальностей, со мной рядом спали эстонец, латыш, татарин. Командиром отделения был еврей Лёня Филькенштейн из близкого к моей родине города Волховстроя. Ни курсанты, ни командиры совершенно не придавали значения, кто какой национальности – все советские люди. Никаких ссор или насмешек, не только нормальные отношения, но дружба, действительно как одна семья. Понятия «дедовщина» даже не знали. Когда разъехались по частям, старослужащие к нам относились как к равным, ни одного случая какого-либо притеснения. Народ тогда ли был другой, или в авиационные части отбирали молодёжь с образованием? Наркоманов и вообще не было ни в стране, ни в армии, во всяком случае я не видывал до 80-х годов. Думаю и командиры были другие, умели воспитывать солдат. Все прошли войну, знали почём фунт лиха Командир роты и взводный почти все вечера и выходные находились в казармах. Служба в армии считалась почётной, немало ребят оставалось на сверхсрочную. Парни из колхозов, понятно, хотели вырваться куда угодно, хоть в армию, но и городские служили с охотой. «Закосить от призыва» и не думали, закон есть закон, так считал каждый.

Конечно, небольшие нарушения дисциплины были – связанные с выпивкой. Это зло начинало расцветать в городах, в деревне и, естественно, в армии. Полегче стало жить – вот и топили радость в вине. Нам, курсантам, чтобы выпить, надо было уйти в самоволку за пределы городка в ближайшие сёла. Ходили изредка, потихоньку, прикрывали друг друга. И разбирательств не было, раз не попадались, ведь не пойман – не вор. Увольнений в первый год службы не давали. Помню, как друзья Валя Крылов и Вася Солод сделали сюрприз на мое 20-летие. 20 января 1955 года, в выходной день, в морозик градусов 15 с метелью, позвали меня в сосновый лесочек, за наш дощатый туалет. Под сосёнкой в снегу у них оказалась припасена бутылка водки, пролежала там несколько дней. Не замёрзла, но стала обжигающе холодной. Выпили мы по кружечке залпом, занюхали рукавом шинели. Через несколько минут стало тепло и приятно. Традиция соблюдена, всё прошло тихо, никто не заметил. Поскольку к выпивке я не стремился, то это было единственный раз за весь первый год службы. Кстати, Васю Солода я встретил в городе Пикалёво через 10 лет. Работал он на стройке мастером, а я оказался представителем райкома партии на проходивших выборах. Посидели мы у него дома, пообедали, вспомнили, как пили ледяную водку.

В первые месяцы много занимались строевой подготовкой, маршировали на плацу, лихо прошли строевым шагом мимо трибуны в городке 7 ноября 1954 года. Без песни рота в армии не рота, а толпа. С песней

ходили всегда, даже в столовую и баню. Пели украинскую «Марусю», авиаторскую «Стальную птицу», старинную «Солдатушки, браво, ребяташки» и другие.

Несколько раз за зиму стреляли из карабинов на стрельбище. Автоматов Калашникова в авиационных частях не было, во всяком случае в то время. Чтоб служба мёдом не казалась, на стрельбы нас поднимали по тревоге, в 4 часа утра и гнали бегом километра три к станции, выводили в поле на позиции, в снегу по пояс. Обрато в казармы возвращались часа через два с песнями, уж очень нам петь хотелось в то время! Летом бегали кроссы по 10 км, частично в противогазах. Понемногу втянулись, солдатская лямка стала не такой тяжёлой. Где-то в июне прошли суточные учения, с объявлением радиации, дегазации и прочего. В свободное время сидели всем взводом на полянке, загорали, играли в волейбол. Хорошо узнали друг друга. В казарме сражались в шашки, шахматы. Карт не водилось, зато слышались шутки, анекдоты, смех. Переписывались с девушками, и я тоже, да только первое время. Затем почти у всех переписка прекратилась, девушки три года ждать не будут.

Летом к нам в городок с окрестных деревень местные крестьяне приносили много яблок. Были они очень дешёвые, даже наших солдатских денег хватало. Это же южная Белоруссия, такого добра навалом. А один раз объелись мы зелёными помидорами, но не удачно, всех пронесло (что-то испортилось в столовой, долго ждали ужина и зашли в какой-то огород). В один из выходных ездили на уборку сена – работа знакомая, весело. Крестьянки напоили нас молоком.

Через год обучение в радиошколе закончилось.

В октябре 1955 г. выдали мне свидетельство об окончании и получении специальности механика по радиооборудованию самолётов. Сохранилось оно у меня до сих пор. Некоторые ребята по собственному желанию отправились на Дальний Восток, Камчатку – там шёл год за два – и через 12 месяцев они уже вернулись домой. Нас же с Вале́й Крыловым и ещё целую группу направили в авиационную дивизию, в Западную Белоруссию под Гродно. Стояла золотая осень, места очень красивые. Встретили нас замечательно, распределили по эскадрильям, с первых дней включили в работу. Отделение состояло из пяти механиков-ремонтников, во главе сержант, а над ним техник-лейтенант. Шли учебные полёты, мы вели контроль за состоянием радиооборудования. Выдали полушубки – наступала зима, а на аэродроме задувало будь здоров, особенно ночью. Керосина самолёты сжигали уйму, но его подвозили бесперебойно, не то, что в нашу Глину. После деревни да небольшого провинциального городка диковинкой казалась самая современная на ту пору авиационная техника, рёв запускаемых двигателей,

полёты звеном, мощные прожекторы в кромешной тьме, бескрайная бетонная взлётно-посадочная полоса.

Доставляли и увозили с аэродрома на машине, военный городок находился на расстоянии 7 км. Жили мы примерно в таких же казармах, что и в учебке, человек по 50 в комнате на тех же двухъярусных койках. Туалет – тот же, дощатый, на улице, только поближе. А вот режим службы и проживания в части был другой, все вместе бывали редко. Кто дежурил, кто спал с ночных полётов. Строем маршировали редко, в столовую ходили самостоятельно, без старшины. Старшина Наток устраивал только вечернее построение, переключку, смешно шевелил усами, делал замечания. Кормили разнообразнее, часто давали рыбу, в основном жирную, прекрасную селёдку, причём в достатке. Некоторые ребята отказывались её есть, особенно летом. Поэтому, кто не страдал отсутствием аппетита мог её огородить хоть килограмм. Рядом была столовая для лётчиков, с официантками и меню. Летный состав кормили много лучше, по другой норме. Ходили мы и в наряды, в столовую, например. Когда попадали к лётчикам, лакомились печеньем, ну а мяса наедались до отвала. Охраняла же аэродром и самолёты специальная рота охраны.

В первый год службы на новом месте авиационным специалистам платили по 300 рублей в месяц. По тем временам – неплохие деньги, немного добавить и можно купить часы, что я вскоре и сделал. Первые часы у меня появились в армии в 1956 году и проходили 25 лет. Следующей покупкой стали две золотые коронки. Два передних зуба прохудились ещё в детстве. Взводный лейтенант отвёл меня к поляку, стоматологу-частнику, и тот поставил коронки так добротнo, что они продержались более 30 лет и сохранили мне эти зубы до сих пор. Деньжат я не пропивал и немного скопил даже к выходу на гражданку. Жалко только, что «не долго музыка играла, не долго фраер танцевал». Новый генсек Н.С.Хрущёв посчитал, что авиация жирует и все выплаты отменил. Даже офицерам перестали платить за воинское звание и надбавки за отличное бомбометание. А мы и не тужили, у нас не семьи и через год домой. Тем более, что мне присвоили младшего сержанта и 100 рублей в месяц все же выдавали.

В городке находился Дом офицеров с духовым оркестром. После очередной демобилизации в оркестр потребовались новые музыканты. А раз мы с другом Валькой раньше дудели в трубы, то хударук Пётр Дыхман туда нас и определил. Играли мы в свободное от полётов время. Наяривали марши на торжественных построениях полка и всей дивизии, исполняли танцы в доме офицеров вечером в субботу и воскресенье.

Солдатская жизнь стала поразнообразнее. Старшине Наток не нравилось, что мы к отбою не на месте, но что поделаешь – разрешено приказом командира части. Гарнизонный дом офицеров располагался в бывшей барской усадьбе на берегу большого пруда. Рядом находился стадион, где часто проводились соревнования и, конечно, футбол. Ни одного матча мы

не пропускали, тем более, что от нашей эскадрильи за команду играл Эдик Мурадян. В увольнение, в расположенный неподалеку городок Щучин, почти не ходили – незачем. Наоборот, молодёжь, особенно девушки, сами ходили к нам на стадион, на танцы. Кое у кого из ребят завелись подружки. У девушек главная цель, конечно, лётчики – нарядные brave офицеры. Только большинство из них уже надели семейную лямку. Поэтому вниманием девчат пользовались и сержанты-механики. Форма у офицеров красивая, они ею гордились, а у девушек вообще вызывала восхищение. Сейчас вот некоторые офицеры формы стесняются, едут в электричке на службу в гражданской одежде и переодеваются в части.

Служба шла неплохо, к полётам привыкли. Свободные минуты на аэродроме проводили в оборудованных землянках, а летом около них, среди цветов – очень много там цвело люпина. Техника новая и портилась мало, с радиотехникой, во всяком случае, до пайки не доходило. Сложный ремонт проводился в специальных мастерских, тут же на аэродроме. Случались и катастрофы – дважды, в 1956 и 1957 годах, во время ночных полётов бились ИЛ-8 с гибелью экипажа. Теперь уж не помню из-за техники или по вине лётчиков, нам, вероятно, и не говорили. В одной из этих катастроф погиб наш механик. Попросился к стрелку-радисту в хвостовую кабину, полетать, посмотреть на землю с большой высоты. Вот и полетал – привезли с места падения один воротник от комбинезона с надписью «Елистархов». Грубейшее нарушение, конечно, за него нам долго пеняли. Только думается, не из-за этого разбился самолет.

В 1956 году во время событий в Венгрии сидели мы на аэродроме в готовности номер один. Какие там за события – толком не знали, да и не хотели знать – «происки НАТО» и точка. Тревогу быстро отменили и всё пошло своим чередом, спокойно, неспешно. Днём, как и ранее в радиошколе при обычном распорядке после обеда час спали, ведь солдат спит, служба идёт. Все поукрепли, поотъелись что-ли, к концу службы выглядели совсем неплохо. Старослужащими, «дедами», мы себя и не ощущали, с вновь прибывшими жили дружно, не выпендривались перед ними. За полгода до демобилизации я две недели занимался строевой подготовкой с пополнением. И очень интересно прошло, все слушались меня, никаких конфликтов.

В октябре 1957 года наблюдали, разинув рты, в ясном ночном небе полёт нашего первого искусственного спутника. Интерес был огромный и гордость за страну. Сейчас спутников целая паутина вокруг Земли, десятки космонавтов, да как-то и внимания не обращаем, а тогда – чудо.

Кончался октябрь, нас должны были демобилизовать, но задержали на две недели. Случилось происшествие – в соседней эскадрильи пропал офицер, техник-лейтенант. Работало следствие, искали и в Щучине, и в военном городке. Тогда в Западной Белоруссии ещё появлялись вооруженные националисты, прятались по лесам бывшие полицейские, и не исключено, что

офицера могли и захватить. А причина оказалась совсем простой. Лейтенант, забыл уж его фамилию, пьяный в дым шёл из гражданского городка в военный по берегу пруда. Воду спустили, да и нашли его под корягой при всём параде. После этого в середине ноября нас отпустили домой. Мы уже так привыкли, что и уезжать не хотелось. Не знали, как жить и где работать на гражданке, а в части всё было привычно и знакомо. Только кончилась служба, и вот – прощай Шучин, до свидания Белоруссия!

Тридцать лет спустя, проезжал я мимо этих станций в Трускавец. С трепетом и грустью вспоминал, как прошло здесь несколько лет молодости. Да и сейчас эти годы часто встают в памяти, когда сажусь на платформе Витебского вокзала в электричку и вижу рядом вагоны с надписью «Гродно-Беларусь».

Школа

После демобилизации вернулся я домой в родную Глину.

К технике меня не тянуло, в душе я всё-таки учитель. Неподальёку в Дмитрове, за 10 км от дома, место учителя как раз пустовало. Съездил я в Бокситогорск, получил паспорт, военный билет, оформился в отделе народного образования и в конце ноября вышел на работу. Наша Глина, Мозолёвский и Дмитровский сельсоветы из Новгородской уже были переданы в Ленинградскую область. Райцентром стал Бокситогорск, который в 1955 году получил статус города. Колхозы укрупнились. Глина вошла в мозолевский «Светлый путь», а Дмитрово, где я начал работать – в «Красное знамя» с центром в селе Неловком. Год назад там закрыли семилетку и школа стала 4-х классной. В отдалённых деревнях детей становилось все меньше, мужчин с фронта вернулось не много, рождаемость падала. В других местах, вокруг колхозных центров, формировались более крупные сёла. В Мозолёво, например, открылась средняя школа, а также больница, ветеринарная служба. Приехали специалисты – механики, агрономы, инженеры.

В Дмитровской четырехлетней школе работало два учителя – я и Григорий Николаевич Меньшиков. У него 1-3, у меня 2-4 классы, всего по десятку учеников. Разобраться не сложно, практика, хотя и небольшая, уже имелаась. К тому же Григорий Николаевич педагог был опытный, ранее директор закрытой семилетки. Устроился я на квартире в Рудной Горке, где жил мой напарник, в паре километров от школы. Так и началась моя учительская и холостяцкая жизнь. Работать не сложно, обстановкой в классе я владел, каждого ученика знал досконально, старался доступно всё объяснить. Были и тупицы, подзапущенные дети, но постепенно положительные сдвиги стали налицо. Днём в субботу уходил к родителям в Глину, а в понедельник рано

утром устраивал пешую десятикилометровую разминку до работы. Автобусы и машины не ходили, дорогу от снега не расчищали. Иногда лишь попадались подводы, что возили молоко с фермы на молокозавод.

Зимой Григорий Николаевич придумал такой транспорт: к своему мотоциклу цеплял меня лыжными палками и с ветерком таскал в школу и обратно. Правда лыжи по дороге быстро изнашивались. Три пары истер я таким макаром, благо их в школе много осталось от семилетки. Электрическое освещение ещё только монтировали, появилось оно через год. Отопление, естественно, печное, плита в учительской всегда тёплая. Там мы пили чай и перекусывали захваченной и собой немудреной едой. Однажды в сумку Григория Николаевича забралась мышка, полакомилась пирожком. Мы её увидели, когда зашли в учительскую. Смеялись до упаду, особенно я. После школы заходили в магазин, где появился уже белый хлеб, сахар, конечно водка, как без неё родимой. Григорий Николаевич не прочь был взять бутылочку хоть каждый день, но меня как-то не тянуло, больше нравилось трезвому.

В то время начал я много читать, особенно исторические книги. Нацелился поступать на исторический факультет пединститута имени Герцена заочно, без отрыва от работы. На дневном надо бы учиться 5 лет, на одну стипендию. Родители помогать не могли – денег в колхозе давали крохи. Такой радости мне вдоволь хватило за четыре года учебы в техникуме. Мой друг Валентин Крылов после армии поступил в электротехнический институт, но ему помогал старший брат, экскаваторщик в Бокситогорске.

Незаметно подошёл первый в моей самостоятельной жизни Новый 1958-й год. Собрались мы его встречать местной интеллигенцией: две девушки-агронома, два учителя и ветеринар Коля Талантов, на квартире у которого я жил. Из музыки имелся только патефон, зато много пели песен сами. Вся выпивка – одна бутылка водки и вина на всех, тогда не упивались. И очень было весело. Провожал я одну из агрономов. В выходные, бывая у родителей, ходил в клуб в Мозолёво. Туда уже провели электричество. Собиралось намного больше молодёжи – учителя из средней школы, медсестры, да и местные ребята ещё не все разбежалась. Пляски с частушками уже почти прекратились. Танцевали культурно, под радиолу, особенно фокстроты «Ах, Андрюша, нам ли жить в печали», «Мишка», «Рио Рита». И здесь у меня завелась девушка Валя, которую я раза три проводил в Заполье, километра за три. Мёрзли ноги в лёгких ботинках, тёплых ещё не продавалось, а в валенках казалось не модно. Мать этой Вали давала мне погреться валенки. Но эти девушки были легкими увлечениями, любовь пришла немного позже.

Парень я в то время считался видный.

Ростом меня бог не обидел, блондин, при галстукe, в ботинках зимой, и какой никакой, а учитель. Платили правда мало. Школьный учитель, да ещё

начальной школы, получал в месяц 500 рублей (после реформы 1961 года и вообще 50). Маломальский костюм стоил около тысячи. А надо ещё и прочную одежду, и из еды что-то купить, на одной картошке не протянешь. Рабочий на заводе в то время получал рублей 150-200, на стройке – 120. Двое таких работяг, мой старший брат Сашка и сосед Колька Виноградов, потешались, что зарабатывают в три раза больше меня. Ответить было нечем, но я как-то перебивался и был доволен жизнью. Каждому своё, считал я. Вообще со старшим братом у нас большой дружбы не было и в детстве. Он раньше стал работать в колхозе, больше зарабатывал трудодней, родители его чаще хвалили. Супротив него от меня родителям толку меньше. Отсюда и упрёки, и тычки, даже за небольшую провинность. Вот и получалось, что играл и работал я вне дома. Учился не с братьями, а с другими детьми. В 15 лет вообще уехал в техникум, затем в армию. Когда вернулся, дома жил только 13-летний Толя. Третий брат Петя работал механизатором, через несколько месяцев ушёл в армию. Старший Александр жил с женой в Бокситогорске, работал в стройтресте плотником. А я стал взрослым человеком, учителем, что-то зарабатывал – и родители меня зауважали. Постарше они стали, повнимательнее к детям. Да и работа в колхозе стала легче, появились трактора и другая механизация.

В конце февраля 1958 года заметил я в Мозолёвском клубе чернявую девушку с косами вокруг головы. Пригласил её потанцевать, робко проводил до дома. Была она хорошо сложена, с приятной улыбкой, красива той неброской русской красотой, которая притягивает раз и навсегда. Так и получилось, эту девушку, супругу Евгению Михайловну, я вижу каждый день уже 47 лет и очень счастлив. Стали мы встречаться каждую субботу и воскресенье. Она фельдшер, заведовала в Мозолёво небольшой больницей. На селе частенько бывало, что сближались молодые люди из местной интеллигенции – пед и мед. А мы ещё и противоположной наружности – она смуглянка, я блондин. Влюбились друг в друга по уши. Незаметно и весна подошла. Мы гуляли по окрестным тропинкам, собирали подснежники. А когда в конце мая я закончил работу в Дмитровской школе, Женя меня встретила за несколько километров от дома. С тех пор мы часто бывали вместе.

Летом уехал я на месяц в Ленинград, сдал экзамены и поступил на заочное отделение исторического факультета Педагогического института имени Герцена. Недели три читали нам установочные лекции по истории древнего Востока, древнего Египта, Рима, а также по педагогике и психологии. Занимался я с большим интересом, вёл записи. Проучился четыре года, летом и зимой приезжал на сессии (заочникам давали оплачиваемые отпуска). За эти годы пришлось пожить в общежитиях на Васильевском острове, на Желябова, на Малой Посадской, на Стачек. Свободное время посвящал изучению Ленинграда и пригородов. Посетил почти все музеи, а Эрмитаж, особенно

выставки и залы по древней культуре, изучил досконально – преподаватели рекомендовали и принимали по ним экзамены. Все это было мне жутко интересно. От посещения Петродворца я вообще витал на седьмом небе, с одним заочником-латышом мы провели там целое воскресенье.

Не меньшее впечатление произвёл на меня огромный, до отказа заполненный Кировский футбольный стадион. Играла команда «Адмиралтеец», проводился товарищеский матч с каким-то бразильским клубом. В массе болельщиков витала особая аура – этот гул, улыбки, дымок, азартные крики, никакой брани. После матча сорокатысячная толпа растекалась по Приморскому парку, затем по городу, штурмовала трамваи (метро ещё в парк не провели). И ничего не били, не ломали, не хулиганили.

Пару раз побродили мы в ЦПКО на Каменном острове. В выходные дни там на нескольких летних эстрадах проводили концерты, танцы, играли в волейбол, в городки. В общем, культурный уровень у меня поднялся. Это пошло на пользу, я же работал в школе, да и девушка у меня была начитанная и культурная, хотелось соответствовать.

Женя встретила меня с подругой Валеёй Скоковой с поезда за два километра от дома. Я, естественно, был очень доволен. Привёз ей модный тогда плащ с капюшоном и бежевые туфли-лодочки. Всё отлично подошло, видать с желанием выбирал. Размеры у неё были стандартные, международные (за много лет, правда, габариты немножко изменились в сторону увеличения). Она долго эти вещи носила, особенно плащ. Ведь работала не только медсестрой, но и «скорой помощью». С окружающих деревень – Мозолева, Пареева, Заполя, Мощенки, Берёзовки, Глины приходили гонцы (телефона ещё не провели) и просили прийти, помочь. Она брала сумку, немудрёные таблетки, бинты, спирт, йод и шла за 2-3-5 км в любую погоду, и днём и ночью. Наступала осень, вот тут-то плащ с капюшоном и пригодился. Следует отметить, что подарки я привёз на её же деньги. У меня таких ещё не водилось, едва хватило прожить месяц в Питере.

С 1 сентября меня взяли на работу в Мозолёвскую среднюю школу. С тех пор, как я ее окончил, прошло 8 лет, многое изменилось. Мы учились в бывшем барском доме, а теперь построили новое, кирпичное типовое здание, с хорошим освещением, с физкультурным залом, с 2-мя квартирами для учителей. Правда, отапливалась школа по старинке, печками. Учителя и директор были другие, прежние ушли на пенсию. Я ещё только поступил в институт, мне поручили преподавать физкультуру. Кажется, справлялся неплохо. Физически был развит прилично, сам показывал все упражнения на перекладине, на брусках и кольцах. Да и в методике преподавания, умении держаться с учащимися опыт уже накопился. Сразу наладил контакт с учителями и директором. Купил себе мохнатый сиреневый физкультурный костюм. Жил у родителей в Глине за 3 км.

Естественно, почти каждый день заходил к своей пассии. Дело двигалось к свадьбе. Ещё летом в начале августа съездил я к родителям Жени на Иркутский шлюз. Так назывался рабочий посёлок леспромхоза на реке Тихвинке в 30 км от Бокситогорска. Она меня встретила на полдороге от остановки автобуса, и пошли мы с ней 7 км по узкоколейке, где зимой возили лес. Родители её, Михаил Фёдорович и Ольга Михайловна, встретили меня радушно, но немного настороженно. Ледок растаял после одного смешного случая. Когда пили чай, я случайно положил в стакан две ложки соли вместо сахарного песка и стал пить. Все громко смеялись. Скванность пропала, беседа пошла дружеская.

Места мне очень понравились. Речка тёплая, широкая, судоходная, ходили небольшие катера, таскали плоты с лесом. Шлюзы поддерживали уровень воды в реке. Всё это входило в Мариинскую водную систему, основанную ещё Петром I. Пробыл я там несколько дней. Эта поездка стала как бы ознакомительной. В ноябре мы с Женой ещё раз съездили к родителям и договорились о свадьбе.

В начале декабря 1958 года справили скромную свадьбу.

Накануне расписались в сельсовете. Никакого шума, ни нынешних троек, ни машин. Кафе и столовых не было, денег не густо, так что и гостей оказалось не много. Стояла вьюжная зима, дороги заметены, никакого транспорта. В Глине, в маленьком отцовском домишке собрались близкие родственники, что жили был рядом, да трое учителей – всего человек пятнадцать. Свадьбу устраивал отец и не пригласил старшего брата Александра, жившего тогда далеко, в Волховстрое. Сказал, что тот месяц назад приезжал и молодых поздравит позже (а Александр потом обижался всю жизнь).

Мы с Женой были молоды, счастливы, немного наивны, всё нам казалось хорошо и правильно. Не имели шампанского, так выпили водочки и деревенского пива, которое по такому случаю сварил отец. Свадьба прошло уютно и весело. Через 9 месяцев появился первенец Андрюша. Хотя и ерничают постоянно по телевидению, что СССР секса не было, но рождаемость-то была в два раза выше, чем сейчас. Просто тогда не трещали об этом на каждом углу и бесстыдно напоказ не выставляли.

Жить мы стали у родителей в Глине, жили дружно. Только добираться до работы моей молодой жене приходилось два километра по заснеженной дороге. Поэтому через месяц мы перебрались в небольшую квартирку при больнице. Правда оказалось там холодновато да и с дровами возня. Пришлось идти в лес и заготовить неподалёку десяток кубов ольхи. Зато всю следующую зиму печку топили докрасна, и через 2 года при переезде в Бокситогорск прихватили в собой остатки. Так и потекла у молодожёнов самостоятельная жизнь.

В школе работа шла своим чередом. Зимой я вёл занятия на лыжах, прямо у школы находились хорошие горки и лыжни. Сейчас один шоумен по телевидению в «Аншлаге» круто пародирует школьного физрука: «Эй, ты, кусок идиота!» А в нашей школе к детям подход был другой. Вскоре директор поручил мне вести математику в младших 5-6 классах. Справился я неплохо. Затем меня назначили классным руководителем 8 класса, где учился и мой вынырнувший брат Толя. В феврале съездил я на пару недель в институт, послушал лекции, отлично сдал экзамены.

В свободное время мы с Женей ходили в клуб на танцы, в кино, даже участвовали в любительских спектаклях. Весной водил я свой класс в турпоходы. Ходили на реку Рагуша и Никулино озеро, километров за двадцать. Рагуша знаменита тем, что около километра она течёт под землёй – там огромная толща известняков и за тысячи лет вода промыла в них карстовые пещеры. В русле реки видели много разноцветных минералов. На озере много купались, ловили леща, варили суп, правда не из рыбы, а из тушёнки.

В наших краях водился и лосось, за несколько сотен километров приходил из Ладожского озера на нерест в маленькие речушки. Помню в детстве, году в 43-м, шли мы ватагой в школу и с моста в речке Табашке увидели огромную рыбину. Старшие ребята вытащили ее руками его на берег, дома всем досталось по большому куску. Острогой не били, просто ни у кого не было. Острога имелась только в деревне Мощенке у Петра Коротенького. Он и по росту, и по фамилии был коротышка, но чудо какой специалист по лососю. Даже летом к Ильину дню умудрялся найти, наколоть и принести нам в Глину красной рыбы. Позже остроги появились почти у всех, да вот лосось совсем повывелся. На реках настроили плотин, миниэлектростанций, рыба стало не пройти.

В озёрах много водилось окуня. С Питера к нам в Глину приезжал дядюшка Коля, страстный охотник и рыбак. Однажды под его предводительством пошли мы за 8 км на озеро Нунгоша. Я не особенно любил рыбачить, но такого клёва не видел больше никогда. Только закинешь удочку и окунек даже на голый крючок цеплялся. Вечером развели костёр, хорошо прогрели землю, отбросили угли и на это место наложили хвойных лапок. Постель готова, всю ночь тепло, как дома. С той рыбалки я и запомнил, как надо ночевать в лесу, чтоб не замёрзнуть, особенно если прошёл дождь.

В деревнях начиналось хулиганство, браконьерство, иногда вопиющее. Недалеко от Глины в 3-5 км были бокситовые рудники, велись взрывные работы. И вот один житель, Миша Павлов, молодой, здоровый парень, вернувшийся с войны целый и невредимый, достал на руднике взрывчатку. Пошли они со товарищи глушить рыбу на Воложбу, да не удачно, оторвало Мише руку. Так и работал он всю жизнь сторожем, растил своих троих детей, инвалид войны с рыбой. Другого молодого и невредимого фронтовика Гришу

Спирова задавило поездом на руднике. Еще один деревенский житель, Коля Гришин, решил похвастать, поднял огромную железную бочку и помер через некоторое время. «Дураки люди», как говорил один классик.

В первую свою квартиру сделал я немудрёную мебель, хотя и не столярничал никогда.

В углу на кухне сколотил из неструганых досок шкаф – оклеили обоями. Смастерил стол на кухню – накрыли клеёнкой. Этажерку смастерил нам школьный учитель труда, кровать была казённая, железная. Покрыл крышу над коридором и крылечком – красота! Дом наш стоял на краю деревни, у сада. Летом мы даже цыплят развели, да повадились ворона с ястребом, так и съели их всех.

В начале октября у молодой жёнушки начались роды, вызвали скорую из Бокситогорска. Родила она по дороге, оставили её при больнице в Колбеках, в 10 км от дома. Получилась целая эпопея, как я её там навестил. Показалось, что десяток километров пешком слишком много для молодого интеллигента. Автобусов и машин никаких не было, велосипеда тоже. После уроков попросил в колхозе лошадь, нашёл её в поле далеко за деревней, километрах в трех. Кое-как поймал, высоченную худобу, еле-еле на нее запрыгнул. Поехал потихоньку, в руке небольшой чемоданчик с банкой варенья. Смотрю, что-то медленно, когда мы так доползём? Решил своего мустанга перевести в аллюр, но без седла тряско, больно. И упал я на грязную осеннюю дорогу. Кобыла остановилась, но мне на нее с чемоданчиком не запрыгнуть. Завёл в канаву, как когда-то в детстве быка, и только тогда взобрался верхом. В больницу приехал уже в сумерки. Санитарки сказали моей жене, что «ваш мужик, видать, пьяный, спина в грязи». Обратного я уже не пытался заставить лошадь побежать, а затем и вовсе слез. Вот и получилось «мы вдвоём с конём по полю бредём», как в той песне.

Зато через неделю за женой с сыном я пошёл уже на свои двоих. Единственное в колхозе авто в тот день отправили со скотом на мясокомбинат. И вот мы с Женей несли пешком своего сыночка, довольны-довольнёншеньки. Было это 14 октября 1959 года, в прохладный осенний денёк. Помню, как шли через длинную километровую деревню Золотово. Там праздновали Покров, народу много, все удивлённо смотрели на молодую пару с ребёнком. Дитё не капризничало, прошли мы прекрасно. Километра за два до дома нас подобрала машина районного сельпо.

Декретный отпуск у жены был короткий, встал вопрос о няне. Ни тёща, ни моя мать ни в какую не стали бы нянчиться. Тогда привезли нам 70-летнюю одинокую бабушку Дуню из дальней деревни Турлино. В нашей комнатке стали жить вчетвером – в тесноте, да не в обиде. Баба Дуня была малограмотная, но умная, умудрённая жизнью старушка. Дитё она полюбила, с удовольствием с ним играла. С нянюшкой мы быстро нашли общий язык. В

свободное время играли в подкидного дурака, слушали рассказы про деревенскую жизнь, удивлялись ее поговоркам. Например: «Пришёл марток, одевай двое порток». Эту присказку многие знают, а вот дальше: «Пришёл май, так коню сена дай, а сам на печку полезай» (в мае ведь нередко выпадал снег). Она помнила жизнь при царе и частенько приговаривала: «При царе при Николашке, ели белые олашки, а пришла советская власть, так мякины не напасть». Я лез в спор, показывал белый ситник на столе. Вспоминал, что мякину ели только зимой 42-го года, и то добавляли в тесто. Хотя белый хлеб я действительно впервые увидел лет в пятнадцать, в 50-м году.

Мальчик не капризничал, мало болел, рос здоровым. Однажды пропала у нас соска – ну нигде не найти. Мы посчитали, что месячный ребёнок её проглотил, съездили даже в больницу в Бокситогорск, но тревога оказалась ложной. Соска нашлась, прилипла в складках занавески на кровати. Молоды мы были, еще глуповаты и наивны. Я после работы и в выходные уходил на замёрзшие заводы с ребятами играть в хоккей, вместо того, чтобы погулять с ребёнком, как и положено молодому отцу. Всё взвалили на няньку.

Расскажу, как решили проблему с баней. Ходить с ребёнком к родителям в Глину за пару километров было и далеко, и неудобно. Тогда мы с соседом, агрономом Николаем Ивановичем, выкопали в берегу речки землянку, обшили стены досками, сложили печку. В общем, через месяц и мылись в этой бане, и парились. У агронома семья четверо, у нас тоже. Все довольны, близко, жарко, вода рядом. Вся деревня ходила смотреть на наш банный блиндаж.

До работы мне было километр пешком, мимо кладбища. За ним на горе виднелись какие-то небольшие курганы, древние могилы. Находили мы там черепки посуды, железки, кости. Местные старики говорили, что здесь несколько веков назад была война с литовцами и шведами. Под стенами Тихвинских соборов шведы действительно стояли в XVII веке, а от нас это всего полсотни верст. Даже присказка у нашей матери имелась: «Как литва прошла» (в детстве, бывало, балуясь, всё сильно разбрасаем, «разроем», как будто воинство литовское прошло).

Учитель в деревне обычно нагружен общественной работой.

Бывал я агитатором, выступал перед населением с беседами, с лекциями. В 1959 году участвовал во Всесоюзной переписи населения, переписал несколько деревень. Через год руководил участковой избирательной комиссией. Хотя и говорят теперь, что выборы тогда были не свободны, но хоть перед всевышним клянусь – народ сам валом валил. На выборы ходили как на праздник. Кандидатов в депутаты, действительно, подбирали заранее, но ведь самых достойных. Не слыхивали никаких недовольств, никого не заставляли и не тащили за уши, никто не отказывался.

Подсчитывали каждый бюллетень скрупулезно, подписывали всей комиссией протокол. Да, получалось 100 процентов, ну и что? Народ активный был, никто по телевизору и на митингах мозги не запудривал. В избирательных комиссиях на местах мы работали на общественных началах, никто никакой копейки на выборы не давал. И я видать тогда был сознательный – сам, по собственному желанию вступил в КПСС. Столпы нашей российской демократии 90-х годов хвастали, что шли в партию из-за карьеры. А я ещё и слова такого не знал. Да и какая могла быть карьера у сельского учителя.

При клубе создалась небольшая агитбригада, ездили по окрестным сёлам с самодеятельными концертами. Я проводил беседы – о воспитании детей, о политике, по материалам газеты «Правда». Кто-то стихи читал, пели хором. Заводилой была молоденькая завклубом Руфина. Вышла она замуж за местного, боевого и немного хулиганистого парня Володю Марфина. Он тоже участвовал в агитбригаде, пел песни, играл на гармошке. А через год – горе, Володя глупо погиб. Катался зимой на мотоцикле по обледенелой дороге, занесло – и головой о камень. На дороге и умер, нейрохирургов и СКЛИФа рядом не было.

Жене хватало забот по дому, но основная работа была в медпункте. Днём она вела приём, много приходило старушек. Получат пирамидон, аспирин и довольны. Один дед, Митрофан Кузьмич, ушёл с градусником домой, пронёс 3 дня под мышкой. На четвертый принёс, сказал, что полегчало. В другой раз ему прописали поставить на ночь горчичники. Бабка и поставила, да сняла только утром, спина у деда вся обгорела. А ведь Кузьмич и грамотой владел, и председателем колхоза был, и дом имел под шиферной крышей. Как-то и у меня обнаружилось недолеченное воспаление лёгких. Женя за две недели поставила мужа в строй, сделав десяток уколов. Пенициллин и стрептомицин в 50-х годах только появились, действовали безотказно и не создавали ни привыкания, ни аллергии. А супруга с тех времён стала моим личным доктором.

Летом в отпуск мы уезжали к теще – на речку Тихвинку в посёлок Иркутский шлюз. Добираться было не просто, автобус останавливался в 16 км, а дальше пешком. Бывало Евгения одна с ребёнком проходила это расстояние. Но мы любили ездить, там нас всегда ждали, встречали очень гостеприимно. В посёлке вместе с детьми проживало около 100 человек. Работал магазин, школа, баня, клуб, привозили кино. В общем жизнь была ключом.

Тесть, Михаил Фёдорович, только вышел на пенсию, всю жизнь проработал бухгалтером в леспромхозе. Войну, с первого до последнего дня, провел на фронте артиллеристом. Рассказывал нам, что пушки вначале были отличные, советские. При отступлении их растеряли, часть утопла в болотах Карелии. На Волховском фронте воевали старинными гаубицами времён первой мировой, взятыми из музеев. Новая техника пришла к концу войны, которую дед закончил под Кенигсбергом. Михаил Фёдорович говаривал, что

видать был заговорённым. Всю войну прошел он без единой царапины, хотя в его батарею погибло несколько составов артиллеристов. К тому же, за четыре военных года ни разу не ночевал в помещении, только под открытым небом или в землянках, и ни разу не простудился, не заболел.

Тёща, Ольга Михайловна, работала санитаркой в медпункте, ей было около 50 лет. Очень энергичная, добрая, приветливая женщина, мы с ней всегда были в большой дружбе. У них имелась корова, а это главная еда в сельской местности: молоко, сметана, простокваша, телёнок осенью на мясо. Мы отъедались, прекрасно отдыхали, ходили за грибами, черникой и малиной. В лесу и выпиленных делянках всего было до отвала. Главное занятие во время отпуска, как всегда, сенокос – корове надо заготовить сено на зиму. Мне это было в радость, поскольку зимой физически работал мало и летом навёрстывал. Косить мы уходили с дедом рано утром, часов в 5, косили до 10, по влажной траве: «Коси коса пока роса, роса долой и мы домой». С собой брали хлеб и трехлитровый бидон молока, который я выпивал один. Деду было за 60 и парное молоко у него уже не шло (теперь и я не могу пить не кипячёное). В первое лето поставили, помню, два высоченных стога. Дед сено принимал, я метал – подавал вилами наверх, женщины подгребали. Первые стога молодого зятя родители оценили очень высоко.

Осенью началась обычная работа в школе. Я стал поопытнее, учился на втором курсе института, энергия была ключом. Мы с ребятами играли в волейбол, разбивали клумбы около школы, кололи дрова. Гоняли металлические шары по бильярду с учителем труда Мишей Додоновым. Иногда задерживались до позднего вечера и жене приходилось звонить, разыскивать меня. В ту зиму Додонова женили на местной девушке Вале Рашпиловой. Весной купили мы с братом Толей великолепные велосипеды «ХВЗ» с ласточкой на эмблеме – не современные навороченные, а легкие, с хорошим ходом. Ездили на речку, в лес на болото, даже в Бокситогорск на футбол за двадцать километров. Велосипед прослужил мне лет пятнадцать, пока подросший первенец его не доломал.

Все складывалось неплохо, но кажется, директор школы Дмитрий Фёдорович Чиркунов меня недооценил. Преподаватель истории и географии уехал, освободилось место, а директор посчитал, что я слишком молод для такой важной должности. Да и институт не закончен (велика наука – история в средней школе, когда я сессии сдавал на одни пятерки!) Пригласили какого-то учителя лет пятидесяти, аж из Ленинграда. Может и неплохой был историк, но выпивал, жил одиноко при школе. Разве нормальный преподаватель поедет из Питера в деревню за триста верст? А меня весной 1961 года пригласили на работу в Бокситогорский райком партии. Директор школы спохватился, звонил председателю райисполкома Вертебному, чтобы не забирали из школы, да было поздно. 18 марта 1961 года меня утвердили на бюро райкома партии

инструктором отдела пропаганды и агитации. Не посмотрели на молодость и не законченный институт.

Я, конечно, согласился.

Бокситогорский райком партии

19 марта 1961 года приступил я к работе в Бокситогорском райкоме КПСС.

Прошло более 40 лет, но такие даты не забываются. Это как бы этапы, водоразделы жизни. Жил на селе, работал в школе, и вот переехал в город, в райком партии – «это тебе не хухры-мухры», как говаривал тесть, дед Миша. Определили меня инструктором в отдел пропаганды и агитации. В какой-то мере я занимался этим уже работая в школе. Участвовал в слёте агитаторов Ленинградской области и даже выступал – такая честь мне была оказана тем же Бокситогорским райкомом. Конечно, волновался, первый раз выходя на трибуну перед такой большой аудиторией, да ещё в святая святых революции – Смольном. Но, кажется, всё прошло хорошо.

Теперь же предстояло заниматься агитировать на более высоком уровне. Руководство райкома только что переизбрали, бывший секретарь товарищ Родин, который приезжал к нам в Мозолёво и которого я знал, вернулся в Ленинград. Первым секретарём избрали Корсакова Александра Петровича, всего на 9 лет старше меня. Во время войны с 16 лет после технического училища работал он на прославленном Кировском заводе, затем там же несколько лет занимался комсомольской работой, став первым секретарём комсомола. В 1952 году за трудовые подвиги комсомола Кировского завода получил поздравительную телеграмму Политбюро, подписанную лично Сталиным. Во второй половине 50-х Корсаков работал инструктором Ленинградского обкома КПСС, затем вторым секретарём Тихвинского и с 1961 года – Бокситогорского райкома. Коренной ленинградец, человек исключительной честности, скромности и преданности делу. Он постоянно учил нас работать с людьми без зазнайства и кичливости, повышать свой уровень и внушал нам, что предела здесь нет. Очень многое я от него почерпнул, и хорошо, что такие люди были и есть в нашей жизни. Берёт сомнение, правда, нужна ли сейчас исключительная честность и скромность.

В первые же дни работы в новой должности Корсаков несколько раз побеседовал со мной, познакомил с коллективом. А уже через два дня направили меня в колхоз «Россия», расположенный в 50 км от райцентра в селе Окулово, готовить на бюро райкома вопрос «Об организации социалистического соревнования среди тружеников колхоза». Многие рабочие и

колхозники вообще не слыхивали, что такое трудовое соревнование, понимали это в буквальном смысле. Однажды на бюро райкома, проходившем 2 раза в месяц, шёл приём рабочих в члены партии. Спросили одного: «Ну как вы там в своей бригаде соревнуетесь?» – «Да, соревнуемся», – ответил рабочий, – «Я занял 1-е место по поднятию двухпудовой гири».

По весенним лужам наш бессменный водитель Толя Яковлев на райкомовском газике забросил меня в Окулово и сразу уехал обратно. И вот – действуй, новоиспечённый инструктор! Познакомился я с председателем колхоза Николаем Алексеевичем Кузнецовым, который рассказал мне о колхозе. На другой день самостоятельно пошёл по бригадам. Исходил пешком не один десяток километров. Побывал в Горке, в Косьюково, Подборовье, посетил фермы, поговорил с доярками, с бригадирами. Никакой организацией соревнования там и не пахло. Главная забота – как скот прокормить в оставшийся месяц до пастбища, как технику подготовить к весенне-полевым работам. Свежим глазом лучше видно, недостатков в работе колхоза я накопил немало.

И все же, главная цель состояла не в этом, а в оказании помощи. Вместе с парторгом и завклубом написали мы графики надоев на фермах, подготовили плакаты с конкретными призывами, провели разъяснительные беседы в бригадах. Конечно, людей интересовало прежде всего «чего и сколько», но в то время слова, наглядная агитация, моральные стимулы тоже играли свою роль. Через три дня я уехал в райцентр на попутной машине районного здравотдела. Газик в райкоме был один и добирались мы сами – где на попутке, где на подводе, а расстояния в 15-20 км частенько проходили и пешком. Район большой, автобусная сеть только развивалась, многие дороги вообще были не проезжими.

Следующая задача инструктора заключалась в подготовке справки для членов бюро райкома и проекта постановления по итогам проверки. Я изучил различные материалы по организации соцсоревнования, решения обкома и даже некоторые записки вождя. Проект переписывал раз пять, пока не одобрил первый секретарь. Документы к бюро и моё выступление на нём похвалили, а это, естественно, придало мне уверенности в дальнейшей работе. После обсуждения вопроса на бюро, как положено, был организован контроль за выполнением решений.

В командировки мне пришлось выезжать десятки и сотни раз, посетить множество колхозов и предприятий, написать массу постановлений. Причем меня, как самого молодого работника, посылали в самые отдаленные точки. Но первый раз, разумеется, запомнился ярче всего.

Бокситогорский район расположен на востоке Ленинградской области.

Восточнее находился только Ефимовский район, но в 1964 году он вошёл в состав Бокситогорского. К району относился и город Пикалёво с населением около 30 тысяч человек. Бокситогорск возник в 1935 году как рабочий посёлок Тихвинского района, а статус города получил в 1955-м. Вокруг имелись залежи бокситов, сырья для алюминиевой промышленности. До войны здесь построили глинозёмный завод и три рудника. В 1940 году из бокситов получили первый глинозём, порошок белого цвета. А уже из него на Волховском алюминиевом заводе путём электролиза выплавляли алюминий. Страна очень нуждалась в этом металле, поэтому развитию завода и самого города Бокситогорска придавалось большое значение. Ещё с 1932 года начали строиться деревянные двухэтажные дома для рабочих. Появились две первые улицы – Поселковая и Тихая. Удобств не густо, вода в колонках на улице, туалет тоже. Такого жилья на стройках СССР в 30-е годы было возведено видимо-невидимо. В Бокситогорске эти дома-бараки сохранились до сих пор, хотя в них провели отопление, воду, канализацию.

На Заводской улице построили два четырехэтажных кирпичных дома. В одном из них находился продуктовый магазин с высоким крыльцом и загадочным названием «ЗРК». Мы из деревни ещё в военные годы приезжали в посёлок и заходили в этот магазин («Где был?» – спрашивают, – в «ЗРК»). Я так никогда и не знал, что же означало такое название. И лишь в июне 2005 года в разговоре со старожилом услышал, что эта аббревиатура расшифровывается как «Закрытый рабочий кооператив». Выходит, в 30-х годах закрытые магазины были и для рабочих, а не только для партноменклатуры, как в 1980-х.

Кстати, в Тихвине есть улица МОПРа. Спрашиваю бывшего футболиста Толю Николаева, родившегося на этой улице, откуда такое название, а он ничего не знает. Задаю тот же вопрос жительнице Тихвина Гале – «не в зуб ногой». А я вот ещё в начале 50-х, в техникуме, узнал, что улица так названа в честь «Международной организации помощи рабочим», созданной в Лондоне в 1920-х годах.

Особенно бурно Бокситогорск начал развиваться сразу после войны. Уже к 1960 году население выросло до 30 тысяч человек, появилось несколько школ, больница, дворец культуры, стадион, два кинотеатра, десятков садилов, два общежития, много благоустроенного жилья для рабочих. Причём очередь на жильё длилась не более 3-х лет, а специалистам – всего несколько месяцев. Руду добывали уже на 8-ми рудниках. Кроме глинозёмного завода работал завод искусственного обезвоживания торфа, комбинат стройдеталей, стройуправление, 4 стройтреста, электромонтаж, молокозавод. Сельским хозяйством занималось 8 колхозов и 1 совхоз «Красный пахарь». В Пикалёво функционировал глинозёмный завод на нефелинах, цементный и шиферный заводы, стройтрест. На этих объектах, в основном, мы и вели организационную и политическую работу.

В состав райкома партии входили промышленный, организационный отделы, отдел пропаганды и агитации, сектор учёта, общий отдел, имелись бухгалтер и водитель. Кроме Корсакова секретарями были Анна Ивановна Старикова и Виталий Аркадьевич Божевольнов. Промышленный отделом заведовал Фёдор Иванович Попов, организационным – Михаил Александрович Быстров, отделом агитации – Ида Степановна Сорокина, а через полгода на эту должность утвердили меня. Кроме них работали Евдокия Фёдоровна Швальцева (сектор учёта), Валентина Дмитриевна Белянко (общий отдел), Зинаида Михайловна Бродило (бухгалтер), Мария Михайловна Гурулёва (секретарь канцелярии), Толя Яковлев (водитель). Инструкторами отделов были Александр Петрович Катеничев, Григорий Иванович Пошивайлов, Михаил Николаевич Серебряков, Михаил Александрович Поляков, ну и Василий Антонович Белов (то бишь я). Всего около 20 человек – вот и весь райком. Не такая уж большая контора на огромное индустриально-аграрное хозяйство.

Главная задача райкома – мобилизация тружеников района.

Мобилизация (военная кампания в мирное время) требовалась для выполнения поставленных ЦК КПСС задач. Задачи были и глобальные (выполнение семилетнего плана – был такой принят на XXI съезде КПСС в 1959 г.), и конкретные для своего района. На каждом предприятии и колхозе действовали партийные организации. В 3-х коллективах – на глинозёмных заводах и стройтресте – работали парткомы с освобожденными секретарями. Райком, главным образом, и работал с секретарями партийных организаций, проводил их обучение, семинары, совещания и вместе учился сам. В нашем районе, как и во всей стране в начале 60-х, ощущался какой-то трудовой и творческий подъём, везде всё строилось, бурлило, да и весна в 1961 г. наступила ранняя. А 12 апреля Гагарин в космос полетел – ажиотаж был повсеместный, только и разговоров об этом.

В 20-х числах апреля направили меня на колхозное собрание в дальний колхоз «Пахарь». Добирался самостоятельно: до Пикалёво автобусом, из Пикалёво до Красных струг на каком-то авто, а последние километры проехал на подводе. На собрании я выступил, как всегда в таких случаях, о задачах колхоза на предстоящем весеннем севе, поставленных, естественно, ЦК КПСС и райкомом партии. Запомнился после этого ужин-банкет – пьянка ещё та. Водку пили стаканами. Представителю райкома, ясное дело, не забывали подливать. Считалось, что оказывали особое внимание. Пришлось изворачиваться, чтобы не напиться и не обидеть отказом. Выпил я первые полстакана, чтоб все видели, а затем начал выливать водку то в горшок с цветами, то ещё куда-нибудь. Иначе получилось бы как 10 лет назад у дядюшки в гостях. Никто не заметил, а я в дальнейшем часто использовал этот прием.

Наутро надо было выбираться обратно: снова в Струги, Пикалёво, Бокситогорск. Расстояние около 80 км, без транспорта за сутки не доберёшься. И тут решил я идти пешком, напрямую. Собирался махнуть напрямик через лес 12 км до Семёновского, там уже по дороге 4 км до Половного, дальше столько же до Рудной Горки, а оттуда до Мозолёва рукой подать – километров девять. В Мозолёво жили жена с сыном, а я в Бокситогорске перебивался в общежитии. Хотел навестить семейство и двинуть дальше в райцентр.

Утром стоял мороз градусов 12, в лесу лежал смёрзшийся снег, наст. Местные жители показали мне дорогу, вернее след от трактора, который пару недель назад перевозил семью на новое место. Я в резиновых сапогах, дорога заметна, 7 часов утра, солнышко светит. Шагаю, насвистываю, часа через два перешел небольшую речку. Поля показались, вот и Семёновское, дальше дорога наезженная, вода по ней бежит, солнце поднялось, пригревает. Так и пришагал я в Мозолёво к обеду к жёнушке, нигде не отдохнул. Усталости никакой не чувствовал, и ноги не болели, всё-таки молодость есть молодость. Никого не встретил по дороге – ни хищных зверей, ни недобрых людей, да тогда и не боялся я ничего на свете.

Подошёл Первомай. Главная забота райкома, а нашего отдела в первую очередь, – организовать и провести демонстрацию трудящихся в Бокситогорске и Пикалёво. Оформление транспарантов, лозунгов, портретов передовиков производства. Людей надо сфотографировать, найти по всему району. Тогда этот стимул срабатывал, людям нравилось, что их портрет висит на Доске Почёта.хлопоты немалые, тем более, что всё делалось на общественных началах, никаких денег не выделялось. Демонстрация прошла великолепно, красочно. Люди шли с радостными лицами, пели песни, играли духовые оркестры. Никто никого насильно на демонстрацию не тянул, плакаты за деньги или за отгулы не несли. Врут на этот счет нынешние демократы. У нас и денег-то не было. Люди жили небогато, но искренне радовались празднику и весне. Я впервые участвовал в организации такого события, и оно произвело огромное впечатление, создало приподнятое настроение, дало почувствовать причастность к чему-то большому и важному. Особенно приятно было смотреть на многочисленные колонны детей в красных галстуках с барабанами. А первый раз я увидел большую массу пионеров в белых рубашках, марширующих под музыку, 22 апреля 1960 года на празднике, посвящённом 90-летию со дня рождения В.И.Ленина. Весь центр Бокситогорска был заполнен детьми. Высмеяли и запретили сейчас пионеров, да думаю зря, хорошая система воспитания имелась в стране. Теперь, мол, скауты, кадеты. Да их ведь небольшая часть, а основная масса не организована. Миллион беспризорных детей имеем – позор.

Сразу после 1 Мая на другой день мы, инструктора райкома, разъехались по колхозам. Начинался весенний сев и «око государево» в лице райкома требовалось в каждом хозяйстве. Гулять, как теперь, по две недели

было некогда. Да и работали с одним выходным, суббота стала нерабочей только с 1967 года. Меня направили в колхоз «Общий труд» с центром в селе Колбеки в пятнадцать километрах от райцентра.

Прибыл я в колхоз, захожу к председателю, пожилому уже Филиппу Даниловичу Бахонько, представляюсь, а он мне: «Ну зачем ты приехал, лучше бы лишний трактор пригнал». Меня это несколько смутило, но постепенно мы нашли общий язык. Дополнительный трактор я для этого колхоза всё же выколотил у районных властей. Основным трактором тогда был ДТ-54 на гусеничном ходу, тащил сразу 5 плугов. Несколько позже появился колесник «Беларусь». Обе эти машины сделали техническую революцию у нас в нечернозёмной зоне. Они пахали, сеяли, таскали прицепы, причём были надёжны и безотказны. Вопрос о недостатке солярки или бензина тогда не стоял, горючего навалом, только подвози. Стоила солярка, кто поверит по нынешним временам – 3 копейки, а бензин 4 копейки за литр. Частных авто на оба города имелось с десяток, да полсотни мотоциклов всех марок. Зато воздух в городе был «чист, прозрачен и свеж», особенно если не обращать внимание на дровяные плиты в домах (газ появился в начале 70-х), угольные котельные и заводские трубы.

В колхозе я пробыл около месяца, ходил пешком и ездил на велосипеде в бригады Косово, Заозерье, Золотово, ежедневно бывал в мастерских, гараже, беседовал с людьми, следил за ходом весенне-полевых работ. Что сеять, как и сколько – на то у специалистов имелся заранее составленный план. Мы же заставляли его выполнять, подгоняли людей. В то время, считаю, это было нужно и правильно. Нерадивых и лодырей, которых надо подгонять и проверять, хватало всегда. Да и пьянство уже начало расцветать пышным цветом. А когда русский человек запьёт, он всё на свете забывает, не только весенний сев. В моем колхозе такая заминка как раз и произошла. В самой большой бригаде Золотово в конце мая отмечалась Троица. Механизаторы вместе с бригадиром запили на два дня. Тут нагрянул первый секретарь: «Как так, в разгар весеннего сева целая бригада пьянствует?» Председателю колхоза с парторгом на бюро райкома вlepили выговор. Сев завершился нормально, техника и люди не подвели, да и погода постояла. Осенью выговор сняли. А с Филиппом Даниловичем позже мы даже подружились – умный, самобытный человечик, прекрасный специалист и организатор, его колхоз в передовиках потом находился.

Сейчас вопрос с пьянством на весеннем севе, видимо, стоит ещё круче. Недавно (в начале двухтысячных) в программе «Время» на первом канале объявляли о главном мероприятии к посевной: в одном из районов Воронежской области всех механизаторов «подшили», чтоб они не запили во время весенне-полевых работ.

В середине июня райком и отдел культуры райсовета устроили в городском парке грандиозный праздник окончания весеннего сева – концерты,

гулянья, награждение передовиков. Организовали даже разбрасывание поздравительных листовок над парком с самолёта. Присутствовали делегации со всех колхозов. В общем, шоу получилось будь здоров. Народу нравилось, создавало настроение.

Летом дали мне небольшую однокомнатную квартирку с жилой комнатой в 18 квадратных метров. В центре Бокситогорска, с паровым отоплением, с ванной, правда без газа. Готовили на дровяной плите или керогазе. Мы, сельские жители, были рады и такому жилью. Летним вечером на грузовике перевёз туда я свою семью и немудреный скарб. Из мебели имелся один шкаф, железная кровать и этажерка. Зато был фикус в кадке, в моде он тогда находился. При отъезде пациенты устроили своему врачу Евгению Михайловне трогательные проводы. Собралось десятка два старушек, подарили цветы, благодарили за сердечное отношение. В этот же вечер я уехал сдавать экзамены, ведь учеба в институте продолжалась.

Летом съездил на несколько дней на Иркутский шлюз к тестю и теще, где в отпуске находилась жена с сыном. Я с большим удовольствием ездил туда, хотя и приходилось добираться пешком 16 км от автобуса. Нравилось стряхнуть с себя городскую пыль, размяться физически, послушать шум воды у шлюза. Приятно было и просто поговорить с жителями поселка. Простецкий, работающий, веселый народ: Васьковы – тетя Маруся и дед Петр, Севастьяновы – Анна и Леонид, Хошевы – Федор и Варвара. Все работали в лесу, имели приусадебные участки, домашний скот. Жили здесь гораздо лучше, чем в колхозе. Платили деньги, люди имели паспорта, в общем – рабочий класс. Кругом много грибов и ягод, река под окном в десяти шагах. Ни в какой санаторий ехать не хотелось. Отдыхалось отлично, когда выдавалась неделька-другая. У своих родителей в Глине стал я появляться реже, там чаще находились другие братья. А у Михаила Федоровича и Ольги Михайловны обрел как бы второй дом.

В этот гостеприимный уголок я всегда стремился попасть, хотя бы ненадолго. Даже в командировках выкраивал время. Как-то в начале мая находился я на весеннем севе в колхозе «Россия». Возвращался пешком и сделал крюк километров в двадцать. Погостил-то всего лишь один выходной день и снова двинул за 16 км до автобуса. Весна, распускались почки, шумело половодье, душа пела. А пешие переходы для меня в то время были как легкая разминка. В другой раз заехал попутно к теще на блины на газике зимой. Дорогу пробил трактор, но около Труфанова в поле случился занос. Мы с шофёром Сашей изрядно побуксовали, едва выскочили. На Иркутском хорошо закусили, и к вечеру отправились домой через Новинку на Борки. По дороге пробирались как в тоннеле, глубоко в снегу, но уже нигде не завязли.

С наступлением осени нашему отделу пропаганды и агитации предстояло организовать контроль за работой политпросвета. На каждом предприятии и колхозе на зимний период создавались кружки или семинары

по изучению политических и экономических дисциплин, материалов Пленумов и съездов КПСС. На крупных предприятиях, например, на обоих глинозёмных заводах, кружки организовывались по цехам и рудникам. Там при парткомах действовали свои кабинеты политического просвещения. Программы разрабатывал обкомом, на местах в районах и непосредственно на предприятиях дополняли их местным конкретным материалом. Мы были обязаны знать руководителей занятий, расписание и контролировать проведение. А в июне месяце, составляли отчёт о проведенной политической и экономической учебе, сдавали в обком партии. Раза два мне приходилось возить такой отчёт в Смольный, в отдел пропаганды обкома КПСС.

Недостатка в лозунгах, призывах не было.

Никита Сергеевич Хрущёв в эти годы побывал в штате Айова и решил догнать Америку по сельскому хозяйству. Призывы к тому пестрели повсюду, а значит и в нашем районе. Сеяли кукурузу. В очень хорошее лето на лучших удобренных полях на силос она вырастала неплохо. Но так как лето у нас в основном плохое, от этой культуры постепенно отказались. А вот по молоку Ленинградская область штат Айову все-таки обошла, правда попозже, где-то в 70-х годах.

Отдел пропаганды следил, чтоб эти лозунги имелись на фермах и, соответственно, чтоб доярки догоняли Америку. Нередко это вызывало только саркастическую улыбку. К ферме не подъехать, непролазная грязь, кормов весной не хватает, а Америку догоняй.

Где-то в середине октября я снова отправился в дальний колхоз «Пахарь», откуда весной ушёл пешком. Ехали уже на газике и с первым секретарем во главе. Последний кусок дороги оказался непроезжим, грязь невообразимая. Километра через три газик наш зарылся окончательно. Корсаков двинул в колхоз пешком, а мы с шофёром Толей Яковлевым остались вывозить машину из грязи. Рубили и подкладывали березы, подкапывали, бросали камни, но всё бесполезно. Провозились несколько часов, устали неимоверно. В сумерках прибыл секретарь на тракторе. Машину вытащили и вернулись в ближайший поселок. Председатель сельсовета Малиновская (не помню имя-отчество) накормила нас отварной картошкой с волнушками, а мы уже падали от голода. Домой в Бокситогорск добрались полуночи. Такие вот бывали поездки у райкомовских работников.

С 17 по 31 октября 1961 года в стране происходило очень важное событие – две недели шел XXII съезд КПСС. От Бокситогорска там участвовал делегат Моисеев, рабочий глинозёмного завода. Съезд принял программу построения коммунизма в СССР к 1980 году. Не помню ни одного человека, коммуниста или беспартийного, кто бы искренне поверил в это. Конечно, 20 лет срок очень большой, и чем черт не шутит, может и построим. Но в душе-то нормальные люди понимали – какой коммунизм, если ещё

элементарных дорог во многие деревни нет, электричество не везде, питаемся и одеваемся кое-как. А пьянство, а масса тюрем и лагерей, а нравственное состояние в стране – как же все это переделать за такой срок? А враждебное капиталистическое окружение, а холодная война, а происки?

Думалось, что всё просчитано, учтено, ведь целые институты, академики-советники работали над программой. На деле же оказалось обычное желание угодить генсеку-волонтаристу и отрыв от реальной жизни. Конечно, такие мысли появились поздней. Тогда же мы просто верили в то, что уже имеем – в социализм, в его незыблемость, нерушимость и вечность. Считали, что его надо укреплять, улучшать благосостояние людей и всё будет в порядке. В кошмарном сне тогда не могло присниться, что и социализм, и страна рухнет уже через тридцать лет. А пока мы принялись разъяснять Программу народу – призывы, плакаты, лекции, беседы. Во всех коллективах шли собрания с обсуждением материалов съезда, резолюции. В общем работа закипела ещё сильнее.

В декабре 1961 года состоялась областная партийная конференция. Мне довелось в ней участвовать, приглашались все заведующие отделами райкома. Большое впечатление произвёл Таврический дворец, торжественная обстановка, речи, выступления. Первым секретарём обкома избрали Толстикова Василия Сергеевича, уходил с этого поста Спиридонов Иван Васильевич. Прекрасное обслуживание, хороший обед, книготорговля, гостиница обкома на улице Таврической, по завершении работы – замечательный концерт с участием Н.А.Черкасова. И командировочных выдали по 27 рублей. Всё запомнилось в деталях, потому что первый раз я попал в обстановку, где так хорошо обслуживали и ничего не требовали. В общем поехали домой на своём газике – довольнёншеньки. Заезжали в Новую Ладогу, пообедали в столовой, качавшейся как поплавок над водами Ладожского озера. Приняли по сто грамм, первый секретарь разрешил. По пути добавили еще в каком-то сельмаге, уже не спрашивая разрешения, а по общему молчаливому согласию.

Кстати о столовых. Питался я почти всегда в общепите, десятки лет. Жена работала, готовить некогда, сын в ясли пошёл. Дома только ужинали. Городских столовых имелось две: № 3 на улице Социалистической, и № 1 на Школьной. Последняя представляла собой монументальное здание с колоннами, сталинской архитектуры. В обеих столовых готовили прекрасно, на 50-60 копеек можно было хорошо пообедать. Или просто в молодости всё и всегда казалось вкусно. В столовые ходили все жители города, никто не уединялся, работники райкома и рабочие люди обедали вместе. Чисто, уютно.

Зарплата же у нас была весьма скромная. 95 рублей получал инструктор и 100 рублей заведомом. Рабочий на заводе зарабатывал вдвое больше, а на руднике – втрое. Даже учитель и врач со стажем получали рублей по 120-140. Никто не верил, даже мои родители и братья, что я имею такую

низкую зарплату. Все же был я какой-то там «шишкой на ровном месте». Так никогда и не поверили, считали, что я темно. Государство очень скромно содержало своих «шишек» на местах. Хорошо, что мало брали за квартиру – всего 2 рубля, копейки за электроэнергию, за проезд. Кроме повседневной работы на благо своего района за мизерную плату, ничего мы не знали – ни спецраспределителей, ни привилегий. Да и понятия-то эти я услышал с экранов телевизоров в 90-е годы. И когда теперь некоторые деятели призывают нас, партийных работников, райкомовских рабочих лошадок в чём-то покаяться, это вызывает смех сквозь обиду. Не в чем каяться, да и не перед кем. Перед нуворишами что-ли, которым доступен экран?

А нам приходилось экономить на всём. Костюм всегда один, доносишь, бывало, до лоска, придется как-то менять. Ботинки – пока не протекут, пальто... Работнику райкома надо ведь прилично выглядеть. Потому и ходил, если не в новом, то всегда в чистом, поглаженном. Жена тоже получала мало, но вкусно готовила, иногда из ничего, бережно относилась к получаемым копейкам. Работала она на скорой помощи по сменам, так что сын находился в круглосуточном садике. Однажды вечером, когда ему было пять лет, драпанул он оттуда домой. Шёл на лыжах вдоль проезжей части по канаве (по дороге носились КРАЗы с бокситом), до дома около километра. Пришлось матери со слезами вернуть его обратно. Уходила она на работу в ночную смену, а я, как всегда в был отъезде.

В начале 60-х в моду вошли нейлоновые рубашки, недорогие, очень ноские и красивые на вид. Появились и немнущиеся костюмы из лавсана. Очень они выручали. Постираешь вечером – и всегда в белоснежной рубашке, три года сносу нет. Сейчас удивляюсь, как это я мог тогда проходить целый день в жару в нейлоне, при галстукке и в костюме. Круглый год в таком прикиде, и хоть бы что. С возрастом меняются привычки, представления о жизни, да что там – всё меняется, и сама жизнь.

После XXII съезда КПСС идеологическому обеспечению его решений стали придавать ещё большее значение. Каждого работника райкома при посещении предприятий и колхозов обязали выступать по разъяснению материалов съезда, создали лекторскую группу, а наглядной агитации изготовили – море. Верь не верь, а слушай и читай. Агитаторов, лекторов, пропагандистов подбирали из инженеров, учителей, врачей, юристов. Обучали их по мере возможности, инструктировали. Для этого приглашали лекторов из обкома партии. У нас при райкоме работала школа пропагандистов «по проводам», то есть вечером в определенное время садились лекторы к радиоточке в кабинете политического просвещения и слушали передачи из Питера. Выступали специалисты по лекторскому мастерству, культуре речи и т.д. Запомнился прекрасный лектор по этой теме с необычной фамилией Соломоник, с великолепной дикцией. Активно действовало при райкоме и общество «Знание», которое платило за лекции небольшие деньги. В Питере это

общество располагалось в особняке на Литейном-42. В этом здании в начале 60-х годов мне неоднократно приходилось бывать на семинарах. Всегда получал там хороший идеологический заряд. А однажды в 1963 году по линии этого общества съездил я даже в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства. ВДНХ и сама столица произвели на меня огромное впечатление, тем более, что я историк и оказался там в первый раз.

Идеологическим рупором райкома партии являлась районная газета «Знамя коммунизма», позже переименованная в «Новый путь». Редактор всегда присутствовал на бюро райкома. Возглавлял газету товарищ Валясов, секретарём редакции работал Пинес Борис Михайлович. Многие годы неутомимо трудились Самуил Львович Беркенблит, Анатолий Васильевич Веселев. После Валясова редактором в течение трех десятков лет отслужил Александр Иванович Попов, до этого также поработавший завотделом агитации райкома. Районная газета всегда была интересной, нужной, отражала не только работу районной партийной организации, но и повседневную жизнь района. Писал «Новый Путь» о передовиках труда, новостях культуры, быта и даже рыбалки.

Целая эпопея получилась в районе с движением за коммунистический труд. Бригады комтруда создавались практически на всех предприятиях и организациях, в цехах, на рудниках, фермах. Принимались обязательства, подводились итоги, вручались вымпелы, значки. Поначалу движение воспринималось с энтузиазмом, играло роль в поднятии дисциплины, производительности труда, в борьбе с пьянством, в привитии культуры быта. Об этих бригадах писали в газетах, на них равнялись. А тем временем, бригад стало слишком много – больше, чем позволяли реальные условия. Немудрено, что всё стало отдавать фальшью, сошло на нет. Ни коммунизмом, ни настоящим трудом не пахло в иной бригаде, а она считалась таковой.

Постепенно с партийными заданиями побывал я во всех точках района.

Увидел и познакомился с каждым колхозом и совхозом, всеми населенными пунктами, а также предприятиями, цехами, рудниками, строительными управлениями. Большое впечатление производило мощное оборудование, технологические сети, целая паутина из труб в глиноземных цехах в Бокситогорске и Пикалево. Огромные новые печи спекания, вводимые в эти годы на Пикалевеком глиноземном заводе. Сложное производство цемента и шифера на цементном заводе. При посещении объектов я стремился все увидеть, понять хотя бы в общих чертах принципы работы, тут же задавал интересующие меня вопросы. Регулярно, не реже одного раза в квартал, на бюро райкома заслушивался вопрос по отделу агитации и пропаганды. Вопросы готовили иногда своими силами, иногда создавалась комиссия. Проблемы обсуждались разные, например: «О работе парткома Пикалевского

глиноземного завода по организации движения за коммунистический труд». Мощный вопрос, работала особая комиссия для подготовки, а потом и для контроля за постановлением. Обсуждали подготовку к выборам, использование наглядной агитации в воспитательной работе, подготовку к празднику Октября и много других проблем.

Бокситогорский район в те годы в области считался развитым индустриальным центром. Основным достоянием района являлись конечно люди, передовики производства. Несколько человек были награждены орденом Ленина, например мой земляк из Мозолёва, экскаваторщик Владимир Васильевич Борисов. Рабочий Пикалевского глинозёмного завода Титов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Позже это звание получил и директор завода Бадалянц. Мои родственники тоже имели награды. Родной брат Анатолий, водитель большегрузной машины имеет орден «Знак Почета», а жена брата Петра Валентина Семеновна – Орден Трудового Красного Знамени и звание «Заслуженный, учитель РСФСР». Работая несколько лет в райкоме и затем в райисполкоме я не видел ни единого работника райкома, награжденного медалью или орденом. Значит, как ни старались, не заслуживали. Позже упрекали партийных и советских работников за большое количество наград и привилегий, но это несправедливо, если говорить о низшей категории номенклатуры. Хотя, конечно, кто как сумел на местах развернуться.

Посещать колхозы для меня было легче и интереснее всего. Да и понятно, ведь жизнь и работа в деревне знакома мне с детских лет. Неоднократно побывал с разными заданиями в Анисимове, Стругах, Самойлово, Колбеках, Бору, Большом Дворе, нередко с ночлегом. Гостиниц не было, командировочных не платили. Договаривался с председателем колхоза или сельсовета определиться к кому-нибудь на постой на день-два. А в деревне Окулово мы с инструктором Толей Глубченко ночевали прямо в клубе.

Однажды вышел такой случай. Поехали мы в колхоз «Красное знамя» с заворгом Быстровым, решили посетить бригаду Дорогощи. К нам присоединился председатель сельсовета Талантов, председатель колхоза Мальшев, секретарь парткома Яковлев. Кстати, председатель, Александр Капитонович, был прекрасным руководителем – самоучкой, таким местным самородком. Но у него случались запои, и тогда из райкома направлялась машина, председателя забирали на трое суток в больницу под надзор (вот тебе и роль партии на селе). Далее он опять прекрасно трудился несколько месяцев до очередного загула. Короче, шли мы впятером по полю, и натолкнулись на четырех немолодых женщины, пропалывающих капусту. Неловко получилось. Подумалось, вот бы заставить нас, пятерых неслабых мужиков, поработать целый день в наклонку. В то время народу в колхозах осталось мало, особенно

молодежи. Бурно растущие Бокситогорск и Пикалево высосали рабочую силу из окружающих деревень.

Хозяйственные показатели в колхозах постепенно росли, хотя и очень медленно. Надои на корову никак не дотягивали до трех тысяч литров в год, да и привесы скота на были откорме не велики. Не хватало кормов, силоса, зерна. Продукция была малорентабельна. Но все долги с хозяйств государство регулярно списывало. Практически бесплатно поступала техника, тракторы, грузовики, комбайны, горючее. Начались большие работы по мелиорации земель. Развернулось дорожное строительство. Асфальтированные дороги соединили Бокситогорск с Тихвином, Пикалево с Ленинградом. В крупные населенные пункты района – Мозолево, Большой двор, Анисимово – провели автобусное сообщение. В каждом колхозе строились капитальные скотные дворы. Стабильно и хорошо работала промышленность района: росли объемы выпуска глинозема, цемента, шифера. Тогда продукцию – сталь, нефть, цемент, глинозем, мясо, молоко – измеряли в тоннах. Сейчас цифр, пожалуй и не увидишь, одни только проценты ВВП.

И тут мы столкнулись еще с одним чудачеством генсека Хрущева. Разделил он партию на промышленную и сельскохозяйственную, во всяком случае на местах. Наш райком руководил промышленностью Бокситогорского и Тихвинского районов, а Тихвинский – проводил партийную линию в своих и наших колхозах. Бытовал даже такой анекдот: приходит бабка жаловаться на деда в Бокситогорский райком, что он дерется. Её спрашивают: «Чем он вас ударил?» «Оглоблей», – отвечает бабка. «Это вам в сельский Тихвинский райком надо обращаться, вот если бы гаечным ключей, тогда бы мы разбирались». В те времена в райком приходили практически с любыми жалобами и всегда принимались меры, авторитет райкома среди населения был очень высок.

Длилось это разделение около года, после снятия Хрущева в октябре 1964 все пошло по-старому. Однако, я успел неплохо познакомиться с Тихвинским районом. Побывал на деревообрабатывающем заводе, лесохимзаводе, в депо, в леспромхозах, на стройплощадке «Центролита» (филиала Кировского завода) и других объектах.

Запомнилась недельная поездка в Кашинский леспромхоз с целью подготовки вопроса на бюро о воспитательной работе. Добирался километров за восемьдесят, естественно своим ходом, из Бокситогорска в Тихвин и далее в Шугозеро, где находился центр этого ЛПХ. Места красивейшие, поселок на берегу большого озера, еловый и сосновый лес. Весной, в конце апреля, утром еще стояли морозы градусов пятнадцать. Разобраться в проблеме было не сложно, опыта и прочих навыков у меня уже хватало. Посетил я все лесопункты, добрался даже до самой крайней точки района в Хундоле, удаленной от Шугозера на север. В Хундоле переночевал, вечером в клубе провел беседу с рабочими, рассказал им о Бокситогорском районе и о цели

моего приезда. Утром меня отвезли обратно – на лошади, на дровнях. Ехал и несколько часов жмурился на весеннее солнце, загорел, как негр.

В поселке Пялья встретил однокашника Лешу Певцова, который работал в местной школе. Приютил он меня на ночлег, накормил и слегка напоил, ведь не виделись десятков лет. Магазин у него находился под окном, а жена этим магазином заведовала. Днем в другом поселке, встретил еще одного учителя, бывшего студента Ваню Огнева. Попили у него чайку, ничего другого днем не полагалось.

Вернувшись с лесных поселков в Шугозеро попал в небольшую историю. Шел я по обочине центральной улицы – дорога растаяла, грязь – и вдруг грузовик обдал меня жижей с головы до ног. Я в плаще, в сапогах, но при галстукке, как никак представитель района. В нескольких шагах увидел поселковое отделение милиции, так и зашел, стирая грязь с лица. Дежурный записал номер машины и через месяц прислал мне в Бокситогорск сатисфакцию.

В поездке по лесопунктам побывал непосредственно на валке леса. Деревья пилили отечественными бензопилами «Дружба», трактора-трелевочники таскали бревна в склады к проложенным дорогам, а затем МАЗы увозили их к железнодорожным станциям. Заготовка велась круглосуточно. Строго соблюдались правила лесопользования. Не выпиливался лес вдоль рек, делянки убирались, своевременно велись лесопосадки. Тридцать лет спустя пришлось увидеть совсем другую картину лесозаготовки. Около деревни Великий Двор за неделю спилили сосновый бор в десятки гектаров, без всяких разрешений. Причем от дерева отрезали одно-два бревна по 5 метров, остальное бросали. Лесничий пытался что-то предпринять, да его усадьбу сожгли. Двоих заартачившихся рабочих повесили на суку. А раньше никто там не смел вырубить колышек, не то что дерево.

По возвращении из командировки провели анализ результатов поездки, заслушали доклад на бюро, отработали постановление, все обычным путем. Затем начали готовиться к 1 Мая. Праздник Победы 9 Мая отмечали скромно, только в 1965 г. он был объявлен праздничным выходным днем.

В основе работы и райкома, и нашего отдела, и партийных организаций на местах лежал моральный кодекс строителя коммунизма. Это своего рода свод принципов коммунистической морали, утвержденный Программой партии. Цели коммунистической нравственности известны – воспитание сознательности, убежденности в правоте своего дела, высокой культуры. Ведущие принципы кодекса включали преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, социалистическое отношение к труду. Далее провозглашался коллективизм и гуманизм, честность и правдивость, простота и скромность, нетерпимость к порокам, непримиримость к врагам коммунизма, интернационализм. В конце имелись лозунги: один за всех, все за одного, человек человеку друг, товарищ и брат.

В общем-то прекрасные слова, доступные, простые и ясные. Не вызывали у людей какого-либо неприятия или отторжения. В каком-то смысле переключались с заповедями библии: возлюби ближнего, не убий, не укради. Половина этих принципов сейчас не в чести. Ну кому нужна честность и правдивость, простота и скромность? Да человека с такими качествами просто затопчут. Или отношение к труду – какое оно, если труд нигде не вспоминается? А сами трудящиеся люди – где они, чем живут? И разве сейчас человек человеку друг, товарищ и брат? Нет, конечно. Выходит из этого кодекса до сегодняшнего дня дожили только любовь к Родине, интернационализм и, пожалуй, нетерпимость к порокам.

А тогда моральный кодекс сыграл свою положительную роль в воспитании народа, особенно молодежи. В дело коммунизма, особенно близкое, мало кто верил, а вот патриотизм, любовь к труду, коллективизм – это воспринималось сознательно большинством людей. Воспитание велось через бригады, фермы, классы, цеха, рудники и другие коллективы. Это отражалось и на конкретных результатах работы в районе. Год от года росли объемы производства глинозема, цемента, в колхозах – молока, мяса, овощей, картофеля. Повышалась культура населения, снижалась преступность. Естественно, отсутствовали террористические акты, преступления с применением оружия.

Хотя два казуса во время торжественных мероприятий все же можно припомнить. В Пикалево, в начале 60-х, к ноябрьской демонстрации сделали трибуну, как всегда временную. Зашли на нее представители власти, предприятий, а когда взобрался директор глиноземного завода тяжеловес Ткаченко, она и рухнула – лопнула балка. Невысоко, метра полтора. Отделались смехом и небольшой заминкой. Винить некого, сами же заводчане трибуну и колотили. Райком проверял праздничное оформление, а вот толщину балки не углядел. Позже в Тихвине во время августовской конференции перед началом учебного года приветствовали молодых учителей. Вызвали их на сцену, построили в одну линию. Первый секретарь Шаров с трибуны оглянулся, а педагогов нет. Не выдержал настил и все 15 человек упали под сцену. Запачкались, некоторые ушиблись. Вот такое случилось посвящение в учителя, запомнилось на всю жизнь. Мелкое хулиганство и воровство, конечно имели место, но тяжелые преступления, убийства, случались крайне редко и почти все раскрывались. Люди свободно ходили ночью, ключи от квартиры оставляли под ковриком у двери, никаких железных дверей, решеток на окнах не было и в помине.

Вскоре Бокситогорский район увеличился вдвое.

Произошло это осенью 1963 года за счет присоединения Ефимовского района. Площадь достигла 7163 квадратных км, протяженность с запада на восток до границы Вологодской области – более 100 км. В районе проживало

около 100 тысяч человек в 270 населенных пунктах. Имелось 150 рек и речушек, 200 озер. Сельхозугодья составляли 47 тысяч гектаров, из них 24 тысячи находилось под пашней (к началу двухтысячных не использовалось и десятой части). В 70-е годы только в совхозах содержалось более 15 тысяч голов крупного рогатого скота, в 2005 году коров осталось 300 голов, а свиной и того меньше – всего 206. Хотя, может быть так и надо? В магазинах ведь все есть, разнообразные молочные и мясные продукты, всегда в достатке. Зачем надрываться в нашем климате, если продукты везут со всего света. Техника доставки, условия товарообмена стали другими. Остается только сокрушаться, что поднимали мы сельское хозяйство в районе, а теперь его нет. Производили огромное количество продуктов, а их не хватало, куда-то все проваливалось в тартарары. Теперь же наоборот, мало производят, а всего полно. Значит научились лучше нас работать и жить по известной прибаутке:

Мы не сеем и не пашем
Мы валяем дурака
С колокольни шапкой машем
Разгоняем облака.

Границы моих поездок-командировок значительно расширились. Из таких мест, как Радогощь, Сидорово, Заборье, Сомино, Озереве пешком не придешь. Добирались на поезде, автобусах, попутках. В райком дали еще одну машину. Некоторые работники упраздненного района перешли работать в Бокситогорск, Тихвин, Пикалево. Первый секретарь Ефимовского райкома партии Шаров Иван Васильевич был избран первым секретарем в Тихвине. Председатель исполкома Николай Николаевич Смирнов стал заместителем председателя райсовета в Бокситогорске, Матюшев – председателем горсовета в Пикалево, Петракова – заведомо культуры Бокситогорского райсовета. К району добавились Ефимовский и Подборовский леспромхозы, около десятка колхозов, некоторые из них находились среди отстающих. В колхозах пытались заниматься не только земледелием и животноводством, но и промыслами, заготавливали и продавали лес, ягоды. Мне рассказывали, как председатель одного такого колхоза Ефимовского района в 50-х годах заключил с заготовительной организацией из Ленинграда договор на продажу 5 тонн клюквы, получил под это аванс. Собрать столько ягод колхозникам не хватило времени. Заготовители приехали в октябре за клюквой, председатель отвел их к болоту и заявил: «Берите, здесь даже 10 тонн будет. В договоре не указано, что мы наберем, а указано, что продадим. Вот мы и продаем, болото ведь наше». Так ни с чем заготовители и уехали.

Большое значение придавалось шефской помощи колхозам и совхозам. Все предприятия района закреплялись за конкретными хозяйствами и бригадами. Были шефы и в областном центре. Над Бокситогорском шефствовал Фрунзенский район Ленинграда. В основном, помощь заключалась в уборке урожая, главным образом картошки, а также в заготовке кормов. Оказывалось

содействие техникой, ремонтом построек, организовывались шефские культурные программы. Студенты Ленинградского института холодильной промышленности, например, каждую осень работали в совхозе «Красный пахарь». Председатель одного из колхозов Тихвинского района жаловался в райкоме, что его шефы с Ленинградской фабрики офсетной печати привезли несколько коробок игральные карты и теперь весь колхоз играет в них даже в рабочее время.

В выходные дни ездили в колхозы убирать картошку и мы, работники райкома. На уборку урожая в колхозы и совхозы направлялись представители райкома и райисполкома. Однажды осенью уже в конце октября послали меня в отдаленный поселок Сидорово проконтролировать заготовку и сдачу государству картофеля, план по нему в районе срывался. Вместе с представителем заготконторы организовали мы закупку картошки у населения. В течение нескольких дней заготовили три открытых полувагона. Узкоколейкой отправили груз на станцию Заборье, да случился ночью мороз, картошка подмерзла. Все надо было делать вовремя, заготовки проводить в сентябре. А мы всегда долго тянули – до наступления отвратительной погоды и не шевелились. Так было и с шефами – начнутся дожди, они и понаедут. Видать, русский человек всегда долго запрягает, а насчет быстрой езды – как пойдет.

Мои частые поездки по району, естественно, поднадоели семье, жена иногда попиливала: «добро бы хоть зарплату нормальную приносил, а то гроши получаешь». Отвечать приходилось: «так надо, это мой долг», хотя перед кем? Хорошо, что пилила не часто, все она понимала – надо так надо. Тем более, что работал я не только для района, но и для семьи. В Бокситогорске на улице Красной взял сотки две земли под огородишко, растил картошку – подспорье к скудному жалованью. Каждый год носил из лесу ягоды, грибы. Однажды в субботу поехали мы за брусникой на болото в родную деревню Глину. Собрались инструкторы Серебряков, Поляков, сосед по площадке Соيفер. Переночевали на сарае у матери и утром километров за пять двинулись в ягодник. Брусники оказалось – как будто красным сукном задернуто (так говорили в Глине). Набрали по большой корзине, замочили – с блинами неплохо было зимой. А вот на рыбалку я не ходил, как-то не приобщился. Нудным мне казалось стоять и ждать поклевки. Хотя у тещи на Иркутском шлюзу можно было удить рыбу ходить под окном. Зато сынишка полюбил рыбалку рано. Лет в пять поймал он первую рыбку. Окунок прицепился за крючок глазом, так прямо на удочке и принес он улов вечером домой. Торжество для него было большое, а потом и восхищение взрослых.

Незаметно закончил я пединститут, получил диплом, кончились дополнительные отвлечения мои от работы и от семьи. Один год я даже по совместительству работал в вечерней школе, преподавал историю. Выпустил один класс, немножко подзаработал. Молодежи в вечерней школе тогда

училось много, некоторые продолжали учебу после и в заочном институте. Директором школы был Вадим Иванович Загрядский. Очень уважаемый и заметный человек в Бокситогорске. Жена его работала врачом, оба активно занимались общественной работой. А общественная работа в то время – бесплатная, полезная для общества деятельность в нерабочее время. Участие в различных комиссиях, дежурства в народной дружине, депутатские обязанности. Это составляло как бы часть биографии, личности человека.

Райисполком

Летом 1964 года избрали меня зампредом Бокситогорского райисполкома.

Депутатом районного Совета я стал еще будучи завотделом райкома. Теперь началась новая работа, но она не так уж заметно отличалась от старой. Мне поручили курировать Управление сельского хозяйства. Занимался я теми вопросами, что входили в компетенцию районного Совета. А входило почти все – пашня, сев, землеустройство, землепользование, сорта, племенной скот, урожайность, надои, привесы, распределение ресурсов, техники, удобрений, дороги, строительство и торговля на селе и т. д. Начальником Управления был Павел Васильевич Васильев – квалифицированный специалист, умница, высокий, крепкий, рыжий весельчак. Работу с кадрами в управлении около трех десятков лет вел Дмитрий Яковлевич Арапов, переехавший из поселка Анисимово. Когда-то работали мы с ним в пионерлагере, он начальником, а я пионервожатым. Его супруга, Александра Клавдиевна, много лет руководила районным отделом народного образования. Прекрасные труженики, интеллигенты, гордость города.

Интересовался райсовет и трудовыми отношениями в колхозах. Как только я приступил к работе, возникла идея обсудить вопрос «О выполнении устава колхоза в хозяйстве «Россия» (это в Окулово, в 50 км от райцентра). Предполагалось посмотреть, соответствует ли текущим условиям действующий колхозный устав, пригласить на заседание руководителей других хозяйств района. В «России» я бывал много раз, и снова поехал с удовольствием. Дело было в середине июня, солнце, тепло. Поселок стоял на берегу озера, кругом сосны. Набрал я кучу документов и пошел изучать. Отошел от конторы метров триста, присел на песочек. Накупался, работаю и загораю. Прекрасная, думаю, будет командировка, не все по хлябям таскаться. А уже часа через три за мной на газике прибыл гонец из города. Оказывается, вышло решение Облисполкома преобразовать все колхозы района в совхозы, а на территории Радогощи и Сидорова на базе колхозов создать два подсобных хозяйства леспромхозов. Получается, что колхозы и их уставы канули в лету, а

значит и вопрос, который мы собирались рассматривать, потерял актуальность. Я вернулся в район заниматься другим делами.

Совхозы – государственные сельхозпредприятия – были намного крупнее колхозов.

В них платили гарантированную зарплату, колхозники превращались в рабочих, им выдавали паспорта, старикам платили пенсии. Государстве устанавливало твердые закупочные цены на продукцию (мясо, молоко, картошку и, в небольших количествах, яйца и зерно). Это был уже не колхоз и не война, несколько раз закрома не выгребали. Продуктивность скота начала расти, надой на корову к концу 60-х годов превысил 3 тысячи литров, а коров в районе насчитывалось 15 тысяч. Началось сближение условий жизни города и деревни.

Очень сильный толчок развитию сельского хозяйства дал мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 года. Его решения повлияли и на наш район. Все долги с колхозов списали. Больше средств стало выделяться на новую технику, строительство ферм. Началась мелиорация запущенных земель. А особенно важно – строительства жилья городского типа для рабочих совхозов, то есть бывших колхозников. Капитально застраивались центральные усадьбы, они превращались в поселки городского типа. Например, в совхозе «Красный пахарь» на центральной усадьбе в деревне Большой Двор в 60-х годах построили несколько двухэтажных жилых домов с канализацией и паровым отоплением, котельную, школу, контору совхоза, здание сельсовета, медпункта, магазин, детский сад и даже Дворец культуры. Параллельно строились крупные полумеханизированных фермы, склады, мастерские. Были созданы агрономическая, зоотехническая, инженерная службы, которые возглавили дипломированные специалисты, В совхозы стал поступать племенной скот, лучшие сорта картофеля, овощей, зерна.

«Красный пахарь» превратился в нешуточное хозяйство, не в пример нашему примитивному колхозу в Глине. Руководил совхозом более 20 лет кандидат сельскохозяйственных наук Василий Николаевич Калинин. Совхозные угодья простирались с запада на восток на 30 км, – от деревни Астрача до города Пикалево. Подобные хозяйства возникли и в других местах района. В поселке Бор появился крупнейший совхоз «Бокситогорский», где много лет трудился очень грамотный специалист Виктор Николаевич Виноградов. В поселке Ефимовском, бывшем райцентре, был образован совхоз «Ефимовский». Его директор Владимир Григорьевич Деньгачев тоже пропахал на своем посту около 30 лет. В поселке Подборовье – совхоз «Подборовский», где несколько лет директорствовал известный знаток сельскохозяйственного производства Рудольф Эдуардович Пралет. Впоследствии он стал даже секретарем Ленинградского обкома КПСС. Из этого совхоза выдвинулись специалисты областного масштаба – Александр

Николаевич Жужгин, Федоров, Посибеев, Кудров. А поработавший в «Подборовском» выпускник сельхозинститута Василий Семенович Сечкин вырос до директора НИИ механизации сельского хозяйства в городе Пушкине. Он и в 2005 году был в строю, руководил кафедрой в Сельхозинституте – доктор технических наук, профессор.

Несколько меньшими по масштабу являлись совхозы «Анисимовский», «Красное знамя», «Новый Быт», «Лиственский», «Пикалевский». Условия жизни на центральных усадьбах стали приближаться к городским. Все они к концу 60-х годов имели автобусное сообщение с райцентром. Электричество протянули до самых отдаленных мест. Открылись магазины, детские сады. В самых отдаленных точках строились не только фермы, но и новые кирпичные школы. Например, в эти годы сдали восьмилетнюю типовую школу в деревне Корвала, в самой северной части района. Там проживала угро-финская народность вепсы. Мне пришлось неоднократно побывать в этих краях, и по поводу строительства школы, и по вопросам выборов. Туда было очень сложно было завозить стройматериалы. Зимой не успевали, возили кирпич весной, когда развозило дороги.

Неподалеку, в деревнях Сидорово и Радогощь, находился я дней пять по случаю выборов в местные Советы. При мне имелся служебный газик с водителем Лёшей Балабановым. Выборы прошли в воскресенье, уже к полудню проголосовали все до единого. Только к отдельным избирателям, кто не мог самостоятельно двигаться, направили члена избирательной комиссии с опечатанным ящиком. А затем начался всеобщий праздник: концерт школьников в клубе, кино, хождение друг к другу в гости. Нас тоже активно приглашали, мы не отказывались. Шофер Лёша оказался хорошим гармонистом. И вот нас со своей музыкой водили из дома в дом и везде угощали. Налегали мы, в основном, на рыбу. Если Питер славился весенней корюшкой, то эти места были известны летом окунем и щукой, осенью – ряпушкой и снетком, великолепными по вкусу некрупными рыбками. Местные жители вепсы часто повторяли «чома кала», что значило «хорошая рыба». Готовили рыбу действительно очень вкусно. Не меньшим деликатесом оказалась и телятина, тушенная в русской печке. В общем, наелись мы местных разносолов до отвала. Выпивали мало – держались, да там и не принято было напиваться. После выборов авто у меня забрали, а я пробыл еще дня три – проводил первые сессии в двух сельсоветах, присутствовал при избрании председателя.

Съездил и на строительство школы в Корвалу – на местном гужевом транспорте, а попросту на телеге. Дело было в середине марта, случилась сильная оттепель и попутная автоколонна с кирпичом для строящейся школы вдоволь побуксовала. Водители материли районную власть. Досталось и мне, раз здесь оказался. Обычно зимняя дорога стоит до 10 апреля, а тут как на грех хлынули ранние дожди. «Бога за бороду не возьмешь», – вспоминал я про себя

глинскую поговорку.

Года через три я снова побывал в этих дальних краях в конце июня. Стояла великолепная солнечная погода. Мы с начальником районной милиции Андрейченко объехали весь северо-восточный край района – Заборье, Скверы, Сидорово, Красный Бор, Корвалу, Найдалу. Интересовались состоянием правопорядка, работой почты, магазинов (имелись жалобы). Школа в Корвале была уже достроена. Мы решили заехать в самую дальнюю деревеньку Найдалу, на границе Вологодской области. Дорога проходила мимо цепи озер, вот где красотища! В одном месте дорога вилась между двумя озерами, их разделяла полоса метров в сто. Кое-где пришлось нам разрубать и убирать поваленные деревья. А вот грязи не было, стояла сушь и белые ночи. Жители деревни, семей двадцать, очень нам удивились. По их рассказам раньше начальство к ним не приезжало никогда. Выяснив все вопросы, мы поужинали, опять же рыбой, крепко заснули. А наш водитель с местным жителем за короткую ночь наловили ведро рыбы. Озеро прямо в деревне, клев – только закидывай, ведь нога городского рыбака здесь не ступала. Даже такого знаменитого как Александр Иванович Попов, автор книги о рыбаках и рыбе в Бокситогорском районе.

Обратный наш путь длился часов пятнадцать. Мы заезжали в лесопункты, сельсоветы, и прибыли в город уже за полночь. Открыли багажник, а там такое амбре! Протухла наша рыба за длинную дорогу. Выбросили весь улов на помойку и отправились домой. Совместить оказалось сложно – или работа, или рыбалка. Да мне никогда и не удавалось отдохнуть в командировке.

Заседания исполкома проводились 2 раза в месяц.

Всегда приходилось решать массу вопросов – и крупных, значительных, и помельче, но нужных для города и района. Все проекты решений писали собственноручно, машинистка печатала, размножала под копирку. Никакой другой множительной техники не имелось, поскольку дело было более сорока лет назад. Сейчас везде компьютеры, ксероксы, факсы и прочее. Только мысль в голове возникла – она уже на бумаге или на экране. А мне в те годы пришлось в голове продумать сотни страниц текста, а затем вручную исписать центнеры бумаги. Говорилось тогда: «Жизнь идет, контора пишет», «Бумага все стерпит». Были и покрепче выражения. А как же иначе руководить районом? Надо все зафиксировать, провести решения, добиться их выполнения соответствия законодательству и постановлениям вышестоящих органов. Приходилось и над собой постоянно работать, юридические вопросы изучать. Да и в Смольный вызывали не реже 1-2 раз в месяц. Чаше всего там проводились разного рода инструктажи, семинары, обучение, но иногда устраивались и головомойки. Областные руководители всегда были требовательны, но и говорить с людьми умели. Помнится, в начале 60-х годов

приезжал к нам на районную партконференцию второй (в то время) секретарь обкома КПСС Григорий Васильевич Романов – молодой, симпатичный, умный, доступный. По окончании сидели вместе с ним на банкете в Столовой №1. На славу закусили, выпили немного хорошей водочки, не думали тогда, что будет через 40 лет. Впрочем, сейчас тоже молодежь не заглядывает на десятки лет вперед.

На заседаниях исполкома систематически обсуждали работу отделов – коммунального, финансового, внутренних дел, торговли, образования, культуры и других. По каждому вопросу надо было проверить состояние дел, написать проекты решений. Всем этим занимались профильные зампреды, в том числе и я. Орготдел состоял из двух человек. Они работали с депутатами, организовывали проведение сессий. Много дел было и у секретаря Веры Федоровны Бараусовой. Запомнился вопрос о работе милиции, который поручили подготовить мне. Пришлось основательно вникнуть в содержание работы – раскрываемость преступлений, профилактику, обязанности следователей и оперативников, деятельность ОБХСС, участковых. Для подготовки решения была создана комиссия из юристов, участвовали прокуроры. Привлекалась и судья Анастасия Федоровна Воробьева – местное юридическое светило. Лет тридцать она являлась председателем бокситогорского суда, стала почетным гражданином города. Начальником отдела милиции служил в то время Григорий Михайлович Мартыненко, он же и отчитывался на исполкоме. По его словам и по общему мнению, подготовка и отчет встряхнули работу милиции. Недостатки тоже имелись, особенно в профилактике преступлений. Тогда этому вопросу придавалось большое значение, также как и хищениям социалистической собственности, борьбе с пьянством. Краж и убийств в те годы было совсем немного.

Постоянно рассматривались на исполкоме вопросы торговли, образования, культуры. В городе работал универмаг, раймаг, открылись крупные продовольственные магазины. Товаров, на мой взгляд, хватало – и промышленных, и продовольственных – были бы деньги. Действительно, продавалось только 2 сорта колбасы. Сосиски и сардельки появлялись редко, но мы как-то и не жалели об этом. Зато молочных продуктов было вдоволь, работал свой бокситогорский молокозавод, руководил там Сергей Иванович Елецкий. Каждую весну рассматривали вопросы по летней оздоровительной работе с детьми, добивались ясности по каждому школьнику – кто и где будет находиться. Глиноземный завод имел свой пионерлагерь в деревне Астрача на берегу Тихвинки. Совсем за небольшую цену туда продавались путевки и для детей рабочих, и для всех желающих. Торфозавод имел стационарный детский лагерь в деревне Галично. Развертывались постоянные базы отдыха детей, а также временные, в сельских школах. Лагерь для трудновоспитуемых подростков не организовывали, просто в 60-е годы в этом еще не было нужды. На лето принимался план ремонта школ, распределялись деньги, определялись

подрядчики. Также и по объектам культуры – клубам, библиотекам, киноустановкам на селе, хотя денег сюда выделялось меньше. Я как раз и контролировал выполнение принятых решений по этим направлениям. Ремонт школ к учебному году иногда шел непросто, так что работы хватало.

Важной частью работы исполкома было распределение жилплощади.

Не строительство, а именно распределение. Строилось все исправно, деньги выделялись нормально. В 60-е годы весь Бокситогорск поразительно изменился. Расширился глиноземный завод, появились сотни тысяч квадратных метров жилья, несколько школ, кинотеатр, много объектов на селе. Все это построило СУ-4, строительное управление тридцатого стройтреста. Возглавлял его Григорий Иванович Чаплыгин, а затем – заслуженный строитель России, орденосец Вячеслав Павлович Галковский. Сам горсовет строил немного, деньги ему, особенно на жилье, выделялись скудно. Однако, совет исправно получал «исполкомовскую десятину», то есть 10 процентов от жилья, вводимого в строй глиноземным заводом и другими предприятиями.

Распределению жилплощади на Исполкоме предшествовали длительные и скрупулезные рассмотрения с руководителями, с профсоюзными комитетами. Много бесед проводилось с претендентами на квартиры. Хождения по инстанциям граждан тоже имели место. Однако, жилищный вопрос в городе никогда остро не стоял, и жителей, вопреки крылатой фразе классика, не испортил. Учителя, врачи, другие работники получали квартиры практически в течение года. Завод имел свой жилищно-коммунальный отдел, завком – свою очередь, и тоже исправно обеспечивал крышей над головой. Общий список на получение квартир по любому объекту перед утверждением на исполкоме рассматривался и в райкоме партии. Считаю, что это было правильно. Никогда не было грубых ошибок, жалоб, разбирательств вышестоящих или судебных органов. И, боже упаси, никаких взяток или подачек, с этим было совсем строго. Мы и не знали, что такое взятки, представляли о них по произведениям классиков литературы. В райком и исполком подбирались бескорыстные, честные, трезвые люди. Не помню ни одного случая использования служебного положения в личных целях какими-либо представителями нашей местной власти.

Председателем Исполкома в то время был Иван Михайлович Цюрин – энергичный, добросовестный работник. До этого он занимал пост второго секретаря райкома партии. Кроме меня зампредом года четыре отработал заводской инженер Владимир Леонтьевич Тимонич – скрупулезный и честный трудяга. К сожалению, пристрастился он к бутылке и исполком вынужден был с ним расстаться. Вообще, по моим наблюдениям, выпивки стали устраиваться всё чаще и чаще. Поводом служили всякие конференции, сессии, сдачи в строй объектов, не говоря уж о юбилеях и чествованиях. Немудрено, что некоторые

слабые характером работники просто спивались. Директор подсобного хозяйства Михайленков после одной такой выпивки в конце сессии райовета сел за руль газика и разбился на Долгом болоте за поселком Сомино. Спился и умер Михаил Алексеевич Кашин – прекрасный учитель, краевед. Не каждый мог противостоять «зеленому змию».

Распределение жилплощади не входило в мои компетенцию. Я этим не занимался, но как член исполкома, находился в курсе дел, поскольку голосовал по всем вопросам. Кроме того, я замещал председателя в его отсутствие, вел прием граждан, давал разрешения на прописку. Однажды прописал работницу госбанка в освободившуюся однокомнатную квартиру – временно, на 6 месяцев. И, оказалось, правильно сделал, что не надолго прописал. Дрогнуло у меня сердце, когда она вошла в кабинет на костылях (была инвалидом). Прописывать без очереди я не имел права, и за это милосердие отругал меня первый секретарь райкома. Получил я хороший урок, да и вообще работа в райкоме и в исполкоме научила быть осторожным.

Больших хлопот с содержанием города, отоплением Райсовет не имел. Все делал Глиноземный завод. На заводе исправно работала своя ТЭЦ, никаких перебоев с топливом, имелась своя ремонтная служба. Жил город как у Христа за пазухой. Проблем с мусором, свалками не возникало. Этот вопрос и не стоял тогда, в городе и во дворах всегда чисто. Откровенно говоря, я, работник райсовета, даже не знал, где находилась городская свалка – настолько мало вывозили мусора. В основном потому, что народу и мусорить было нечем: никаких пакетов, сумок, пластиковых бутылок, бумаги, картона. Дверей, рам, мебели никто не выбрасывал. Квартиры не ремонтировали, иногда ограничивались легкой побелкой. Стеклянные бутылки сразу сдавали – на пустую бутылку можно было купить батон. Пищевые отходы собирались и увозились, никто туда не бросал посторонних предметов. Оберточную бумагу не выбрасывали, поскольку она и в магазинах-то использовалась не всегда. Газеты и картон нигде не валялись, пионеры все сдавали в макулатуру. Газоны автомобили не разбивали, поскольку на весь Бокситогорск имелось 3-4 персональных авто. Зато почти в каждом дворе играли в волейбол, шахматы, шашки. В нашем дворе на Садовой-9 вечером всегда было шумно, общались на улице. Кто играл, кто смотрел, все знали друг друга.

Есть, значит, у цивилизации обратная сторона. Меньше ее – так чище на улицах. Теперь вот даже в Пушкине, в знаменитых царскосельских парках – Александровском, Баболовском, Нижнем – сваливают мусор. Нет свалок только в Екатерининском, где сплошные железные заборы и пропускной режим. И все равно, посидит группа молодежи, так бросит гору хлама и сдвинутые сломанные скамейки. А в 60-е годы на футбол на бокситогорский стадион собирались 4 тысячи человек и ничего не оставляли после себя, разве что единичные пустые пачки из-под «Беломорканала». Может, так от бедности было? Теперь же все богатые, вот и мусорят.

Запомнился день снятия с поста генсека Хрущева – 14 октября 1964 года.

Пленум ЦК состоялся днем, а уже на 18 часов вечера в Ленинградском обкоме собрали весь партийно-хозяйственный актив города и области, первых секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Председатель наш был в отпуске, я замещал его и потому присутствовал. В тот день по служебным делам находился я в Тихвине, мне позвонили в 14 часов, за мной заехал секретарь райкома Корсаков, и мы часа за три домчались до Смольного. Тут же, минут через 10, началось заседание. Помнится, обстановка была какой-то таинственной. Все здоровались между собой, перешептывались, шагая по коридорам Смольного – в чем дело, почему такая спешка? Быстро все прояснилось: Пленум ЦК КПСС освободил Хрущева Н.С. от должности первого секретаря и других постов. Пленум обкома безусловно одобрил решения ЦК. Выступили немногие, настроение у всех было приподнятое, оживленное. В кулуарах говорили, что Хрущев всем надоел своими шараханьями, единоличным правлением. Точную формулировку постановления ЦК не помню, но там звучали слова о завале работы (за 10-то лет!), о волонтаризме в решении ряда вопросов, о культе личности. Какой, однако думалось культ, если Хрущев сам разоблачал Сталина на XX съезде?

Лично для меня тот съезд прошел незамеченным. Я служил в армии, газет у нас не водилось, радио, телевидения тоже. Политрук на подобные темы бесед не проводил, только о «несокрушимой и легендарной». Поэтому о разоблаченном культе я узнал лишь через два года, готовясь к экзаменам в институт, и позже – уже подробно – работая в райкоме КПСС. Мне всегда казалось и кажется невероятным, как окружение Сталина терпело такого тирана. Погубил тысячи, миллионы людей, все видели, молча взирали и еще помогали в этом. Особенно поразило, что Сталин репрессировал и посадил жен своих ближайших соратников – Молотова, Калинина. И они ведь все проглотили. Что за глобальная трусость, откуда рабский страх перед этим палачом? Где же русский характер, самопожертвование? На войне-то проявились эти качества, значит были они в людях. А здесь все поголовно оказались ослеплены. Как, чем, почему? Конечно, не отнимешь, был у Сталина талант волну поднимать и страх нагонять, особенно на начальников всех рангов. Этим и заставлял их работать, иногда выше человеческих сил. Эх, хорошо рассуждать, когда все позади.

Хрущеву окружение тоже ни в чем не перечило – делай, что хочешь. И все под газетную трескотню о коллегиальности в управлении, о сплоченности в ЦК, о единодушии во мнениях. Хотя и Хрущеву нужно отдать должное за активность и натиск, с какой он стал сельское хозяйство поднимать. За промышленность, за науку, за целину, за прорыв в космос, да и за демократизацию общества. При нем началась реабилитация незаконно

репрессированных, при нем мы прочитали Солженицина: «Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича». Правда, далеко Хрущев не пошел, особенно в экономике. Здесь либерализации вообще не произошло. Были, конечно, и ошибки, шараханья, но это все можно простить. А вот не простится никогда присоединение Крыма к Украине, кусков Курганской, Омской областей к Казахстану. И опять вопрос: а где же коллегиальность, мнение соратников, членов ЦК и Верховного Совета? Почему все молчали? Думали, так всегда было и будет? Подобострастие, лесть, страх за кресло, видимо, всегда брали верх. Это же не какой-то район из области в область передать. Это же Крым на Черном море, важнейший стратегический пункт за который русский народ воевал 100 лет. И на тебе, никто и не пикнул. Через полвека Ельцин довершил начатый развал страны – и опять та же картина. Как-то не везло стране ни на высших руководителей, ни на их окружение. Брежнев неплохо поруководил лет 10, потом устарел, и все пошло по нисходящей. Тоже культ свой создал, все в рот смотрели. Горбачев с Ельциным вообще не знали, что со страной делать, таких дров наломали. Может хоть с нынешним президентом повезет народу. Кажется, он не только молодой и энергичный руководитель, но и разумный человек.

Новый генсек – Брежнев – начал очень активно. Партия и народ поддерживали его. Был в то время у всех нас какой-то подъем, трудовой энтузиазм, и не на словах, а на деле. Все развивалось, страна крепла, жизнь улучшалась. Правда про близкий коммунизм с приходом Брежнева перестали говорить. На партийных активах, сессиях райсовета, в лекциях (я тоже с ними регулярно выступал) всегда назывались цифры роста в стране производства стали, чугуна, нефти, машин. Все в миллионах тонн и штук, прирост к 1913 году назывался в десятки раз. Это было действительно впечатляюще. Правда, все как-то в отрыве от действительных потребностей людей, от их благосостояния, от качества жизни. Призывы делались «вперед к коммунизму», «все для будущих поколений», а реально живущие конкретные люди вспоминались редко.

В 1965 году мы активно готовились к двадцатилетию Победы.

Ранее праздник Победы в Великой Отечественной войне отмечался очень скромно. А к круглой дате в нашем районе в деревне Астрача создавался мемориал памяти погибшим воинам. Там проходила линия обороны советских войск в 1941 году. Дальше этого рубежа немцы уже не прошли. Тихвин, как известно, находился под немцами один месяц, но уже в декабре 1941 года был освобожден. В Астраче перезахоронили останки красноармейцев, умерших в бокситогорских госпиталях. На мемориале поставили памятник воину-освободителю, в доме напротив оборудовали музей славы. В музее славы есть данные на хорошо мне известного молодого командира Николая Андреевича Моисеенко, кавалера ордена Александра Невского, освобождавшего Тихвин в

1941 году. Николай Андреевич ушел добровольцем на фронт с третьего курса Ленинградского государственного Университета. После войны, закончив университет и аспирантуру, 40 лет проработал в этом вузе на различных должностях, в том числе и деканом Экономического факультета – доктор наук, профессор.

Немало пришлось приложить усилий райкому и исполкому. Хорошо, что главную материальную нагрузку принял на себя глиноземный завод. Руководил им около 20 лет талантливый организатор Борис Михайлович Максименко. Секретарем парткома длительное время работал герой Советского Союза Василий Егорович Стукалов, председателем завкома – Евгений Петрович Семенов, затем Константин Иванович Вершаль. Большой вклад в подготовку к двадцатилетию Победы внесли участники войны – Павел Матвеевич Лебедев (второй секретарь райкома), Николай Николаевич Гаврилов (начальник штаба гражданской обороны), Макарий Павлович Киселев (военком района), Анатолий Васильевич Зимин (бывший контрразведчик, подполковник в отставке). Эти люди ходили в праздничные дни в форме, при орденах. Для нашего сугубо гражданского городка, где нет ни одной воинской части, это было значительно, вызывало у жителей уважение и гордость.

Праздник 9 мая 1965 года у астрачинского мемориала прошел очень торжественно, при большом скоплении народа. На автобусах прибыли делегации от предприятий Бокситогорска, Пикалево, соседнего Тихвина. Участникам войны в то время было по 40-50 лет, никто еще их ветеранами и не называл. Повоевало практически все мужское население этого возраста. День, помнится, стоял теплый, солнечный. В программу входил митинг, возложение венков, массовое гулянье на берегу реки Тихвинки, а также незамысловатая торговля водкой, лимонадом и бутербродами с автолавок. С 1965 года день Победы был объявлен праздничным и стал проводится ежегодно. А мемориал расширялся, благоустраивался, на плитах появлялись новые имена погибших воинов. Удалось увековечить память о двух партизанских отрядах, действовавших в 1941-м в тихвинских лесах под командованием директора торфозавода Воронина. Мемориал стоит до сих пор, и когда мы едем из Питера в Бокситогорск на автобусе или на машине, всегда обращаем на него внимание. Иногда остановимся, обойдем вокруг, поклонимся павшим.

В Бокситогорском районе за время войны три человека получили звание Героя Советского Союза – Волков, Завьялов, Стукалов. А Никандров со станции Заборье стал кавалером трех орденов Славы. С Василием Егоровичем Стукаловым мы были очень дружны. Он мне рассказывал, что получил Героя в 20 лет при форсировании Днепра в районе Киева в 44-м году. Вокруг реки шли упорнейшие бои, несколько раз немцы сбрасывали с берега наши атакующие подразделения. Группа советских бойцов зацепилась на правом берегу под нависшим песком и продержалась там сутки, пока наступавшие

части не отбросили немцев. Всей оставшейся в живых пятерке присвоили звание Героев Советского Союза.

Вообще, в те 60-е годы в Бокситогорске немало работало настоящих героев, отмеченных правительственными наградами. Десятки людей стали почетными гражданами города. О некоторых из них я уже упоминал. Орденами Ленина отмечен труд прекрасной учительницы, проработавшей полвека в бокситогорской средней Школе №1 Татьяны Ивановны Поликарповой. Среди награжденных следует отметить рабочих Сумерина, Трудова, Садкова, маляра строительного управления Екатерину Николаевну Сергееву. В книгу почетных граждан города занесены врачи Ремезов, Николаева, Агеенко, библиотекарь Елизавета Петровна Муравьева, учителя Перкас, Маврычева. Кстати, Евгений Маркович Агеенко, заслуженный врач РСФСР, и сейчас в строю – около четверти века возглавляет госпиталь ветеранов войны в Санкт-Петербурге на улице Народной.

Культурная жизнь Бокситогорска

Центром культурной жизни города был Дворец Культуры.

Это монументальное здание с колоннами было выстроено глиноземным заводом и находилось в центре города. Во Дворце имелся великолепный зрительный зал на 500 мест со сценой, второй зал на 250 мест для совещаний, много помещений для занятий кружков. В этих залах просидел я сотни часов и думаю, что с пользой. Директором дворца в 60-е годы работали Кремнев и затем Черная, трудились там Валя Чумакова, Саша Соколов (крутой аккордеонист), Володя Охочинский (массовик). Его сын Юрий Охочинский в 80-х годах стал певцом, мастером питерской эстрады.

Сотни детей занимались в кружках пения, танцев, рукоделия. Мой сын, пятиклассник Андрюша, окончил фотокружок, научился хорошо фотографировать. Первым его фотоаппаратом была простенькая «Смена-8М», купленная в местном магазине за 12 рублей (заметные деньги по тем временам), а уж потом – подаренный к совершеннолетию почти профессиональный «Зенит-Е».

При дворце культуры имелаась капелла – хоровое пение без музыкального сопровождения. Руководила ей директор музыкальной школы Галина Николаевна Цхомелидзе. Талантливый музыкант, работала на общественных началах, как и все тогда. Года три ходил в эту капеллу и я. Галина Николаевна считала, что у меня есть какой-никакой музыкальный слух и голос (баритон). Занятия проходили, естественно, вечером, после работы. В капеллу ходили человек тридцать. Из мужчин помню Толю Тараканова, Володю Бывалина,

Юру Розенфельда. Капелла среди самодеятельных коллективов области считалась высокохудожественной, профессиональной. Тогда часто организовывались смотры, конкурсы, велась подготовка к пятидесятилетнему юбилею страны. На смотрах 1966-67 годов наша капелла выступала даже на ленинградских сценах: в Кировском (Мариинском) театре, в Академической Капелле имени Глинки, в ДК Железнодорожников на Тамбовской улице. Исполняли песни Серафима Туликова о Ленинграде и много других. Пели даже на слова из поэмы А. Блока «Двенадцать»: «Боевые лошади уносили нас...». Когда в 1968 году родился второй сын Алеша, жена моя Евгения сказала так: «Хватит ходить в капеллу, в свободное время занимайся с детьми». Слово жены – закон, в дальнейшем я пел «а-капелло» только за столом.

После демонстрации 7 Ноября и 1 Мая обычно собирались мы у нас в Бокситогорске на праздничное застолье – мои родители Антон Платонович и Мария Степановна, родители жены Михаил Федорович и Ольга Михайловна, иногда братья с женами и без – Петя, Толя, реже Александр. Приходила сестра жены Людмила с мужем Володей. Вот тут-то и пели хором русские народные песни. Телевизор еще не отвлекал, появился он в 1967 году. Выпивали немного, напиваться в нашей семье и у родственников было не принято. А ведь встречались мне и совсем другие люди: позднее, на закрепленной машине работал водитель Гена, который после работы любил иногда употребить, как он выражался, «до поросычьего визгу». После этого утром я не позволял в приближаться к себе ближе пяти шагов, так несло перегаром. Однажды, помню, входит Гена, а от него аж за десять шагов витают алкогольные пары. Спрашиваю, что вчера отмечал? Он отвечает, что справляли день рождения жены, собрались три пары – трое мужиков с женами – и выпили 6 бутылок водки, а потом еще трехлитровую банку спирта. Это же какое здоровье надо иметь медвежье, подумалось мне. Вот, думаю, их бы траншею-то копать в нашем колхозишке в 42-м году.

Ходили и мы в гости – к свояченице и ее тестю Дмитрию Васильевичу, ездили к родителям, к братьям. Жены братьев – Антонина Андреевна, Валентина Семеновна, Жанна Леонидовна – очень хлебосольны, всегда радушно принимали и принимают гостей.

Во Дворце Культуры посещали мы с Женей концерты, торжественные собрания. В 60-е годы у нас нередко выступали известные артисты из Ленинграда: Эдита Пьеха с ансамблем «Дружба», Эдуард Хиль, Василий Соловьев-Седой, Леонид Утесов, Татьяна Самойлова и другие.

В начале 60-х выстроили в Бокситогорске новенький кинотеатр «Спутник».

Мы часто посещали его, особенно последний сеанс в 22 часа. Нередко моя женушка, намаявшись за день, там и засыпала. Работала она главной медсестрой больницы, да и семья росла – сначала двое, а затем трое мужиков

требовали ее заботы. Смотрели мы самые разнообразные фильмы – о войне, об исторических событиях, о трудовых подвигах. Много лент снималось по произведениям классиков литературы – Пушкина, Лермонтова, Чехова, Толстого. Кино было мощным средством пропаганды, воспитывало у людей гуманизм, трудолюбие, доброту, любовь к Родине. Много прекрасных лент создавалось на «Мосфильме», «Ленфильме», в Киеве, Одессе, Свердловске. Да, некоторые фильмы сняты наивно, всегда с хорошим концом, где добро побеждает зло. А людям это и нравилось, народ валом валил в кино. В нашем кинотеатре ленты крутили по 3-4 дня, и на всех сеансах зал был набит битком. И так пока не посмотрит весь город. Если заранее не возьмешь билет – не попадешь. Цена доступна всем – 30-40 копеек, а детям и вообще 5-10. Тут уж нельзя не согласиться с вождем: «Из всех искусств для нас (в 60-е годы в Бокситогорске) важнейшим является кино».

Зарубежные картины покупались только высокохудожественные, победители конкурсов. В кино в те годы не показывали сцен насилия, крови, похищений. Хотя помню фильм «Вождь краснокожих» о похищении ребенка. Но это фильм-шедевр, сплошной юмор. Питерский комик Смирнов в нем просто неподражаем. Мы смотрели «Вождя» в деревне с женой, с тещей, с соседкой бабой Любой Дребенец, с тетей Марусей Васьковой, и все покатывались со смеху. Фильм добрый, шуточный. Современный фильм о похищении детей вызовет, пожалуй, только злобу, расстройство и бессонницу. Помнится добрый и приятный фильм о подростке «Семь нянек» Ролана Быкова, лента о войне 1812 года «Гусарская баллада», «Я шагаю по Москве». Все фильмы не опишешь, их сотни создано в 60-е годы, и много среди них оказалось шедевров киноискусства.

Одним из приоритетов в 60-е годы считалось выполнение всеобщего. Эти вопросы неоднократно заслушивались на исполкоме. Всеобщее было моим профильным вопросом. Доходили мы до каждого ученика. Если ребенок оставался без родителей, если семья была многодетной или малообеспеченной, если люди жили в отдаленных точках района – таких детей брали в школы-интернаты на полное государственное обеспечение, с постоянным проживанием. Подобные школы существовали по всему району, а в Бокситогорске и Пикалево их было даже по две. Советское государство несло эти расходы ради детей.

Всего в городе работало три средние школы, две школы-интерната и школа рабочей молодежи. Одно время в начале 60-х дети занимались даже во вторую смену, классами по 40 человек. Заполнялась до отказа и школа рабочей молодежи. Сын Андрюша за эти годы ходил и в ясли, и в садик, а затем пошел в Школу №3. В начальных классах учился он у прекрасного педагога Александры Тимофеевны Тихоновой, которая отдавала ребятам, как говорят, всю душу.

Большое внимание уделялось физкультуре и спорту.

В школах, техникумах, трудовых коллективах сдавались нормы ГТО («готов к труду и обороне»), выдавались значки. Уложиться в нормативы по комплексу дисциплин – бегу на 100 метров и на 1 км, прыжкам, метанию мяча и гранаты, лыжам и прочему – а затем получить и носить значок считалось престижным (скажем, как сейчас с мобильником на шее и бутылкой пива в руке). Тогда молодежь готовилась не к массовому потреблению, а к труду, обороне и здоровой жизни. Никто из молодых людей и не мыслил себя вне пионерской и затем комсомольской организации. Пионерские линейки, песни, атрибутика, маршировка под барабан – все ребята веселые, подтянутые, и родителям радостно на них смотреть. Какое тут поприще свободы молодой личности! Наш сын Андрюша тоже маршировал в пионерах с барабаном, и даже пару раз ездил в пионерлагерь в Астраче.

Комсомольская организация, кстати, объединяла всю учащуюся и трудовую молодежь, работала в каждом коллективе. Райком комсомола являлся в городе такой же важной структурой, как райком партии и Исполком райсовета. Он имел небольшой штат – около 10 человек, но запомнился как деятельный, работоспособный орган. Его работников всегда можно было встретить то в совхозах, то на предприятиях нашего огромного района, причем без транспорта, имелся лишь какой-то мотоцикл. Вспоминаю комсомольских секретарей – Валеру Голубева и Галю Ханевскую. Галина, кстати тоже выпускница педучилища, позже стала секретарем райкома партии в Тихвине. Окончила Высшую партийную школу и в 80-е годы работала в Ленинградском Обкоме КПСС.

Многие жители Бокситогорска в то время бегали трусцой. Начали работник военкомата Воробьев и инженер-архитектор Ефимихин, с ними немного побегал и я. А врач Русманов и преподаватель физкультуры Давыдов выросли из «трусцы» в настоящих марафонцев, участвовали в кроссах, пробегах в Ленинграде, Киришах, Пушкине. Молодая чета Мухачевых занималась бегом и лыжами профессионально. Мухачева позднее стала олимпийской чемпионкой по лыжам в эстафете.

Лыжи были самым массовым зимним увлечением горожан. Прямо от дома становились на лыжню и летели в парк, где много прекрасных горок. Любители дальних походов шли по прекрасным живописным местам до деревни Задорье. Дистанция около 9 километров, туда и обратно 18, хорошая разминка. Ходил туда даже мой Андрюша в возрасте 8-10 лет. В Задорье стояло два десятка добротных, но заброшенных домов. Все их жители работали в Бокситогорске и переселились в квартиры. Мы, бывало, снимали лыжи, заходили в первый попавшийся дом (не закрывали их тогда), грели чай из черемуховых веток, отдыхали и двигались в обратный путь. Позднее, в 90-е годы, осатаневшая молодежь сожгла эти дома дотла. Иногда совершали и более дальние лыжные походы – от Задорья проходили еще километров шесть

до Дороховой. А знаменитый бокситогорский лыжник Вася Мальцев сотоварищи уходил по лыжне до озера Нунгоша – полсотни километров туда и обратно. Такого заряда бодрости хватало ему на всю неделю. А работал он профсоюзным лидером на тихвинском филиале Кировского завода и 25 лет подряд ездил в Тихвин на автобусе.

Зимой заливались катки, многие катались, на городском стадионе – даже под музыку, мы тоже иногда ходили. А пикалевский глиноземный завод построил типовой плавательный бассейн. Поплывать зимой в 60-е годы было редкостью и для более крупных городов. Спортзалы на стадионах и при школах тоже не пустовали. Особенно популярны были зимний волейбол и баскетбол. По этим видам проводились соревнования между городами-соседями. В общем, спортивная жизнь в городе бурлила круглый год, в нее вовлекалось подавляющее большинство молодежи. Причем, важен был не результат, важно участие.

Главным спортивным центром в Бокситогорске был стадион «Металлург» глиноземного завода, который и содержал его. Отличное футбольное поле, беговые дорожки, сектора для прыжков, площадки для волейбола и баскетбола, типовой теннисный корт, зимний спортзал – все по полной программе. Жизнь на стадионе постоянно кипела, работали спортивные секции, в выходные дни проходили соревнования между коллективами или городами, причем всегда присутствовали зрители. Однако, главные события на стадионе разворачивались, конечно, во время футбольных матчей.

Футбол следует отметить особо.

Этот вид спорта в Бокситогорске стал для горожан частью жизни. Футболом интересовалось большинство населения, на матчи собирались жители «от мала до велика». Стадион вмещал 4 тысячи человек и частенько заполнялся до отказа. С учетом того, что всего в городе проживало около 20 тысяч, на футбол ходил каждый пятый. Бокситогорскую команду «Металлург» содержал глиноземный завод. Команда была классная, много раз выигрывала первенство и кубок области. Игроки «Металлурга» считались не профессионалами, а любителями. Хотя на самом деле все футболисты оформлялись на рабочих должностях по цехам и рудникам, получали там зарплату, а играли и тренировались практически круглый год. При финансовых проверках на это закрывались глаза. В 60-е годы футбольную команду тренировал выпускник института физкультуры Борис Гуськов – очень способный, старательный наставник, воспитавший целую группу способных футболистов. Вместе с Гуськовым приехали в Бокситогорск и долго играли в нашем городе Дмитрий Фисенко и Николай Лимонов.

Футболисты «Металлурга» были настоящими кумирами горожан – Олег Храбровский, Сергей Арсентьев, Анатолий Николаев, Геннадий Белкин,

Евгений Цветков, Георгий Радовский, Станислав Говоров, Анатолий Романов. С Радовским и Цветковым, кстати, я вместе служил в армии, они уже там начинали играть. У завода была и вторая команда, настоящая любительская. Там футболисты работали, а играли в свободное время. В этой команде участвовали хорошо известные мне ребята – вратарь Володя Труфанов, поработавший в райкоме партии и позже много лет в жилищно-коммунальной сфере. А защитником и вообще играл Володя Дьячков, мой свояк (муж женой сестры), квалифицированный заводской электрик из корундового цеха.

Однажды в конце 60-х в Бокситогорск приехала футбольная команда из Финляндии, от какого-то рабочего коллектива. Огромное событие – первый международный матч! Это было нечто. Разумеется, собрался целый стадион народу, несмотря на дождь. И бокситогорцы выиграли с разгромным счетом 5:0! Затем устроили дружеский обед обеих команд в столовой. С водочкой, естественно. А вот тут финны уже не уступили нашим. Также как и в последовавших песнях и танцах. Футболист Жора Родовский сыграл на аккордеоне финскую песенку «Рула ты руда». Я от Исполкома вручил подарок гостям – фотоаппарат «ФЭД» («Феликс Эдмундович Дзержинский»), в знак дружбы с соседями. В общем, международная встреча завершилась очень весело.

Побывал в нашем городке и ленинградский «Зенит», сыграл вничью, тоже победила дружба.

В 1965 году футболисты бокситогорского «Металлурга» завоевали кубок РСФСР среди трудовых коллективов физической культуры. Финал разыграли в нашем городе в конце октября. Сражались команды «Труд» из Фрязино Московской области, «Луч» из Владивостока, челябинский «Факел» и наш «Металлург». И наши выиграли в финале у «Труда»! Завоевали почетный трофей, который вручал команде я, как председатель Оргкомитета по проведению финального турнира. Это был настоящий праздник всех жителей города, не только болельщиков.

Принципиальными футбольными баталиями для нашей команды были встречи с соседями – тихвинской «Звездой», пикалевским и волховским «Металлургами» (все работали в алюминиевой промышленности, как и мы). Болельщики выезжали в эти города поддержать свою команду. Раза три ездил и я, но бокситогорцы в этих случаях всегда проигрывали. Помню, отправились в Пикалево с Толей Таракановым – проиграли кубок. Находясь в Питере на учебе доехал я до Ломоносова, где наши опять уступили. На служебной машине с водителем Лешей Балабановым и начальником райфинотдела Михаилом Семеновичем Калининым выбрались на футбол в Тихвин, навестили его отца, подзакусили, доехали до стадиона – и опять неудача. Мяч круглый, не всегда фортуна бывала на нашей стороне.

В середине июня 67 года побывали мы в Таллине.

Всей семьей – я, жена и Андрюша – с группой в 20 человек отправились в столицу соседней Эстонии в двухдневную туристическую поездку. Первую ночь с пятницы на субботу ночевали в автобусе, а больше слонялись около него. Стояло лето, правда, холодное, еще только расцвела сирень. Со вторым ночлегом вышла небольшая промашка. Организатор Шальнов из орготдела не продумал, не позвонил в турбюро, не заказал ночлег. Приехали мы на ПАЗике в Таллин, а мест в гостинице не оказалось, и нас отправили за 70 км в живописное местечко, базу отдыха «Пять озер». Спали на полу, но остались довольны, поскольку были здоровы и молоды. Утром уехали в Таллин, где пробыли целый день. Очень запомнился этот уютный, чистенький городок, его узкие улочки в центре, две башни средневековой архитектуры – «Длинный Герман» и «Голстая Маргарита». Вкусно пообедали, походили по магазинам и двинулись в обратный путь. Когда ехали по Эстонии, запомнилось, что крупных деревень, сёл у них нет – все хутора по 2-3 домика. Но везде ухожено, садики с сиренью, на обочинах никакого хлама, чертополоха, бесхозных домов, развалюх. Устали в автобусе (1200 км за 2 дня), но впечатлений получили массу, посмотрели Прибалтику, побыли в недомашней, туристической обстановке. Поздно ночью прибыли домой.

Многие жители, и мы в том числе, постоянно посещали библиотеку, поскольку своих книг еще не скопилось. Постепенно начали их приобретать в местном книжном магазине, а также на различных конференциях, собраниях, сессиях райсовета, облсовете, где развешивалась книготорговля. Стоили книги в то время недорого – от рубля до трех. Сначала покупали что попадет, а позже перешли на сочинения классиков. За несколько лет приобрели сборники Пушкина, Чехова, Лермонтова, Достоевского, Шолохова. В 60-е годы чаще выходили не полные собрания тех или иных авторов, а однотомники с основными произведениями. Купили мы Горького, Некрасова, Толстого, Тургенева, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Маяковского. Приобрели великолепный двухтомник «Путешествие в страну поэзии». Так и скопилась небольшая личная библиотека. Кроме того, выписывали газету и художественные журналы. Подписались на Большую Советскую Энциклопедию, различные словари. Сыновья – Андрюша и Алеша – полюбили чтение. Думаю, это имеет огромное значение в воспитании и развитии детей. Семья, литература, школа – вот три кита тогдашнего воспитания. Не было еще телевидения, тем более компьютерных игр, интернета. Зато младший сын Алеша настолько увлекся литературой по географии, что сохранил эту страсть до сих пор, и став взрослым считает лучшим чтивом атласы, карты, журналы «Вокруг Света» и «Следопыт».

Население Бокситогорска в большинстве своем составляли русские.

В 1935 году, когда начал строиться завод и город, сюда приехали рабочие из других областей и республик, специалисты горного дела, инженеры из Ленинграда. Украинцы, белорусы, татары, евреи – Цейтлин, Вовчик, Родбель, Певзнер, Розенфельд – были прекрасными руководителями отделов и служб завода. Позин, Трахтенберг, Гольберг, Першин – уважаемые, квалифицированные врачи. Больше всего прибыло татар. За десятилетия все ассимилировались, растворились, переженились с русскими и никогда не возникало какого-то там национального вопроса.

В детстве, помню, во время войны в нашу Глину приезжал тряпичник-татарин на телеге, собирал старое тряпье. Да какое у нас тряпье – сами в нем ходили. Сейчас бы тот татарин с одной только свалки у нашего двора набрал бы телегу тряпок, одел и обул бы всю свою родню. А тогда привез он иголки, нитки, гребни – женщинам вшей чесать из головы. Где он это брал – не знаю, но его ждали. Останавливался он у нашего соседа Коли Широкова. Иголки с нитками у татарина брали за продукты. Несли ему молоко, яички, у кого что есть. Мы, пацаны, этому татарину такую дразнилку кричали:

Сидел на пню, хлебал репню
Прибежал татарин, по уху ударил
Я его за грудь, потащил на суд
Суд-судья, рассуди наши дела
Какие ваши дела?
Да сидел на пню, хлебал репню
Прибежал татарин – по уху ударил...

И так по кругу. Татарин не обижался, только смеялся, показывая полупустой рот.

Помнится, нередко приезжали на одной-двух повозках цыгане. Их встречали не очень дружелюбно – выпрашивали они хлеб, обманывали, воровали. Впереди лошадей шли молодые цыганки и быстро шастали в избы, бежали во двор, чтобы жители не успели запереть двери. Пристанут, настырные, «как г-вно к лаптю» (дед Прохор так выражался, видать случилось ему оступиться на деревенской дорожке), и всегда что-нибудь выманят, выгадают или просто сопрут. Зимой цыгане останавливались у того же соседа Широкова, летом – в чистом поле. Наша мать ночлежников не любила.

Многие годы в Глине появлялся цыган-одиночка, объяснявшийся жестами Коля-Нема. Высокий, статный чавела лет пятидесяти. Он не попрошайничал, он зарабатывал – кому сапоги починит, кому хомут наладит. Про него рассказывали такую историю. Когда ему было 25 лет, лежал он с молодой цыганкой в распряженной повозке на краю высокой кручи. И кто-то (не ревнивый ли поклонник) столкнул повозку с горы. Повозка – вдребезги, Коля-цыган выжил, да лишился дара речи. С тех пор из табора он ушел, бродил один по селам, где сколько задержится, получил прозвище «Коля-Нема». Был он добрый, работающий, не вороватый. Мы тоже его

дразнили, но шутливо, так что он и не гонял нас.

И вот, уже в середине 60-х столкнулся я с цыганами снова. Как-то пришли несколько мужчин в райсовет и попросили определить их на оседлую жизнь в какой-либо колхоз, поближе к городу. Председатель «Большевика» Георгий Крыжановский охотно взял их в бригаду «Сегла» в 7 км от Бокситогорска. Цыганам выделили добротный дом со всеми деревенскими удобствами: печкой, колодцем, огородом. Да вот беда, работали они в колхозе плохо и мало. Больше ходили по окрестным деревням и в город, занимались своим цыганским ремеслом, а потом и вообще куда-то исчезли – зов крови. Поняли колхозники, что на цыган надежда плохая.

Конечно, брали цыган в деревни не от хорошей жизни – вся своя молодежь разбежалась на стройки. А тут еще колхозникам выдали паспорта, и с рабочей силой в деревне стало совсем туго. Бокситогорск, Пикалево, а с 65 года и Тихвин высосали почти все трудоспособное население из районов, а также из многих сел Вологодской и Новгородской областей. Много молодежи из деревень уехало в Питер. Условия жизни в наших селах начали улучшаться только после 65 года. Появилось жилье, гарантированная зарплата, клубы, механизация труда – да было уже поздно, все уехали. Кое-кто прибывал в совхозы из Вологодской и Архангельской областей, но дефицит рабочей силы в деревне так и не удалось восполнить.

Не было в районе ни одной церкви.

До революции крупные церковные приходы находились в Мозолево, Анисимово, Самойлово, Окулово, Колбеках, Великом Дворе. В 20-е годы их прикрыли, часть церквей разрушили, некоторые приспособили под клубы. Никаких письменных указаний сверху по глумлению над церквями я не видел, псевдореволюционеры на местах это делали сами, от малообразованности и бескультурья. Да и в Конституции (сталинской) записано о свободе вероисповедания, о самостоятельности церкви и отделении ее от государства. Старшее поколение молилось дома, иконы имелись почти у всех. У нас иконы не было, но мать молилась, когда было тяжело – за воевавшего отца, за заболевших детей или скотину, за долгожданный дождь в засуху. Так же поступали и другие жители деревни – старики, женщины. А когда все спокойно, никто Бога не поминал. Не зря же поговорка ходила: «Гром не грянет, мужик не перекрестится».

Мать говорила, что мы, трое братьев родившихся до 1939 года, окрещены. Крестить она возила нас на телеге в Колбеки. Я этого не помню, мне было года четыре. При встречах жители постарше приветствовали друг друга – «Бог помощь», отвечали «помогай Бог». Более набожные люди, особенно когда что-то допечет, ездили помолиться тихвинской Божьей матери. Церковь в Тихвине никогда не закрывалась, действовала все эти годы. Мать тоже вспоминала тихвинскую Божью мать в своих молитвах и ворожбе. А я

вот лишь недавно узнал, что уже 600 лет как существует знаменитая чудотворная икона. В 2004 году после шестидесятилетнего отсутствия лик Божьей матери из США был возвращен в тихвинский собор.

В Бога верили, но не особенно на него надеялись. Помню, старики в деревне говорили: «На Бога надейся, да сам не плошай», «Бог-то Бог, да будь и сам не плох», «До Бога далеко, до неба, высоко». Придет, бывало, в войну человек за милостыней: «Подайте, ради Христа». «Бог подаст», – отвечали. На все трудные вопросы у Бога был ответ. «А Бог его знает», – сказал, и жить легче, нечего голову ломать.

В Бокситогорске, в новом нашем городе, люди жили молодые, о Боге как-то и не вспоминали. Я заведовал идеологическим отделом райкома, да и в исполкоме тесно был связан с воспитанием и образованием населения. И ведь никогда этим вопросом мы не занимались, не обсуждали, никакой антирелигиозной пропаганды не вели. Не было религии, не было и атеизма. Хотя в области где-то возникали эти проблемы, печаталось о них в газетах. У нас же никого из коммунистов или комсомольцев никогда не осуждали за то, что в церковь ходили или детей крестили. Сект тоже не водилось. В 1964 году, когда Ефимовский район присоединили к нам, появилась действующая церковь в поселке Сомино. Я бывал в ней. Старики молились из окрестных деревень, никто им и священнику никаких препятствий не чинил. И местная власть, и районная тоже с церковью уживались нормально.

В начале 90-х в Бокситогорске в кинотеатре «Спутник», который ломился от кинозрителей тридцать лет назад, открыли церковь – церковных же зданий в городе нет. Сейчас строится небольшая деревянная часовня около стадиона. Раз появились верующие, хотят люди в церковь ходить – пусть ходят, пусть верят. Вера – личное дело каждого. А где молиться – в церкви или дома – не важно. Главное не препятствовать и не навязывать ничего. Иначе будет как в народной поговорке: «Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб расшибет». А как народ говорит, так и есть: «Глас народа – глас Божий». Такова моя позиция.

Церковь призывает людей к послушанию, терпению, труду, нравственности. Это же веками выстраданная народом мораль, этика, идеология. Где-то в подсознании такие мысли посещали меня и раньше – когда в райкоме работал, когда историю в институте штудировал. Только вот вслух такие мысли тогда не произносили. Религия – плохо, атеизм – хорошо, линию партии сомнению не подвергали. Сейчас, когда есть возможность и время в эту проблему вникнуть, пришел я к выводу, что какая-то высшая сила, сверхразум, творец всего мироздания – существует. Именно это я вкладываю в понятие Бог. Поражает бесконечность вселенной. Даже галактика, оказывается, не одна, а существует их множество. До туманности Андромеды 220 тысяч световых лет, представить немислимо. Ну как это все сотворилось? А появление человека? Может и произошли мы от обезьяны, ну а сознание, разум – кто этим наделил?

Что-то в последние тысячелетия обезьяна в человека не превращается. Найденные остатки кроманьонца и неандертальца, возрастом в несколько десятков тысяч лет, принадлежат все же человеку. Среднее звено между обезьяной и человеком – что-то человекоподобное – отсутствует, нет данных раскопок и письменных свидетельств. Без какой-то сверхсилы здесь не обошлось. Много человек познал в окружающем мире, расщепил атомное ядро, но тайны вселенной бесконечны и узнать их до конца невозможно. Даже такой архиученейший человек, как академик-естественник Капица на днях на вопрос корреспондента о вере в Бога ответил как-то уклончиво, двусмысленно: «Я – православный атеист».

В 1967 году советской стране исполнялось пятьдесят лет.

Жизнь в городе текла своим чередом. Совхозы сеяли-пахали, наращивали продажу государству мяса и молока, заводы производили все больше глинозема и цемента, поднимались новые стройки. Трудился и руководящий аппарат района – чиновники, как теперь говорят. А между тем, приближалось очень важное событие в жизни нашего района и всей страны – пятидесятилетие Великой Октябрьской Социалистической Революции, день 7 ноября 1967 года. Градом сыпались постановления ЦК, Обкома, Облсовета по встрече этой даты. Исполком и его работники суетились, как никогда. Проводились сессии и заседания, разрабатывались планы и мероприятия. К 60-летию Советской власти готовились на каждом заводе, в школе, в учреждении. Изготовили массу плакатов, стендов, лозунгов. Трудовые коллективы принимали повышенные обязательства. Меня, правда, смущало это словечко – «повышенные». Почему же сразу не планировали больше? Задания составлялись, вроде бы по науке, так с чего же повышать, когда план уже сверстан. Потому наверное, эти обязательства никто никогда не контролировал, а значит и не выполнял.

Повышенные обязательства были сродни почетным президиумам. На каждом более или менее крупном собрании и конференции избирали президиум из руководителей, знатных граждан, передовиков труда. Это нормально – они там впереди сидели, а все на них, заслуженных, глядели. Так ведь появилась мода избирать почетный президиум во главе с ленинским Политбюро ЦК КПСС. И у меня начала появляться какая-то неловкость, смущение. Думаю, их тут нет, а вроде бы как сидят. Причем всегда объявлялось: «Есть предложение избрать почетный президиум... Слово предоставляется товарищу Иванову». Откуда возникло предложение у Иванова – вдруг, на этом собрании? Да ниоткуда – шепнули ему перед началом и сунули листок с текстом для зачитки. Когда начиналась канитель с почетным президиумом, приходилось наклонять голову, чтоб ненароком не фыркнуть. Оно и понятно – попробуйте-ка представить толпу кремлевских старцев, сидящую у нас на сцене.

Газеты пестрели сообщениями о трудовых достижениях, они действительно впечатляли. В 1967 году промышленной продукции произвели в 73 раза, а сельскохозяйственной – в 3 раза больше, чем в 1913 году. Укреплялось положение СССР на мировой арене, с нами считались все. В стране перешли на пятидневную рабочую неделю. За годы советской власти построили более 2 миллиардов квадратных метров жилья, большинство населения городов улучшили жилищные условия. Изменился облик всего района. Выросли совхозные поселки, Бокситогорск и Пикалево превратились в благоустроенные, чистенькие, уютные городки.

Во всех организациях шли торжественные собрания, подводились итоги. Чествовали передовиков, награждали орденами и медалями. В исполкоме многие руководители после праздников получили благодарности. Наших первых лиц подарками отметили заранее: 6 ноября самолет доставил на аэродром у глиноземного завода небольшой пакет из Смольного, где были часы для первого секретаря райкома партии и транзисторный приемник для председателя райисполкома.

С этого аэродрома, кстати, и я десяток раз летал в областной центр. Садилась у нас небольшие АН-2, или в просторечии «кукурузники». Самолетики активно использовались в совхозах для борьбы с вредителями посевов. Не раз приходилось наблюдать, как летал этот «кукурузник» и над полями картошки и брызгал ядохимикатами. Но поля были небольшие, сноровки у пилотов тоже не хватало, поэтому попадало нередко и в лес, на луга. Кустарник и лиственный лес высыхал от отравы целыми гектарами. Как-то раз метали мы сено в деревне, так всех и обдали с самолета – долго плевались. А картошка росла в километре, до нее не долетело. Но какой-то эффект, видимо, имелся. По крайней мере, колорадских жуков горстями с ботвы собирать не приходилось.

С пассажирского «кукурузника» хорошо было посмотреть на восточные края нашей области. Летишь, помню, двести километров, и кругом, как в той песне, «зеленое море тайги». Хотя, если сказать поточнее, не столько не тайги, сколько непролазных болот – на полпути одни топи. Летели до Ленинграда чуть больше часа, да после посадки из Ржевки добирались до города более 3 часов. На борт брали человек 6-8 и почту. Укачивало ужасно. Немногие летали, а позже полеты прекратились совсем. Начальнички повыше начали ездить в область на служебных машинах, благо дорогу спрямили, заасфальтировали, а траты на бензин никто и не считал – такая мелочь была.

В честь пятидесятилетия СССР традиционная демонстрация прошла в городе особенно торжественно. В праздничных колоннах двигался практически весь город. Мимо трибун тек нескончаемый поток людей. Транспаранты, плакаты, музыка – чувствовалось, что ликовали от души. С трибуны на улице Комсомольской произносились лозунги и люди охотно отзывались криками «Ура!» Не раз крикуном лозунгов с трибуны был и я,

благо голос не подводил. «Да здравствует Коммунистическая Партия Советского Союза, ура!» «Ура-а-а!» – откликнулись демонстранты. «Слава коллективу совхоза "Бокситогорский", досрочно выполнившему план по сдаче мяса государству, ура!» «Ура-а-а!» – слышалось в ответ. Несли портреты членов Политбюро. Портреты побольше стояли на улицах города, никто их не портил, а значит и не охранял.

Получили мы к пятидесятилетию державы еще один прекрасный подарок – в город пришло телевидение. В соседнем районе построили вышку-ретранслятор и обеспечили устойчивый телесигнал. Вначале была одна первая программа, но каким огромным событием это стало для всех! Мы купили прекрасный по тем временам черно-белый телевизор «Темп». Прослужил он нам верой и правдой одиннадцать лет. Денег в семье стало чуть больше. Мне платили 160 рублей вместо сотни в райкоме, да и супруга получала столько же, работая главной медсестрой больницы. Конечно, наш доход далеко не дотягивал до нормальной рабочей семьи, но я считал, что гегемон и должен лучше чиновников жить. Через год приобрели мы отличный холодильник «Ока-111», который трудился у нас безотказно 30 лет. Вот такая бытовая техника производилась в СССР (а при нынешнем капитализме за полгода второй смеситель покупаю!) В общем, все у нас было. Мы считали, что живем неплохо. Даже ковер купили – два на три метра – тогда он почему-то казался символом благополучия, а не копилкой пыли.

В 1968 году родился второй сын Алеша. Его уже не несли несколько километров пешком, как первенца. За недалекие 700 метров привез я жену с младенцем на служебной «Волге». В прокат на год взяли красивую, высокую коляску – какие только услуги не появились! Я с удовольствием катал в ней новорожденного по городу, а зимой пересадил подросшего сынка на санки. Исполнилось мне 33 года, и был я уже не тот шалопай-папаша, который в Мозолево с ребятами убежал на завод играть в хоккей. Когда выдавалось свободное время, с удовольствием занимался с детьми, много читал им, гулял, играл. После рождения Алеши мы еще раз воспользовались услугами безотказной нашей няньки бабы Дуни, которая сидела и со старшим сыном. Два года жила она у нас зимой. Летом отправляли мы детей в деревню, к теще с тестем. Об этой деревне – отдельный разговор.

Вторая Родина

Родители жены переехали в деревню Великий Двор.

В 1967 году пришло время оставить уютный и обжитой Иркутский шлюз, поскольку Мариинскую водную систему закрыли. Отработала она почти две сотни лет и сделала свое дело – лес начали возить на автомашинах.

Все поселения на шлюзах – Иркутском, Кронштадском, Архангельском, Одесском, Олонцеком, Саратовском и других – остались не у дел. Шлюзы так назывались в честь губерний, откуда прибыл работный люд при возведении их в XVIII веке. Люди уезжали кто куда – в Тихвин, в другие лесопункты, в совхозы. Мой тесть Михаил Федорович и теща Ольга Михайловна переехали в деревню Великий Двор, в дом одинокой старухи Марии Петровой. Много лет назад теща, тогда еще «в девках», у нее батрачила, мыла в том самом доме полы.

Баба Маша подарила дом с условием, что новые жильцы будут за ней ухаживать всю оставшуюся жизнь. Было ей 88 лет, а прожила она до 94-х. Дом – пятистенный, добротный – построен из реликтового леса в 20-х годах прошлого века, но требовал ремонта, поскольку лет 40 лет никто им не занимался. Муж бабы Маши Александр работал на шлюзах, имел небольшой заработок. Дом построил сам, сделал его очень просторным по крестьянским меркам – на свою беду, как оказалось. В лихие 30-е годы, Петрова посчитали кулаком, сослали в Сибирь, откуда он вернулся через 20 лет стариком и вскоре умер. Баба Маша так всю жизнь и жила одна, детей не заимела. Помню, спросил я ее, за что же раскулачили и сослали деда. «А как же», – ответила старуха, – «у нас добра описали 92 предмета». Туда входили лавки, табуреты, столы, утюги, сундуки с тряпьем, то есть вся немудреная крестьянская утварь. Баба Маша считала себя богатой на фоне деревенской бедноты и раскулачивание казалось ей подтверждением былого достатка.

В пятистенных избах жили тогда еще несколько семей, но их не тронули, поскольку они имели меньше скарба и там были дети. А «Петров» дом заняли под правление колхоза. За 30 лет там помещался и сельсовет, и почта, и колхозное картофелехранилище в подполье. Баба Маша эти годы скиталась по знакомым. В 1955 году Петрова реабилитировали, дом вернули и дали тысячу рублей, получается как за моральный ущерб. Чтобы нормально жить в этом доме, тестю Михаилу Федоровичу пришлось в за 2-3 года произвести капитальный ремонт: заменить кровлю, рамы, переложить печи, переделать пристройки, коридор. Мы активно помогали, приезжая в выходные, в отпуск. Я помогал крыть крышу шифером, таскать кирпич, «мячить» глину, красить рамы. В общем, работы было невпроворот. Позже через 25 лет сыновья Андрей и Алеша поставили дом на цементный фундамент, обшили его вагонкой, покрасили, оборудовали веранду, гараж, поставили на фундамент баню. Все это делалось с охотой, не торопясь, не перенапрягаясь. Места кругом благодатные, и жить там было одно удовольствие.

Великий Двор возник в XVIII веке с началом строительства водной системы на реке Тихвинке. Деревня выросла до 50 дворов – довольно крупное для северных мест поселение. Местные жители работали на шлюзах, заготавливали и сплавляли лес, занимались земледелием. Кругом находилось

140 гектаров полей, много так называемых «поповских», лучших земель. На входе в деревню построили каменную церковь, довольно большую, в нее ходили верующие (а тогда верующими были все) со всех окрестных сел: Минецкого, Василева, Новинки, Масляной горы. Последняя так названа потому, что вез когда-то мужик на телеге в бочке растительное масло, да потерял затычку и разлил его по всей длинной горе, которая и стала Масляной. Церковный приход в Великом Дворе назывался «Званы». Это и стало неофициальным, но устойчивым названием Великого Двора, сохранившимся до сих пор. «Куда в субботу поедем? – В Званы», – в просторечии другого названия не употреблялось.

Служителей культа было двое. Жили они по одному в каждом конце деревни. Потому и все окрестные поля получили название «поповские земли». Попы не чурались никакой работы, косили, пахали, ходили босиком. После 1917 года земли отобрали, попы уехали. Крест с церкви скинули, иконы местные активисты-атеисты повыбрасывали из окон и куда-то увезли. Но само здание церкви стояло долго, даже в 1941 году в нем на постое находились красноармейцы, ведь линия фронта проходила совсем рядом. По рассказам местных жителей, здесь же в церкви зимой 42 года некоторое время размещался штрафной батальон (бывшие заключенные). При них случился пожар, который причинил церкви уже непоправимый ущерб. В 50-е годы жители церковь растащили, как говорят, по кирпичику. Не осталось ничего, одно заросшее лесом кладбище. На этом месте теперь стоит красивый сосновый домик. Новые времена – новые жители.

Вокруг деревни на многие километры тянулись леса.

На север на полсотни километров не было ни одного поселения. Зато в изобилии имелись ягодные болота, вырубки, грибные места. И рыба в речке была, но рыбалку я как-то не любил. А наш Андрюша, наоборот, рыбачил с малых лет. Когда ему было лет 10, пошли мы с ним за смородиной на Кронштадский шлюз (километров шесть от Зван). Несколько лет назад жили там две семьи, и на бывших огородах росла смородина. Взяли большую корзинку, прихватили спиннинг. Я пошел ягоды брать, сына оставил на речном плесе. Спустя несколько минут он кричит мне: «Щуку поймал!» Я подошел – действительно, щучка на полкило. Через некоторое время вторая, третья, такая ловля разгорелась! Несколько щук сорвалось. Я и про ягоды забыл, тут же рядом засуетился. Наловили полкорзины щук, а через час клев прекратился, и мы довольные понеслись домой.

В другой раз на то место привел я своего хорошего знакомого Александра Николаевича Жужгина, работавшего тогда директором бокситогорской сельхозтехники. Он тоже натаскал полмешка рыбы какой-то хитрой японской снастью. В августе туда же ходили мы с Жужгиным за грибами. Около шлюза в полукилометре набили по мешку белых и

подосиновичков. Вышли на берег реки к старой березе и увидели настоящее русское чудо! Все пространство около березы было усыпано молодыми красноголовиками. Посчитали – 92 подосиновичка, и ни одного не взяли – некуда, все заполнено. Много лет потом вспоминали эти грибы, да никогда больше такого не повторилось.

Первые годы тянуло нас на Иркутский шлюз. И вот мы с Андреем, ему лет 8, отправились в знакомые места. Собирали по дороге грибы, но их было еще мало – июль, жарко. Вдруг в бору он зовет, какую-то крышечку нашел. Оказалась шляпка прекрасного белого гриба. До Иркутского мы дошли, но там уже царило запустение. Дома увезены или разорены, жители разъехались. Один Федор Хошев, здоровенный лесной работяга, жил там с женой Варварой. Ходил он на работу за много километров лет семь, затем все же переехал поближе к Званам. На обратном пути с Иркутского Андрюша у меня от жары и голода разомлел, пришлось его нести на плечах. Вот и вспомнил я Федора, представил как он каждый день вышагивал туда обратно в жару и метель.

Многие годы набирали мы грибов в окрестных лесах, земляники и малины на вырубках, брусники и клюквы на болотах – делали компоты, варили варенья. Особенно любил этим заниматься я, уставший от городской суеты. Приеду, бывало, и бегом в лес. Если нет ничего, просто поброжу по полям, лесам, помурлыкаю себе под нос «Русское поле» или «На дальней станции сойду». Огромный заряд бодрости и сил получал, побродив по лесу! После городской жизни, заседаний, совещаний – просто бальзам на душу, несмотря на длинную дорогу и толчею в автобусах и поездах. И дети там отдыхали каждое лето, набирались сил. Низкий поклон от нас всегда был благословенным Званам и тестю с тещей за радушие и гостеприимство.

Добираться, правда, было непросто. «На дальней станции» Павловские концы частенько сходили с поезда глубокой ночью и два часа пилили пешком двенадцать километров. В сухую погоду здорово выручал велосипед:

Солнце на спицах, синева над головой
Ветер нам в лица обгоняет шар земной
Ветры и весны, убегающие в даль
Сядешь и просто нажимаешь на педаль
Даль-даль-даль-даль, да-да-да-да!

И через два с половиной часа ты уже на месте. А с 68-го года в Званы из Бокситогорска начал ходить автобус два раза в день. Вот стала красота! В то лето жена с детьми отдыхала там несколько месяцев (Алеша только что родился). Я тоже каждые выходные приезжал.

Еще одна незабываемая радость в деревенской жизни – баня. Построили мы с тестем у ручья просторную парную русскую баню и топили ее каждую субботу. Сосед Толя Егоров помог нам, баней пользовались вместе. Целый ритуал с этой баней выполнялся. С утра заливали большой, в семнадцать ведер котел воды – ключевой ручей струился прямо у порога.

Приносили вязанки две дров, обязательно сухих березовых или ольховых. Затопляли баню после обеда, топилась она по-черному, часа два с половиной. Минут тридцать давали ей постоять с полуприкрытой задвижкой в потолке, мыли лавки и полок от нагара – и готово. С чердака снимали заготовленные дедом березовые веники и лыковые мочалки, клали их в алюминиевые тазы и шли по тропинке на запах дымка и раскаленной каменки. Парились в те годы я, сосед Толя и мой тесть Михаил Федорович (уже семидесятилетний). Отдыхали в предбаннике, пили березовый чай из запаренного веника. Окунались иногда в ручей, или в снег зимой. Часа через полтора возвращались домой и там устраивали уже настоящее затяжное чаепитие, из ведерного угольного самовара, иногда и со стопочкой. Я всей душой любил эту баню, особенно зимой. Правда, все же не до такого фанатизма, как описано у В. Шукшина в рассказе «Алеша Бесконвойный».

Зимой приезжал я в Званы пореже, но все же старался выбираться каждый месяц. Поздней осенью заготавливали мы с дедом дрова на двора березу и ольху, благо у деревни росли они в изобилии. Пилили двуручной пилой или «лучком», складывали в костры, которые местный тракторист Толя Рюхин привозил нам на тракторе домой. Около дома бревна пилили на клячи, тоже вручную, кололи, складывали в ровенькие поленницы. Дрова для крестьянского дома – главная забота. На зиму, на две печки надо было кубометров двадцать. Дед соорудил грандиозный дровяник на полсотни кубов и всегда заполнял его года на три вперед. Соседи дивились таким запасам. Живший напротив Володя Ясев даже называл наши заготовки «патологической любовью к дровам». А мне нравилась эта размашистая крестьянская работа. В городе нет физического труда, вот и наверстывал. Опять же польза и результат были налицо, так что никакой патологии.

Жила деревня полнокровной жизнью.

В то время в Званах работал магазин, школа, медпункт, клуб, в котором ставили кино, иногда давали концерты. Совхозное стадо около 200 коров содержалось в кирпичном скотном дворе, рядом имелась добротная конюшня. Народу хватало и совхозу, и леспромхозу. Жители русские и на треть украинцы. После войны с Украины приезжали сюда целые бригады заготавливать лес, благо леса в этих местах немерено. Многие молодые хохлы остались в Званах навсегда. Незамужних красивых девчат было немало, а свои-то женихи с фронта не вернулись. Когда я узнавал Званы, удивлялся фамилиям семей: Панасюк, Петренюк, Дребенец, Драп, Бурилко, Гончарский, Бахмат – будто попал на какой-то украинский хутор (близ Диканьки). Но это было и хорошо, влило новую струю в деревню. Позднее, девушка Дуня из Западной Украины захомотала местного парня Володю Попова и тоже осталась здесь на всю жизнь.

В 60-е годы бригада «Великий Двор» занимала ведущее место в совхозе «Красный пахарь». Центральная усадьба его располагалась в девяти километрах, в поселке Большой Двор. Великодворское отделение заседало 70 гектаров картошкой, выращивало много турнепса и капусты, обеспечивало сеном и силосом довольно большое совхозное стадо. Большая заслуга в этом бригадира Валентины Васильевны Поповой, которая оттрубила нелегком бригадирском посту 30 лет. За свой самоотверженный труд Валентина Васильевна награждена орденом Трудового Красного знамени и имеет бронзовую медаль ВДНХ – Выставки достижений народного хозяйства в Москве. Очень энергичная, активная по характеру, прекрасный специалист сельского хозяйства, она была не только хорошим организатором производства, но и воспитателем. Без нее в деревне в эти годы не совершалось ничего. Она досконально знала каждую семью, каждого работника, кто на что способен. Одного надо поощрить, поблагодарить, другого, пьяницу, пропесочить. Такие тоже жили – взять хоть Зину, Владика и Толю Королевых. Они, бывало, работали несколько дней а затем пили месяцами. Иногда в помощь бригадиру приезжал участковый Коля Натычко – составлял протокол, предупреждал. Местные «короли» (так их звали в деревне) опять месяца три работали. Какое тут нарушение свободы личности? С таким народом иначе нельзя.

Деревня Званы, как и везде, держалась на таких женщинах, как бригадир Валентина Попова, доярки Валентина Егорова, Александра Кузьмина, Александра Уткина, Мария Карновская, телятница Екатерина Ясева. Мужчины же, в большинстве своем, работали в лесу – Василий Кузьмин, Михаил Синевиц, Михаил Казабанов, Михаил Разин (полдеревни Михайлы). Михаил Бурилко и Дмитрий Драп многие годы пасли коров. А Геннадий Яковлев ухаживал за лошадьми, был большой спец по этой части, хотя и плохо слышал. Трактористами работали Анатолий Воронин, Анатолий Брюквин, Александр Орлов, шофером – Владимир Карновский. Электриком и связистом был Михаил Бахмат, клубом и библиотекой заведовала Ольга Гончарская, в магазине торговала Александра Захарова. В медпункте сорок лет пользовала людей Анна Васильевна Кошелева.

Жили в Званах и многодетные семьи по трое и более детей: Кузьмины, Казабановы, Егоровы. Заслуженные участники войны, почитаемые всеми жители Зван – Николай Петрович Орлов, Петр Павлович Васьков, Михаил Федорович Никитин (мой тесть), Михаил Федорович Синевиц, Михаил Иванович Казабанов и другие. Со всеми этими людьми приятно было общаться, работать, иногда и повеселиться.

Престольные праздники, как у нас в Глине в 40-е годы, здесь не отмечались. Хотя праздновали, бывало, чуть не каждый день. Разгоралось пьянство, правда, еще не повальное, всегда находились и трезвые люди. Рабочие из лесу приезжали и около магазина на пригорочке располагались для

выпивона. Добавляли – магазин рядом, деньги водились. Потом разбредались по домам. Кузьмину, Казабанову, Петренюку было близко, а Бойцову и братьям Барановым приходилось топать на Василево за два с лишним километра. Но утром все как штык являлись на работу. Ходили друг к другу в гости, отмечали дни рождения, советские праздники. Походов из конца в конец деревни с гармошками уже не устаивали. Но на вечеринках у соседей (а я в Званах нередко весь отпуск проводил) довелось послушать местные частушки. Михаил Бурилко здорово наяривал на балалайке. Например, про бригадира:

Бригадир, бригадир
Синие порточки
Ничего не понимает
Только ставит точки.

И затем:

Бригадир идет дорогой
А бригада стороной
Бригадира наверху
Деревянной бороной.

Бригадирами были в основном мужики – в лесу, на железной дороге, в совхозе. Валя Попова среди них составляла исключение. Авторитет у нее был непререкаемый, про нее частушек не сочиняли.

Всего два раза в эти годы провел я отпуск в других краях.

Работая в райкоме, чудесно отдохнул три недели в санатории обкома партии «Мельничный ручей», возле Всеволожска. Какой-то необычно теплый май стоял тогда, мы купались и загорали. Кажется, за 40 лет после того никогда больше не приходилось купаться в такую раннюю пору. А осенью 1967 года отпуск вообще получился сказочный. В конце сентября я уже собрался, как обычно, поехать в деревню, но встретил знакомого учителя. Тот предложил мне свою путевку на Черное море, выделенную районным отделом народного образования. Год учебный уже начался и он не захотел уезжать. Круиз по Черному морю на теплоходе «Петр Великий» стоил всего 27 рублей, остальное оплатило государство. Билет до Симферополя на самолете пришлось купить самому – около 30 рублей. Я, конечно, съездил и очень был доволен. Побывал за 22 дня на всех курортах – Одессе, Севастополе, Феодосии, Ялте, Сочи, Гаграх, Батуми. До обеда загорал, после обеда отправлялся на экскурсии на катерах по окрестным местам. Побывал, естественно, на озере Рица, в Никитском ботаническом саду, в приграничном местечке Зеленый Мыс по соседству с Турцией. В Ялте зашли в открывшуюся тогда дегустацию вин. В общем, для меня, проводившего отпуск в деревне, это первое путешествие по морю – просто чудо, воспоминания на всю жизнь.

Оказалось, что и кроме деревни можно отдохнуть неплохо. Позже ездил я и в Минеральные воды, и в Трускавец, и даже в круиз вокруг Европы. Несколько раз отдыхал с женой, но больше один, она была с детьми. И на юг пару раз она ездила с Алешей. Кстати, отдохнуть на море могла позволить себе практически любая семья. Вот к примеру Людмила, сестра жены – медсестра, муж – рабочий глиноземного завода. В 69 году с пятилетней дочерью ездила на Черное море. Вдвоем уложились в 300 рублей, без посторонней помощи, даже без путевки.

Конец золотого века.

К концу 60-х стали мы постарше, помудрей, посолидней. Имели много друзей, знакомых. В нашем небольшом городке знали лично или в лицо почти всех взрослых жителей. Обстановка в городе, на работе и дома была спокойная. В общем, жизнь текла интересно и размеренно. Были мы молоды, заботы о детях особенно не обременяли. Да и дети еще «поперек лавки лежали», то есть были небольшие. Жили дома, около родителей, выполняли нашу волю, а не хотели – так можно было и заставить. А вот когда подросли, «вдоль лавки» легли, улетели из-под родительского крыла – хлопот прибавилось. Рассуждала так еще моя мать Мария Степановна. Пришло время, появился семейный воз и у меня. Конечно, в семье не все всегда шло гладко, бывали и ссоры и недомолвки с женой, без этого редко у кого бывает. «Жизнь прожить – не поле перейти», – известная народная мудрость. Я по характеру не подарок, бывал и нудным, и скучным. И все же, старался я долго не сердиться, не переступить грань до скандалов, с ругательствами и, избави Бог, с рукоприкладством.

«Семья – ячейка общества, крепкая семья – крепкое общество», – этот марксистский постулат не так уж был и плох. И большинство нормальных мужчин чувствовали ответственность перед обществом за семью, за детей. Зато сейчас в ходу другая мораль, у мужей жена как личность не в счет. А меня коробят теперешние рассказы об известных деятелях – кто сколько раз женат. Чем больше, тем, вроде, и лучше. Кончаловский хвастал, что пятерых жен имел, детей от всех завел. О Табакове, Жванецком вешали, что они женились в 60 лет на молоденьких. Получается, перед прежней женой, семьей у них и обязанностей нет – одна свобода. Не знаю, нам свободы хватало – и семейной, и любой другой.

Все 60-е годы занимался я воспитательной работой и ни разу не сталкивался с каким-либо недовольством советской властью, Конституцией – ни среди населения, ни в трудовых коллективах. Всегда встречал поддержку и единомышленников. Ну не было недовольных! Если кого-то не устраивало материальное благополучие, зарплата, жилищные условия, то каждый знал, что все зависит от него самого, а не от власти. Меньше пьянствуй, трудись, повышай квалификацию – и будешь лучше жить, условия для этого созданы.

Да и потребности-то у людей того времени были небольшими, а может и минимальными. Никто двухэтажных дач не строил, о Канарах не слыхивал, даже о личном авто мало кто думал. Хотя при желании накопить мог каждый рабочий или интеллигент. Например, мой брат Петр с женой, оба учителя, всего года за три смогли приобрести автомобиль.

Никаких литературных и вольнодумствующих салонов у нас не было. Читали то, что печаталось – стихи Р. Рождественского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, прозу В. Распутина, В. Белова (моего тезки, вологодского писателя). Свободы им тоже хватало. Печатались тогда и Куприн, и Бунин, и Есенин. Выходили пластинки В. Высоцкого – я сам под его шлягер «Гимнастика» делал физзарядку. Мы тогда и не знали, что свободы не хватало Бродскому в Ленинграде, Даниэлю и Синявскому в Москве. О выступлении группы рабочих в Новочеркасске ничего не слыхали. Думаю, что это отдельные эпизоды, в такой огромной стране не обойдешься без недовольных. Сейчас протестуют миллионы, да на них никто и внимания не обращает – ни своя власть, ни заграница.

Мы, шестидесятники, гордились своей страной, развитием науки и техники, трудовыми, спортивными и культурными достижениями. В футбол завоевали кубок Европы, вышли в полуфинал чемпионата мира. В хоккее безусловно побеждали на чемпионатах мира и Европы. Больше всех брали золота на Олимпийских играх. А какие шедевры кино создавались! Ведь самый знаменитый советский фильм «Белое солнце пустыни» появился именно в конце шестидесятых.

Только в 1967 году я узнал еще об одном преступлении сталинской диктатуры, не из прессы, а от очевидца. Это так называемое «ленинградское дело» 1952 года. Мне рассказал участник этих событий, бывший в то время председателем исполкома в одном из районов Ленинграда. До какого цинизма или идиотизма надо дойти, чтобы обвинить в измене родине людей, отстоявших город, переживших блокаду? Шестерых руководителей приговорили к высшей мере, на несколько лет в Горьковскую область выслали всех первых секретарей райкомов и председателей райисполкомов. И никаких протестов, знающие люди молча взирали на такие зверства. В 60-е годы это уже была история, но недалекая. Даже меня, приверженца советского строя, рассказ очевидца ужасно покорибил.

И все же, я всегда считал и считаю, что советская власть – лучшая форма правления народа. Просто попадались плохие толкователи, а позже, в 80-х, старые догматики и вовсе забылись в полудреме, хотя мир изменился. В Китае же смогли вовремя приспособить народную власть к новым условиям и сохранили страну. А 60-е годы, по моему мнению – лучший период в жизни СССР, «золотой век» советской власти. Народ и партия, дело и слово, разум и сердце еще были едины. Далее в теле страны постепенно появились трещины. Я думаю, что мы, шестидесятники, прожили самый интересный и

благополучный период в истории советского государства. Не жалею, что у нас он прошел в труде, впрочем, как и вся жизнь. Сейчас о труде, о трудовом человеке нигде не говорят, труда как бы и нет – одни развлечения и происшествия. Мы же воспитаны меньше думать о себе, о своем благополучии, а больше о людях, «о благе Родины». А по-новому выходит, надо больше любить себя, а потом других. Может это и правильно.

Нам довелось прожить 60-е в спокойном благоустроенном Бокситогорске, а ведь тысячи шестидесятников осваивали газовые и нефтяные месторождения в Сибири и на Крайнем Севере, строили гидроэлектростанции, возводили мощные комбинаты. А ради чего? Разве ради будущих поколений и обеспеченной старости, как мы думали? Нет, оказалось, ради нескольких десятков подсуетившихся лиц, которые вовремя оказались у раздаточного «окна возможностей». Которые поделили недра и заводы, объявили их своими навечно и в одночасье превратились в миллиардеров. Причем, провели через законы, что захват пересмотру не подлежит и назвали это высшим проявлением демократии. Я тоже за демократию, за власть народа, но этого, видимо, мне понять не дано.

Не буду махать кулаками на небожителей, а взгляну на свои родные и душевно любимые места. Кому-то, может, нравится нынешний Бокситогорск и Званы, а мне – прежние. Деревня наша и вообще стала настоящим символом случившихся перемен. Из постоянно проживающих осталось там 16 семей – одни старики, не рождалось никого уже лет двадцать. Много умерло людей молодых и зрелых – в основном от безысходного пьянства, а некоторые и от бандитской пули. Совхоз распущен, скотный двор разрушен, поля заросли, единственный фермер разорился (сосед Сережа Гончарский пытался фермерствовать, да ничего не получилось, дальше кроликов не пошел, уехал в Питер ремонтировать квартиры). Медпункт закрыли, дороги разбили в прах, автобус отменили. Лес почти весь украли и продали за границу, осталось немного. Реликтовый бор вырвали с корнем. И вдобавок ко всему, в апреле 98 года случился в Званах ужасный пожар. Взрослые напились и отправились на кладбище, оставив дома ребенка со спичками без присмотра. Четырехлетний пацаненок жег в огороде сухую траву, огонь лизнул железную цистерну, а в ней оказалось две тонны краденой солярки... Сгорел магазин, 8 домов, в том числе и наш пятистенок из неохватных бревен. В общем, пришло запустение в некогда цветущее село. Зброшены и Глина с Мозоловом. Школа, где я работал, закрыта за отсутствием учеников. Не лучше положение и в других селах Бокситогорского района. В 2004 году, как мне сказали в администрации, смертность в пять раз превысила рождаемость. Получается, что лет через двадцать сельское население, а через пятьдесят – и весь район – сойдут на нет.

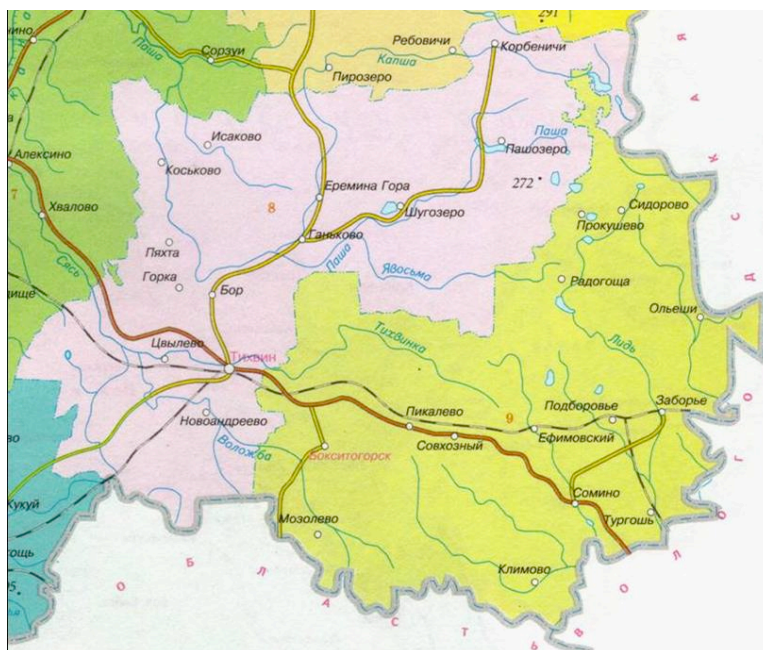
Разрушение страны имело не только экономические, но и катастрофические социальные последствия, особенно в деревне. Сельский люд работал, кормился около государственных хозяйств и беспробудной

пьянкой не занимался. Не стало совхозов – рухнула деревня. В начале 90-х новым правителям советники внушили ложный посыл, что коллективные хозяйства надо прикрыть, а вернуться к индивидуальным, типа столыпинских «отрубов». Ну и прикрыли – будут, мол, фермеры ляжку тянуть. Никаких фермеров не появилось. Земельные паи, правда, получили, а техники-то нет, кредиты ростовщические. А главное, нет теперь такого народа, кто будет вручную горбатиться по 15 часов в день, если уже двадцать лет назад люди в деревне работали на тракторах и машинной дойке. Не получится снова приобщить их к каторжному труду, к лопате и сохе. Нет уж, в нашей северной деревне выгоднее работать коллективно, последние годы это подтвердили. Только как же восстановить фермы, племенной скот, инфраструктуру? Да и рабочей силы уже нет совсем. Неувязочка получается. И молчат теперь господа советники. А мне обидно, что мы строили, открывали, возводили, воспитывали – и оказалось, никому это не нужно. Города, положим, как-то перебьются. Наш Бокситогорск стоит не в том блеске, что раньше, но люди уже сейчас живут, пожалуй, побогаче нас. А вот что с деревней будет, кто заселит эти земли – один Творец, видать, знает. Так и завершились благословенные 60-е годы XX века. Грустно, конечно, но что делать. Жизнь идет, история движется дальше.

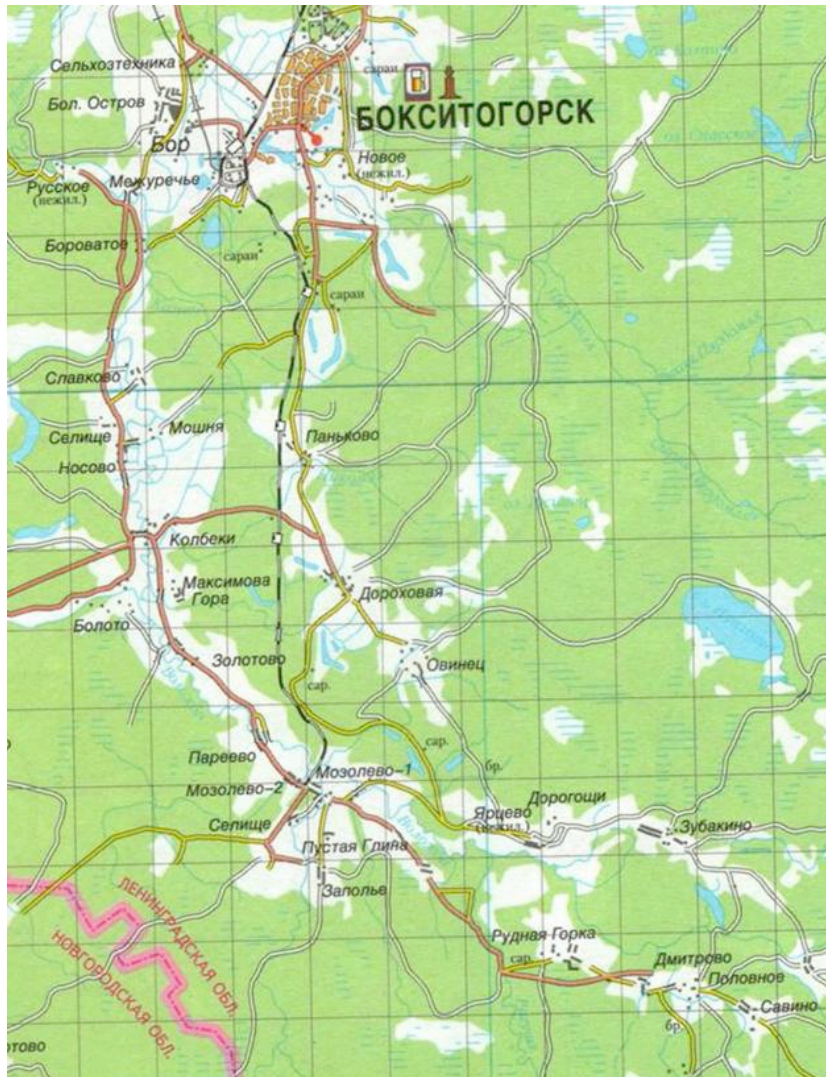
Постскриптум

Дальнейшие автобиографические заметки продолжать не считаю возможным. С самого начала задумал я написать лишь о военном детстве и моей работе в Бокситогорске в 60-х годах. В заметках отмечены только события и люди, которых я знаю и помню. Суждения сугубо личные. Все это предназначено для сыновей, близких родственников и отдельных знакомых, кто захочет поинтересоваться.

Ленинградская область, Бокситогорский и Тихвинский районы.

Южная часть Бокситогорского района.

1944. Три брата и соседская девочка Аня.
Август 1945. Вся семья и дедушка Степан.

1944. Первое фото.

1950. Студент педучилища.

2 августа 1952. Ильин день.

1950. Мужская часть студентов педучилища.
1951-1953. С лучшим другом В.Крыловым, с подругами.

1954. С выпускниками педучилища.
1955. На отдыхе в радишколе.

1956. Военный духовой оркестр, г.Щучин.
1956-1957. На аэродроме среди зарослей люпина.

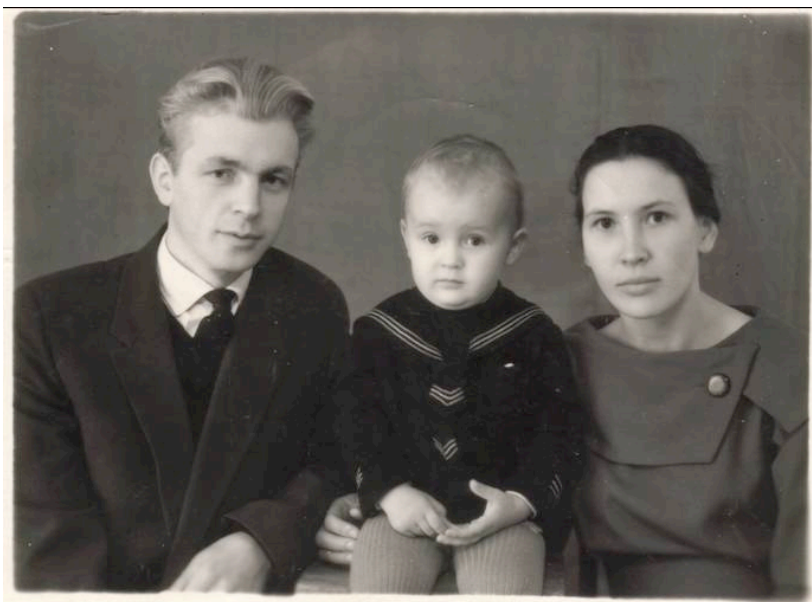
1956-1957. В увольнении с сослуживцами.
1960. На уроке биологии в школе с.Мозолево.

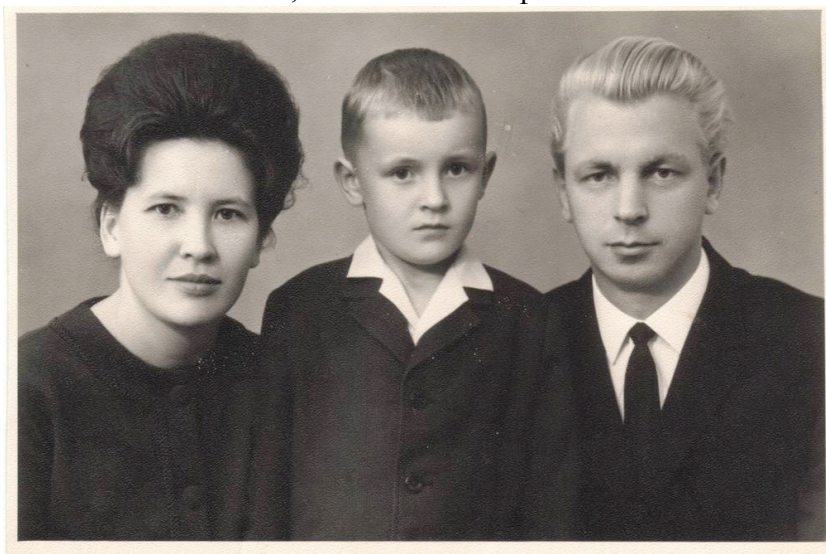

1960. Любимая жена с первенцем.
На свадьбе у сестры жены Людмилы.

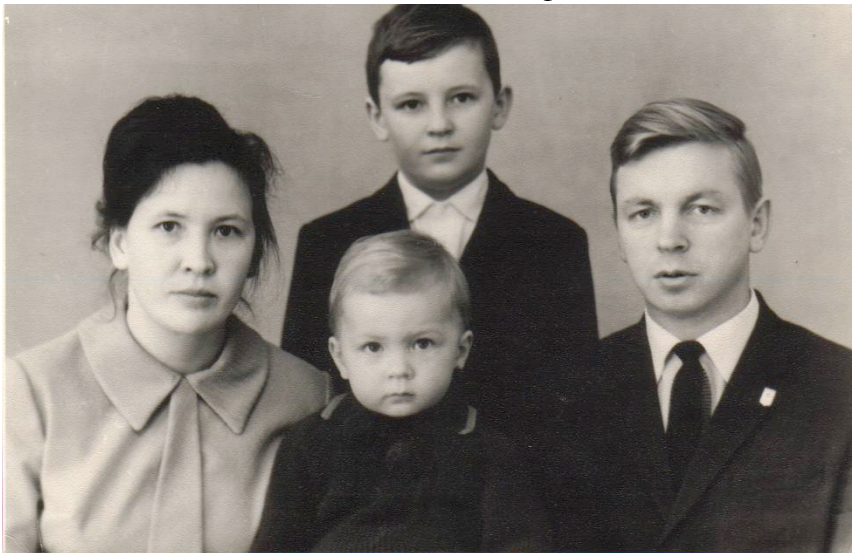

1960, 1967. Семейные фото.

1968, 1970. Семейные фото.

1964. В Москве с Д.Я.Араповым. 1971. С сыном Алешей у дома в Бокситогорске.

Начало 1970-х. С сыном Андрюшей на лыжной прогулке.

1974. Зятя с тестем, Михаилом Федоровичем.
1984. Теща, Ольга Михайловна, и дом в Званах.

2003. На разбитой дороге в Званах.
2005. За работой над этой книгой в парке г.Пушкина.

